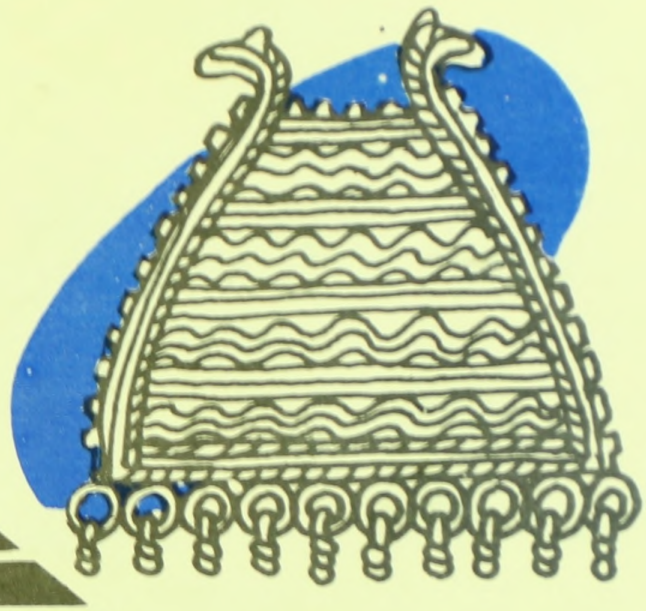
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.1994

Финно-угроведение, 1994 г., №1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К.И.САНУКОВ (главный редактор),
Ю.В.Андуганов (зам. главного редактора),
В.А.Балашов, В.Е.Владыкин,
Ю.А.Зеленеев (отв. секретарь),
А.Г.Иванов, М.Г.Иванова, В.Г.Кудрявцев, Т.Л.Молотова,
В.В.Напольских, В.В.Седов, В.С.Соловьев, А.Х.Халиков,
Д.В.Цыганкин, В.А.Юрченков.

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г.Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

К.Сануков. Финно-угры и финно-угроведение: новые горизонты 3

СТАТЬИ

Я.Пустаи. Лингвистическая модель определения прародины уральских народов 17
О.Поляков. О формировании, современном состоянии и перспективах развития мордовских (мокшанского и эрзянского) языков 23
Е.Клементьев. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) 41
В.Мочульников. К проблеме генезиса угорской этнокультурной общности в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. 61

СООБЩЕНИЯ

Л.Иванов. Некоторые черты сословного менталитета марийцев (вторая половина XVIII в.) 69
И.Лехтинен, Т.Молотова. Марийские коллекции в фондах Национального музея Финляндии 79
А.Уваров. Роль переводных религиозных книг в зарождении удмуртской литературы 93
О.Сергеев. О рукописных грамматиках 2-ой половины XIX в. А. Канцеровского и А.Смирнова 100
Р.Кудрявцева. «Окавий» С.Чавайна (к проблеме взаимодействия фольклорно-мифологического и литературно-художественного в структуре эпических жанров в марийской литературе 20-х годов) 107
М.Кузнецова. К вопросу о происхождении отдельных названий домашних животных в марийском языке 117

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

В.Ванюшев. Мы — финно-угры. 124
А.Куклин. Рец.: Современные мордовские языки. Фонетика. (Сост. и общая ред.: Л.В.Бондарко, О.Е.Полякова. Саранск, 1992) 134
С.Куминых, В.Напольских. Рец.: Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 143

ХРОНИКА

Хроника научной и культурной жизни финно-угорского мира (1989-1993гг.) Составил *Н.Садовин* 153
Н.Старостин, Р.Габяшев, Е.Казаков. Памяти А.Х.Халикова 160
Сведения об авторах 164

От редактора

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

ФИННО-УГРЫ И ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

На нынешнем этапе крутых общественных перемен наблюдается небывалый подъем интереса к этническим проблемам. Они выдвинулись на первый план как в политике, так и в науке. Это проявляется и в набирающем темпы движении финно-угорской общности. В огромном этническом многообразии мира мы выделяем наше родство. Конечно, не для того, чтобы противопоставить себя другим. А для того, чтобы лучше понять себя: кто мы такие как народы? Каковы наши родственные исторические корни? И каково наше будущее?

Всемирный конгресс финно-угорских народов, состоявшийся в декабре 1992 года в Сыктывкаре, признал необходимым издание журнала финно-угорских народов для освещения их этнической истории, языка, культуры. Научный центр финно-угроведения приступает к реализации этой задачи.

С 1965 года в Таллинне, столице Эстонии, издавался журнал «Советское финно-угроведение». За три десятилетия он проделал большую работу по координации исследований и публикации их результатов, получил международное признание. Но с самого начала его издатели и редакторы руководствовались узким пониманием содержания финно-угроведения, что подчеркивалось в первом номере журнала в обращении редакции к читателям: журнал посвящен «исследованию финно-угорских и самодийских языков» (1, с. 3). Эта лингвистическая направленность выдерживалась все годы, хотя иногда редакция публиковала материалы по этнографии, фольклору. С 1990 г. журнал не только естественно снял со своей обложки слово «советское», но и более точно определил свое название – «Linguistica Uralica». Журнал на высокопрофессиональном уровне продолжает выполнять свои задачи в намеченной конкретной области. Но наряду с этим есть необходимость иметь родственный журнал с более широким выходом в этническую жизнь финно-угорских (а также самодийских) народов.

Кроме того, при организации нового журнала Научный центр финно-угроведения имел в виду еще одно обстоятельство. С новым

обретением Эстонией независимости «Linguistica Uralica» для российских исследователей и читателей оказалась заграничным изданием. А между тем большинство финно-угорских народов и все самодийские народы находятся в России. В связи с этим представляется весьма важным иметь и в этой стране научный журнал соответствующего профиля. Этому не мешает тот факт, что известный поэт Юван Шесталов издает в Санкт-Петербурге журнал «Стерх». Это – иллюстрированное литературно-художественное и общественно-политическое издание, хотя там публикуются и некоторые научные материалы.

То, что в пестром калейдоскопе народов мира существует финно-угорская языковая общность, наука установила сравнительно давно – более двух веков назад. За прошедшее после этого время много было сделано для пропаганды знаний о родственных народах. Особенно преуспели в этом финские и венгерские ученые, проводившие в конце XIX – начале XX веков научные изыскания среди восточных родственников. В 20-х гг. к ним присоединилась и молодая научная поросль из мари, удмуртов, мордвы, других народов. В 20-х — начале 30-х годов в финно-угорских регионах России успешно работали научные общества по изучению этнографии, культуры, языка своих народов и даже предпринимались шаги по их объединению. В Ленинграде плодотворно действовало общество изучения культуры финно-угорских народов.

Правда, в 30-х годах в СССР в условиях полного подчинения науки политике и идеологии был сделан большой попятный шаг: был наложен запрет даже на само упоминание о том, что марийский и другие языки являются родственными финскому, венгерскому, эстонскому.

Достаточно емко эти процессы характеризуются следующими выдержками из доклада Марийского обкома ВКП (б) на областной партийной конференции в 1934 году: «Как преподается в пединституте история мари, марийского языка? Увязывается вопрос марийского языка с другими, говорится о родственной связи мари с финнами, венграми и т.д. и т.п. Под каким соусом преподносится рассуждение о таких вещах? Мы не можем допустить, чтобы кафедры высшей школы превратились в кафедры пропаганды буржуазных мнений или людей, которые отражают линию контрреволюционных интеллигентов. За это нужно спросить строго!» (2, с.260-261).

И спросили. Такие «враги народа», «буржуазные националисты» были репрессированы в большинстве как агенты и шпионы Финляндии, а некоторые – Эстонии и Венгрии. В подвалах НКВД были сочинены версии о «федералистах», якобы мечтавших о создании «федерации финно-угорских племен под протекторатом Финляндии», о «Сою-

зе освобождения финских народностей» («Софин»). Даже с трибуны конгресса Коминтерна были осуждены «финские фашисты», якобы стремившиеся создать «Великую Финляндию» от Скандинавии до Западной Сибири. И когда в 30-х годах в независимых угро-финских странах – Венгрии, Эстонии, Финляндии – ежегодно проводились «дни родственных народов», конгрессы культуры и т.д., в СССР они даже не упоминались. А затем и в Эстонии, в связи с ее аннексией Советским Союзом, и в Венгрии, в связи с ее превращением в советского сателлита, они перестали проводиться. Но научная истина все-таки пробивалась, тем более в связи с названными обстоятельствами и с установлением добрососедских отношений с Финляндией после второй мировой войны уже не было необходимости в запрете темы о финно-угорском родстве.

Сведения на эту тему стали шире пропагандироваться с 1960 года, когда в Будапеште состоялся первый международный конгресс финно-угроведов. С тех пор с интервалом в пять лет проведено уже семь таких научных форумов: в 1965 г. в Хельсинки, в 1970 г. в Таллинне, в 1975 г. в Будапеште, в 1980 г. в Турку, в 1985 г. в Сыктывкаре, в 1990 г. в Дебрецене. Состоялось 17 Всесоюзных конференций финно-угроведов (последняя в Ижевске в 1987 г.).

Правда, обращала на себя внимание некоторая лингвистическая односторонность финно-угроведения, хотя на последних международных конгрессах и Всесоюзных конференциях ставились доклады и сообщения также по фольклору, археологии и этнографии. Очевидно, в современных условиях укрепления культурных контактов между родственными народами финно-угроведение, в том числе и в тематике международных конгрессов,будет развиваться в сторону расширения своих функций , чтобы не только отмечать языковые корни родства, но и находить другие аспекты, сближающие наши народы.

В последние годы это уже реализуется на различных международных встречах ученых, изучающих этногенез, историю, язык, быт, культуру финно-угорских народов. По инициативе созданного в 1990 году Международного фонда культуры финно-угорских народов в ноябре 1991 года в Йошкар-Оле (Марий Эл) состоялась международная научная конференция по проблемам этнопедагогики и культуры родственных народов. В октябре 1992 года в г. Сомбатхее (Венгрия) была проведена международная научная конференция «Пути уральских народов к политической, языковой и культурной автономии». Там же в октябре 1993 года состоялась международная научная конференция «Праистория уральских народов». В это же время в г. Тарту (Эстония) была организована международная научная конференция «Фин-

но-угорские меньшинства в меняющемся мире».

Научными дискуссиями, «круглыми столами» сопровождались проведенные три международных фестиваля фольклора родственных этносов. Происходило и становление исторического компонента финно-угроведения. Большое значение в этом отношении имел первый международный конгресс «История Финно-угрия» (г. Оулу, Финляндия, июнь 1993 года). В широкую научную дискуссию по проблемам языка и культуры вылились три Международные встречи писателей родственных народов: в Йошкар-Оле (1989 год), в финском городе Эспоо (1991 год) и венгерском городе Эгере (1993 год).

Накануне первого Всемирного конгресса финно-угорских народов в Сыктывкаре 30 ноября 1992 года был проведен "круглый стол" ученых на тему: "Этнополитическая ситуация в финно-угорских регионах", где с основными докладами выступили: от Финляндии — Сеппо Лаллукка, от Венгрии — Янош Пустаи, от Эстонии — Хено Сарв, от России — Ксенофонт Сануков.

Таким образом, научная общественность на практике реализует расширение функций финно-угроведения, и редакция нашего журнала намерена поддержать эту тенденцию.

В характеристике историко-культурного развития и современного состояния финно-угров сразу же обращает на себя внимание важнейшее обстоятельство, которое нельзя не учитывать. Этническое развитие родственных народов протекало и протекает весьма разнообразно, в их современном состоянии также имеются большие различия, что обусловлено взаимодействием многих факторов. Это даже дает повод задаваться вопросом (как это сделал на второй международной встрече финно-угорских писателей британский исследователь Майкл Бренч): что же такое финно-угорская общность — реальность или миф? (3).

Осознавая опасность любой схематизации, попытаемся все же проследить: что здесь относится к мифу и что составляет реальность?

Эти народы объединены общностью происхождения и языковым родством. Определенным сближающим обстоятельством является и их принадлежность к христианской религии (хотя и разных толков) с сильным влиянием дохристианских языческих культов у большинства из них. Это важные факторы, отражающиеся на этнических процессах. Но об общности исторической судьбы, о единообразии этнокультурного развития у финно-угорских народов, как в прошлом, так и в настоящем (а также и в будущем), говорить вряд ли возможно. У них имелись существенные различия в прохождении отдельных общественных этапов. Это обусловлено многими причинами, связанными с географическими, историко-политическими, демографическими и

другими факторами.

Одним из результатов разнообразных и даже разнонаправленных этнических, в частности этнодемографических процессов, продолжавшихся в течение веков, является то, что финно-угорские народы сильно отличаются количественными характеристиками. Численность вепсов более 15 млн., финнов — 5,3 млн., мордвы — 1154 тыс., эстонцев — 1100 тыс., удмуртов — 747 тыс., мари — 671 тыс., коми — 345 тыс., коми-пермяков — 152 тыс., карел — 138 тыс., саами — 52 тыс., ханты — 22,5 тыс., вепсов — 12,5 тыс., манси — 8,5 тыс., ижоры по последней Всесоюзной переписи населения (1989 г.) зафиксировано 820 человек, ливов — 226 человек, о води точных сведений нет (их, видимо, всего около 200 человек) (4, с. 166, 169, 175; 5, с. 28-33; 6, с.12-13; 7, с. 15-16).

Таким образом , в настоящее время в мире проживает около 26 млн. человек, относящихся к 16 народам финно-угорской группы. При этом некоторые их них относятся к малочисленным народностям. Не подлежит сомнению, что численность этноса имеет большое значение в этнических процессах, в возможностях реализации права на самоопределение. Она во многом предопределяет возможности функционирования языка, развития профессионального искусства. В частности, вряд ли язык малочисленного народа или этнической группы сможет стать языком науки, высшего и среднего специального образования; сомнительно, что у небольшой по численности национальности может утвердиться опера или балет в качестве развитого вида искусства. Но большинство финно-угорских народов имеют для этого достаточную численность.

Хотя, конечно, нельзя абсолютизировать этот фактор. Даже внутри нашей родственной семьи можно сравнить примерно одинаковые по численности народы: эстонский и мордовский — и заметить, какие существенные различия наблюдаются в уровне этнокультурного развития, самосознания этих национальностей.

Финно-угроведение не может не учитывать, какой огромный отпечаток на этнические процессы накладывают природно-географические условия, экологическая среда обитания. В результате этого воздействия конкретный этнос в культурно-типологическом отношении,по формам жизнедеятельности, производственно-хозяйственным навыкам, утвари, типу жилища, одежды, обуви и т.п., а также в этнопедагогике, духовных традициях и обычаях, вообще в структуре народной культуры и психологии больше имеет общего с живущими в этой же природной зоне по соседству народами другой языковой группы, чем с "родственниками по крови" из других регионов. С этой точки зрения эстонцы и ливы близки к латышам и литовцам, вепсы

— к румынам и гуцулам, финны — к шведам и норвежцам, марийцы, мордва, удмурты — к тюркоязычным чувашам, татарам, башкирам; ханты, манси, саами — к ненцам, эвенкам, чукчам и другим народностям Севера. Поэтому многие проблемы этнического развития должны изучаться, планы национального возрождения составляться и решаться в рамках региональных программ. Другой важный момент, связанный с этим: в поисках путей укрепления связей с родственными народами по языку нельзя порывать традиционные культурные связи с неродственными соседями по региону. Конкретно для изучения этнической истории прямое отношение к этому имеет вопрос о роли культурных заимствований и о возможностях конвергентного развития одинаковых элементов материальной и духовной культуры в схожих исторических и природно-географических условиях.

Вообще этногеографические и этнодемографические аспекты истории и современного положения различных народов заслуживают большего к себе внимания, чем это практиковалось до сих пор. Проблемы традиционной материальной и духовной культуры, ее эволюция под влиянием многих разнонаправленных воздействий, в том числе демографических и географических; роль культурного и иного взаимодействия между родственными и неродственными народами в историческом прогрессе или регрессе финно-угорских этносов — весь этот широкий круг вопросов будет находиться в поле внимания редакции журнала.

Все мы хорошо понимаем, что наука должна быть свободна от диктата политики и идеологии. Но когда мы изучаем и современное состояние, и культурно-языковую историю этносов, мы не можем не учитывать роль политических факторов в национальном развитии.

На развитие того или иного этноса, на различия в этноязыковых и культурных процессах важное влияние оказывает и государственно-политический статус, наличие или отсутствие у народа той или иной формы государственного устройства или автономии. Одно дело — возможности свободного развития языка, национальной культуры в независимых государствах Финляндии, Венгрии, Эстонии (с перерывом в 1940-1991 годах, когда она являлась союзной республикой СССР). Но у последней даже в этом качестве имелись более благоприятные условия в сравнении с автономными образованиями.

Другое дело — автономные республики карел, коми, марийцев, мордвы, удмуртов в составе России. Формальное устранение слова "автономия" из их официального названия по существу ничего не значит для коренных национальностей.

Еще меньше возможностей самостоятельного развития у коми-пермяков, хантов, манси, имеющих автономные округа, которые

входят в обычные административные области. Здесь немаловажное значение будет иметь изменение их автономного статуса — вывод из состава областей и установление прямых, непосредственных контактов с российскими руководящими органами.

Остальные финно-угорские народы не имеют вообще никаких форм автономного административного устройства. Среди них в несколько особом положении находятся саами, расчлененные границами четырех государств: Норвегии, Швеции, Финляндии, России. Причем, в первых трех странах, в отличие от России, они имеют значительные элементы самоуправления.

Широкая автономия, в том числе и в первую очередь культурно-национальная автономия в составе многонационального государства — это необходимо и реально достижимо для всех, включая и самые малочисленные этнические группы. Российские саами, вепсы, ижорцы, ингерманландские финны должны получить возможность самоуправления в форме национальных районов, волостей, сельских общин. Начало осуществления этого мы видим в Карелии — Шелтозерский сельсовет одноименного района получил статус национального вепсского.

Для этнокультурного, языкового и социального развития народов принципиально важное значение имеют и такие факторы, как компактность расселения и удельный вес в государствах и государственно-административных образованиях, названных именем того или иного народа.

В Финляндии сосредоточено 85% финского этноса и составляет там 93% населения. За пределами родины проживают 800 тысяч финнов, в том числе по 300 тысяч в Швеции и США, 50 тысяч в России, 18 тысяч в Эстонии. Венгрия в полной мере может считаться однонациональной страной (99% ее населения составляют венгры). Но историческая судьба в XX веке привела к тому, что от основной части венгерского этноса оказалось оторвано около 5 миллионов человек: 1,7 млн. в Румынии, 600 тысяч — в Чехии и Словакии, столько же в США, 500 тысяч — в странах бывшей Югославии, 160 тысяч — на Украине, 120 тысяч — в Канаде, 25 тысяч в Австралии и т. д.

Эстонцы основной этнической массой проживают на своей родине, но оторваны от нее около 80 тысяч человек, из них 20 тысяч живут в США, 18 тысяч в Канаде, 7 тысяч в Швеции, 5 тысяч в Австралии. С восстановлением Эстонией государственной независимости оказались оторванными еще 60 тысяч эстонцев, главным образом в приграничных районах России.

Наследием полувекового пребывания Эстонии в составе СССР, результатом миграционной политики Советской власти стало то, что

эстонцы в своей стране составляют всего 2/3 населения.

Но даже и этот показатель в сравнении с другими родственными народами бывшего СССР казался более или менее благополучным. Ибо остальные финно-угры в "своих" национально-государственных образованиях являются национальным меньшинством (мари — 43,3%, мордва — 32,5%, удмурты — 30,9%, коми — 23,3%, карелы — 10%, ханты и манси вместе — 1,5%). Только коми-пермяки в своем автономном округе составляют большинство населения.

При этом более половины (52%) марийцев, 73% мордвы, 40% карел, 34% удмуртов проживают за пределами "своих" республик.

Такая разбросанность отдельных этнических частей создает трудности для национального развития, систематического приобщения к родной культуре и материнскому языку, обрекает на ассимиляцию с окружающим инонациональным (прежде всего с русским) населением.

С этим фактором связаны дополнительные этнокультурные сложности. При этом, если у финнов, эстонцев, венгров существует проблема поддержания этнического существования во всемирной диаспоре, то у мордвы, марийцев и других принципиально важные этнокультурные задачи имеются в связи с их распыленностью на территории России и других стран "Содружества Независимых Государств".

До конца 30-х годов возможности этнокультурного развития мордвы, карел, мари и т.д. за пределами их республик в местах компактного расселения использовались. Территориальная автономия, выразившаяся в предоставлении автономных республик, областей, округов, сочеталась с культурно-национальной автономией для тех частей этносов, которые в силу исторической разбросанности оказались за пределами автономных территорий. С конца 30-х годов почти повсеместно в местах проживания диаспоры российские финно-угры лишились возможности учить детей на родном языке, читать на нем книги, газеты, журналы.

Но в подобной ситуации решающую роль ирает в общем-то даже не сам отдельно взятый фактор разбросанности этноса, а господствующие социально-политические отношения, традиционная советская система территориальной автономии. В других условиях даже разбросанность частей финской, венгерской, эстонской диаспор в различных странах и даже на различных континентах не является непреодолимым препятствием для сохранения языка, национальных обычаев, народной культуры (исключением, пожалуй, можно считать положение венгров в Трансильвании). Впечатляющи показатели этнокультурного развития саамов в Финляндии, Швеции, Норвегии в сравнении с положением их соплеменников в Мурманской области.

Дополнительной особенностью, осложняющей этнокультурный

прогресс и мимо которой не может пройти финно-угроведение, является внутренняя неоднородность самих некоторых этносов, которые в своем составе имеют субэтносы, сильно различающиеся между собой части. Таковыми выступают, например, марийцы, разделяющиеся на луговых и горных, мордва, внутри которой выделяются эрзя и мокша. Культурные и особенно языковые различия между внутринациональными частями настолько значительны, что они имеют двойное этническое самосознание, у них сформировались самостоятельные литературные языки. Весьма существенны различия между диалектами карельского языка, и не сформировался единый карельский литературный язык.

На основе сталинских теоретических установок во время дискуссии по вопросам языкознания в начале 50-х годов мордовские и марийские языковеды объявили о якобы единых языках своих народов, а языки субэтносов назвали наречиями или диалектами. Но с течением времени мордовские языковеды все же отказались от этого и стали мокшанский и эрзянский языки называть языками. Марийские языковеды (в большинстве) упорно отстаивают свои позиции, отказывая горным марийцам в праве иметь свой родной язык, а не наречие или "норму" или "вариант" литературного языка. Признание реальности существования двух литературных языков не является стремлением расчленить народ, не принесет ущерба национальному развитию, а наоборот — снимет элемент морально-психологического дискомфорта.

Сочетанием многих из названных выше факторов обусловлено сокращение от переписи к переписи численности мордвы, карел, вепсов, демографическая стагнация у других финно-угорских народов России.

Критическое положение сложилось почти у всех из них с родным языком, о чем говорит сравнение результатов Всесоюзных переписей 1959 и 1989 годов (8, с. 9-11; 7, с. 15-16).

Считали родным для себя язык своей нации (в %)	в 1959 г.	в 1989 г.
эстонцы	95,2	95,5
карелы	71,3	47,3
коми	89,3	70,4
коми-пермяки	87,6	70,1
мари	95,1	80,8
мордва	78,1	67,1
удмурты	89,1	69,6
ханты	77,0	60,5

манси	59,2	37,1
саами	69,9	42,2
вепсы	46,1	50,8
ижора	34,7	36,8
ливы	нет сведений	43,8
финны	59,5	34,6
венгры	97,2	93,9
водь	нет сведений	нет сведений

Благополучно было лишь положение эстонцев, а также советских венгров.

Языковая ситуация у финно-угорских народов (за исключением в целом финнов, венгров, эстонцев) доведена до черты, за которой, кажется, уже могут произойти необратимые процессы.

Многими языковедами отрицается необходимость терминологической работы. Отсюда — скудость собственного словарного состава, относящегося к общественно-политической жизни, науке, технике. В "суверенных" финно-угорских республиках России все делопроизводство и деловая переписка ведутся на русском языке.

И когда в последнее время поставлен вопрос о государственных языках, часто напрямую многими ставится вопрос: а могут ли, допустим, мордовские, коми, марийский, удмуртский языки полнокровно выполнять такую функцию? Реальность такова, что для подобных сомнений имеется серьезный резон.

Эти языки не только не находят применения в официальной государственной и общественной жизни (чего уж более — когда собрания писателей проводятся на русском языке). В Йошкар-Оле, Петрозаводске, Саранске, Сыктывкаре, Ижевске на улице, в магазине, общественном транспорте услышать родную речь коренных жителей — это исключительно редкое явление.

Надо признать, что проблемы социолингвистики, функционирования родных языков в современных условиях недостаточно разрабатываются в финно-угорском языкознании. Наш журнал планирует уделить этим вопросам большое внимание, наряду с традиционными языковедческими сюжетами.

В последнее время повсеместно в финно-угорских регионах России разрабатывалась программа "Национальная школа". Правда, само понятие воспринимается по-разному. Многие под национальной школой понимают не только школу, где ведется преподавание на родном языке, но и школу, где родной язык преподается лишь как учебный предмет и даже где на русском языке ведется курс "История и культура ... народа". Разумеется, только первый тип может быть в

полной мере назван национальной школой.

Узкие подходы в вопросах языковой и школьной политики, видимо, связаны с тем, что многие ученые-финноугроведы больше заняты академическими разысканиями узко лингвистических вопросов, без выхода на широкую общественную практику. Не лишне в связи с этим напомнить, что в 20-х годах в СССР все финно-угорское языкознание было фактически неразрывно связано с проблемами и практическими задачами языкового и школьного строительства.

Позиции родного языка и в целом этнический идентитет могут быть возрождены только при условии, если обучение детей будет сначала вестись на родном языке. В идеале это должно охватывать весь путь от детских яслей до высшего учебного заведения, т.е. родной язык должен быть языком и высшего образования. (Именно с этих позиций подходили при открытии университетов в финской Лапландии и Гренландии, где предусмотрено вести преподавание соответственно на саамском и эскимосском языках). Но в России единственным языком в системе высшего образования остается русский язык. В этой ситуации, конечно, выпускник средней школы или среднего специального учебного заведения должен в достаточной степени владеть русским языком. Но что непременно — обучение в школе должно начинаться на родном языке, русский язык должен быть в начальных классах только отдельным предметом. И лишь постепенно должен осуществляться переход на русский язык преподавания, а родной язык и литература должны оставаться учебными предметами до конца среднего образования. Это — позиция всех общественных движений финно-угорских народов, это — позиция их Всероссийского съезда, состоявшегося в мае 1992 года в Ижевске. Это, мы надеемся, является и позицией финно-угроведения как комплексного научного направления.

Такой подход, кроме четкой позиции ученых-финноугроведов, требует и принципиальной переориентации общественного массового сознания среди населения. Важны как государственная политика и деятельность научных организаций и общественных движений по поддержке родных языков, народной культуры, этнических традиций, так и внутренняя психологическая потребность, заинтересованность самих представителей этносов и национальных групп в своем возрождении. Пока самими носителями этнокультуры и языка не будет изжита инертность в отношении собственной национальной судьбы, пока стремление к национальному возрождению не станет определяющим элементом массового сознания, никакие внешние воздействия большой помощи не окажут.

Примером в этом отношении может служить "этнический Ренес-

санс" эстонцев. Нет сомнений, что в этом немалая заслуга ученых, последовательно, углубленно исследовавших язык, историю, фольклор, этнокультуру родного народа и пропагандировавших эти знания среди своих соплеменников, тем самым способствовавших укреплению самосознания нации.

Важнейшим компонентом общественной жизни, на развитие которого в конечном счете должны быть направлены научные изыскания по финно-угроведению, является национальное самосознание. Его возрождение и укрепление стало для финно-угорских народов России жизненной необходимостью.

Стремление к этническому возрождению охватывает лишь тонкую прослойку гуманитарной интеллигенции, активистов национально-демократических движений ("Марий Ушем", "Удмурт кенеш", Комитет возрождения коми народа, "Масторава" и др.). Оно не стало фактором массового сознания. Эти движения не получили широкой социальной базы и поддержки в толще своих народов.

Решающей силой национального возрождения может быть только интеллигенция. Но у финно-угорских народов России нет потомственной городской интеллигенции, уже во втором поколении она обрусевает, отрывается от родных корней. А новые интеллектуальные кадры заново выдвигаются из сельской молодежи. Марийские, мордовские, удмуртские и другие ученые, писатели, артисты — интеллигенты в первом поколении. А их дети, выросшие в городах в отрицательной для коренных национальностей морально-психологической атмосфере, остаются представителями нации родителей только по паспорту, но не по духу, мироощущению, заинтересованности в этнических культурных ценностях.

Таким образом, положение финно-угорских народов весьма сложное, противоречивое и тревожное. Особенно трагична судьба малочисленных народностей, у которых утерян иммунитет от экспансии иноязычных слов, инонациональных культурных ценностей. Для научного осмысления всех процессов в прошлом и настоящем имеется широкий простор. Нужно в связи с этим также подчеркнуть, что история финно-угроведения богата примерами подвижничества, большой целеустремленной научной практической деятельности ученых разных национальностей во имя познания облика своих народов, во имя утверждения идеи финно-угорской общности. Финн Матиас Кастрен, венгр Антал Регули, эстонец Пауль Аристе, мордвин Макар Евсевьев, мариец Валерьян Васильев и многие другие могут служить примером для новых поколений исследователей. Хотелось бы, чтобы на страницах нашего журнала появились материалы о жизни и научном подвиге таких энтузиастов, труды которых пронизаны думами о прошлом, настоящем и

будущем финно-угорских народов.

Возродившееся и крепнущее движение финно-угорской общности и солидарности связано с тревогой за будущность народов и с надеждой, что еще не все упущено, что удастся остановить размывание национальных культур, исчезновение языков наших древних народов. Начало деятельности журнала "Финно-угроведение" исходит из этой же оптимистической перспективы. Познавая свои родственные корни, свое героическое прошлое, богатство родных языков, устного народного творчества, разноцветье красок этнических культур, мы черпаем новые силы для духовного возрождения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Советское финно-угроведение. 1965, №1.
2. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф I, оп. I, д. 802.
3. Родной язык — моя Родина. Конференция по уралоязычным литературам. Эспоо, Финляндия. 10-14. 08. 1991. Доклады. Хельсинки, 1992.
4. *Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.
5. Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991.
6. Союз. 1990, № 23.
7. Союз. 1990, № 51
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. М., 1973.

Ksenofont Sanukov

THE FINNO-UGRIANS AND FINNO-UGRIC STUDIES: NEW HORIZONS

The Finno-Ugric Scientific Centre begins publishing a journal on the problems of the language, culture and ethnic history of the kindred nations. Data on the Finno-Ugric kinship have been known since the18th century. Since 1960 International Congresses of Finno-Ugrists have been held. Beginning with linguistic orientation they now have increased the number of subjects discussed covering a much wider range of cultural and historical questions. The variety of topics discussed at different international conferences held in recent years also show the extension of functions of Finno-Ugristics

The Finno-Ugric nations have common origin and cognate languages. At the same time they have some distinctions connected with geographical, historical and political, demographic and other factors.

Nowadays there are 16 nations in the world which are considered to belong to this group, its total number being about 26 million people. The present situation in which the Finno-Ugrians find themselves, especially in Russia, gives rise to anxiety. There is a great necessity for a profound scientific research of their language, history, folklore and ethnic culture. It is also necessary to spread the results of these studies as it is particularly important for awakening of national self-conciousness.

The growing movement of Finno-Ugric solidarity is caused by the anxiety for the future of these nations. It is also connected with the hope that there is still a chance to stop the erosion of national cultures and the process of vanishing of languages. Beginning the publication of the journal "Finno-Ugric Studies" we also proceed from this optimistic perspective.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Статьи

Янош Пустаи
Сомбатхей

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАРОДИНЫ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ*

1. О локализации прародины уральских народов существует множество теорий. В основе создания каждой из них лежит, как правило, различный подход авторов к проблеме. Одни ученые при этом делали основной упор на какой-то определенный метод, а другие — на данные одной конкретной науки и т.д. Обстоятельные обзоры теорий о прародине уральцев сделаны П.Хайду (1) и П.Вереш (2). Из их обзоров следует, что в установлении прародины уральских народов определяющими дисциплинами являются лингвистика, в частности лингвистическая палеонтология и этимология, а также археология. Естественно, результаты этих двух разных наук могут в аналогичных случаях дополнить друг друга, но я все же убежден, что языкознание бесспорно должно играть здесь доминирующую роль.

Базируясь на чисто лингвистических аргументах, в данной статье я попытаюсь показать возможную модель возникновения прауральского языка-основы.

2. Результаты проведения лингвистических исследований в типологическом, ареальном и историческом планах свидетельствуют, что на значительной территории северной евразийской языковой зоны (далее СЕАЯЗ) наблюдаются одинаковые тенденции развития языков, знание чего позволяет по-новому воссоздать картину образования,

---

* Полный текст публикуется на немецком языке в "Veröffentlichungen Societas Uralo-Altaica", в сокращенном виде — в серии "Specimina Sibirica 10".

развития и распада праязыка в древности, в том числе и протоуральского. На один важный по этому вопросу момент (а именно на то, что при реконструкции языка-основы любой языковой семьи необходимо учитывать факты типологически и ареально близких языков) я указывал в своих предыдущих работах (см., например, 3).

Реконструкция протоуральского языка предполагает, что язык-основа является как бы единой идиомой. Восстанавливаются такие его черты (как, например, двойственное число, частичное различение объектного и субъектного спряжений), которые характерны только для некоторой части современных уральских языков.

Морфология и морфосинтаксис уральских языков наиболее полно сохранили в себе архаичные черты. Из анализа их, а также сравнения их с данными языков СЕАЯЗ, следует, что:

2.1. По наличию двойственного числа все современные уральские языки можно разделить на две группы: а) языки, где имеется двойственное число, б) языки, где его нет. Двойственное число обнаруживается только в самодийских, саамском и (обско)-угорских языках.

2.2. В отношении глагольных категорий уральские языки существенно отличаются как друг от друга, так и от других языков СЕАЯЗ. Но имеются значительные соответствия внутри уральской языковой семьи (например, суффиксы времен и наклонений) и возводимые к личным местоимениям личные окончания глаголов. Отличительной особенностью уральских языков является различение субъектного и объектного спряжений в мордовских, угорских и самодийских языках. (Мордовские можно связать с угорскими и самодийскими языками не только на основе определенного спряжения, — структурно, разумеется, отличающегося, — но и на основе того, что в мордовских, подобно палеосибирским языкам, глагол способен обозначать множество объектов.)

2.3. Уральские языки разделяются также по наличию или отсутствию предикативного спряжения имен. Конверсия известна во всех сибирских языках, среди уральских языков она характерна для мордовских, частично также для угорских языков (3 лицо ед. и мн. ч.).

2.4. Мордовские, венгерский и самодийские языки, с одной стороны, и большинство палеосибирских языков, с другой стороны, объединяет возможность выразить объект посредством местного падежа (о пунктах 2.1., 2.2., 2.3. см. подробнее 4, с. 99-116).

2.5. Неоднородными являются уральские языки и в отношении наличия или отсутствия показателей прошедшего и настоящего времен. Для прошедшего времени, не имеющего особого показателя, можно привести примеры из самодийских языков, для настоящего времени, наоборот, обладающего особым показателем, — из обско-

угорских языков. В остальных уральских (точнее, финно-угорских) языках настоящее время вообще не маркировано (если не считать наличие *k как суффикса настоящего времени), а прошедшее — маркировано. По сравнению с палеосибирскими языками убедительным кажется то предположение, что западные финно-угорские языки являются темпус-языками, а палеосибирские — аспект-языками. Данные обско-угорских и самодийских языков, занимающих промежуточное положение между ними, свидетельствуют о происшедшем смешении систем.

3. На основе всего перечисленного в пункте 2 можно установить, что уральские языки не едины. Даже в отношении древних признаков различия между ними так значительны, что реконструкция единого языка-основы выглядит необоснованной. А это ставит под сомнение вероятность реконструкции относительно компактной территории прародины.

Группировка уральских языков на основе перечисленных признаков дает возможность предположить существование в древности, по крайней мере, двух центров: западного и восточного. К западному центру относятся современные западные финно-угорские языки (исключая мордовские) (4), к восточному причисляются мордовские, угорские и самодийские языки. Состоятельность данной точки зрения подтверждается также лексикой праязыка (5, с. 157-176).

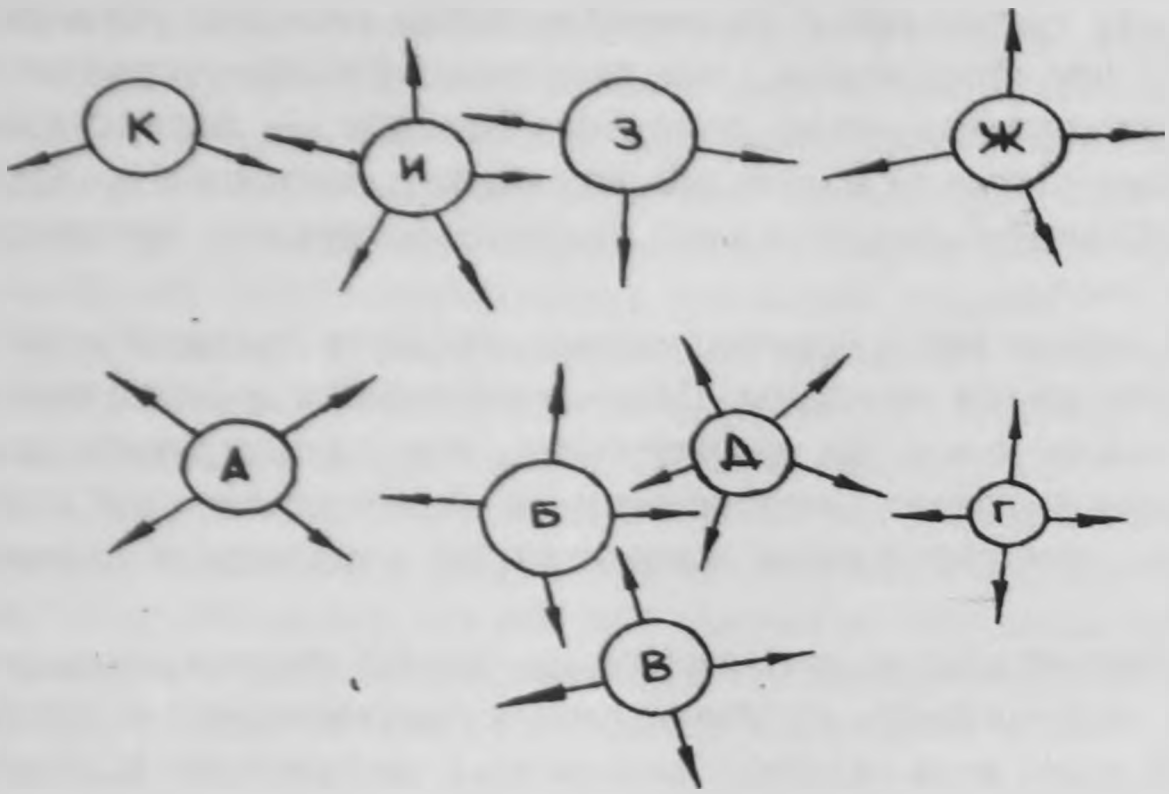
Языки восточного центра, — прежде всего, угорские и мордовские, — и западного центра особенно заметно объединяет общая лексика, но по многим грамматическим чертам они все же обнаруживают большее родство с палеосибирскими языками.

Восточный центр представляет собой внутри СЕАЯЗ переходную ступень, т.к. он имеет общие черты как с языками западного центра, так и с сибирскими языками. Восточный центр мог быть расположен в том районе, где П.Хайду реконструирует уральскую прародину.

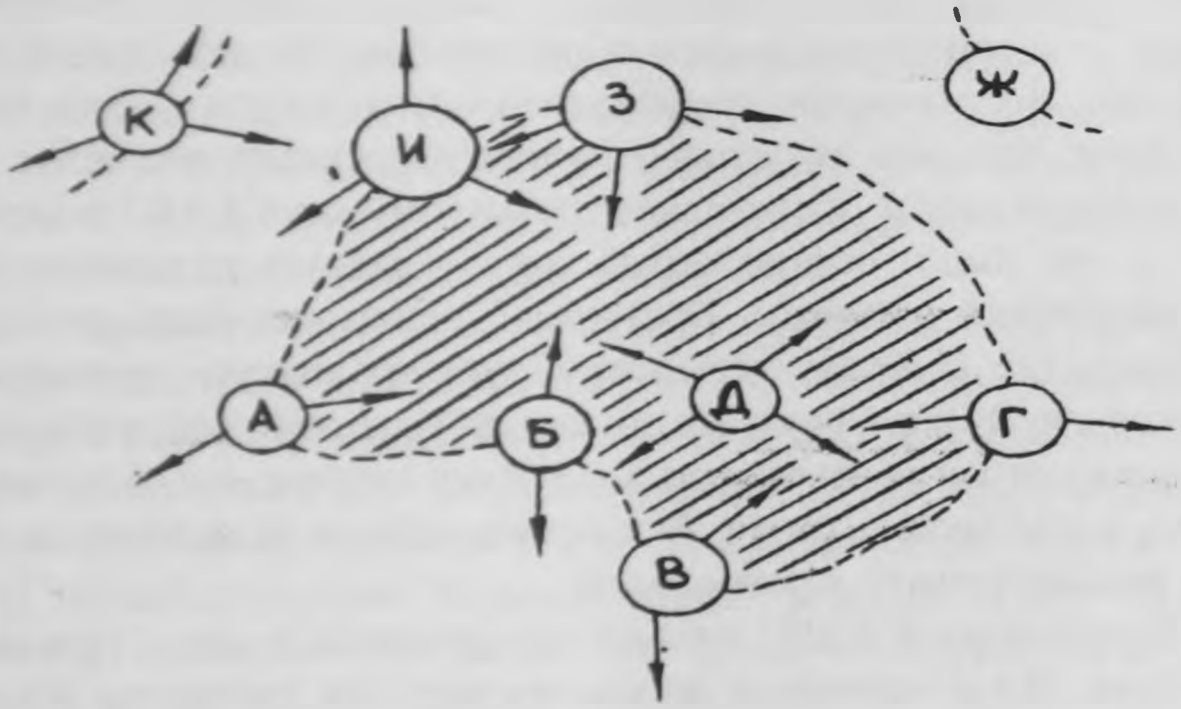
Между двумя центрами могли оставаться объединения, которые не принадлежали ни к этому, ни к другому центру, но в то же время находились в контакте с ними. В качестве такого объединения можно было бы рассматривать протосаамов.

На территории СЕАЯЗ можно предположить сеть "прародин" и языков-основ. Язык-основу я рассматриваю как результат языкового союза, реализующегося в идиоме, подобной лингва-франка. В процессе возникновения языка-основы я выделил две фазы (см. подробнее 4).

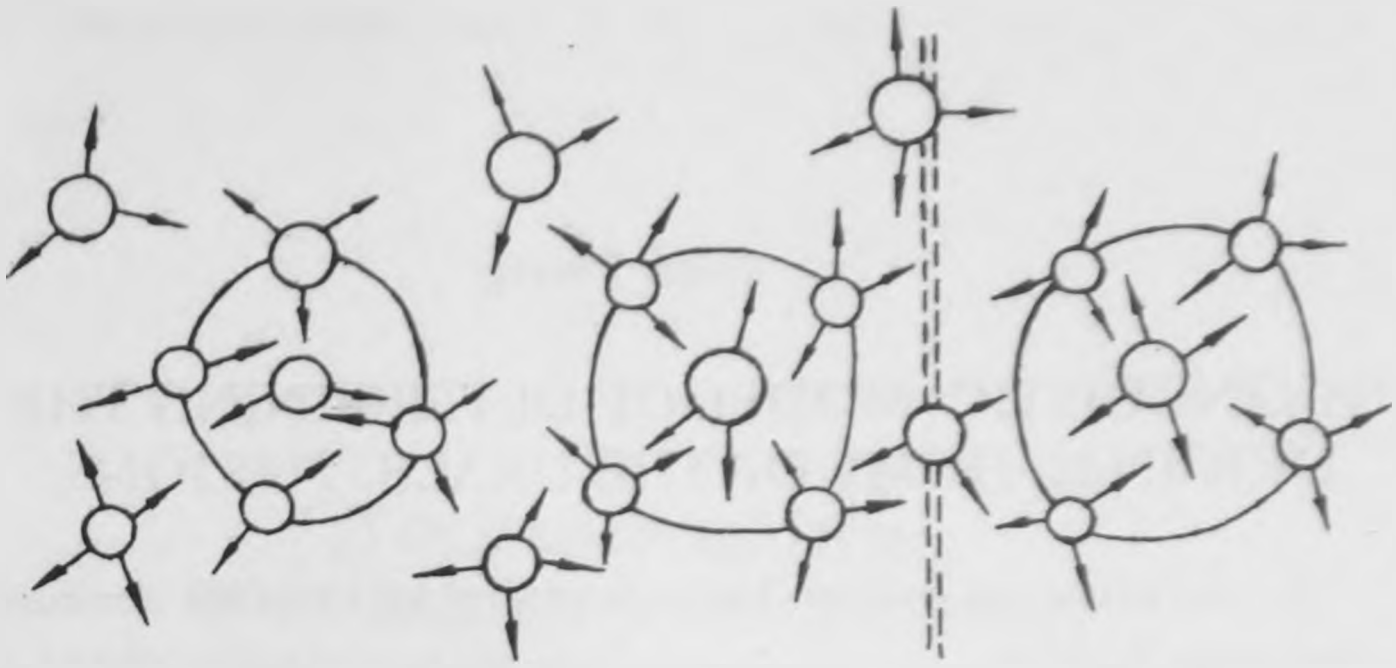
Народы/языки в свободном контакте

Народы / языки в более тесном контакте

Итак, на территории СЕАЯЗ мы можем предположить своего рода цепь прародин, которая может быть представлена следующим образом:

ЗАПАДНЫЙ ЦЕНТР
(западные финно-угорские языки)

ВОСТОЧНЫЙ ЦЕНТР
(мордовские, угорские и самодийские языки)

остальные сибирские языки

Идею цепеобразной прародины в индогерманистике высказал Н.С.Трубецкой, в финно-угристике — Д.В.Бубрих.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Hajdú P., Domokos P.* Uráli nyelvrokonaik. Budapest, 1978.

2. *Veres P.* A finnugor őshaza meghatározásának vitatott kérdései a legújabb adatok alapján. //Népi kultúra — népi társadalom. Folclorica et Ethnographica. A Magyar Tudományos Académia Néprajzi Kutatóintézetének Evkönyve XVI. Budapest, 1991.

3. *Pusztay J.* Zur Herausbildung des Protouralischen // Specimina Sibirica. III 1990.

4. *Pusztay J.* Zur Stellung des Mordwinischen // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 12-13 1989.

5. *Pusztay J.* Zur Analyse des protouralischen Wortschatzes aufgrund der Uralischen Etymologischen Wörterbuches // Linguistica Uralica. 27 1991.

János Pusztay

A LINGUISTIC MODEL OF DETERMINING THE ORIGINAL HOME OF THE URALIC NATIONS

In the article the modern Uralic languages are classified according to the following features:

1) the dual number,

2) the objective and subjective conjugations of verbs,

3) the predicative conjugation of nouns,

4) a possibilbty to express an object by means of a word in the locative case,

5) the markers of the past and present tenses.

The division of the Uralic languages according to the above — mentioned features makes it possible to suppose that in ancient times there existed two centres: western and eastern. The present-day western Finno-Ugric languages, except Mordovian, originated from those of the western centre, the Mordovian, Ugric and Samoyedic languages,however, are derivatives of the eastern centre languages. The protosaamis might have taken an intermediate position between the above-mentioned centres.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Осип Поляков
Саранск

О ФОРМИРОВАНИИ, СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ МОРДОВСКИХ (МОКШАНСКОГО И ЭРЗЯНСКОГО) ЯЗЫКОВ

Мордва (мокша и эрзя) — один из крупных народов после венгров и финнов, говорящих на уральских языках. По переписи 1989 г., мордвы насчитывается 1152000 человек. Трудно сказать, сколько среди них мокши и эрзи, так как переписи численности мокши и эрзи отдельно не учитывают. Из 1152000 человек на территории Республики Мордовия проживает только 313420 человек мордовской национальности, остальное количество мокши и эрзи расселено на территории других республик и областей. Большими группами мокшане и эрзяне проживают на территории Пензенской, Самарской, Оренбургской, Ульяновской, Нижегородской областей, в Татарии, Чувашии. Сегодня мордовское население можно встретить в Челябинской, Рязанской, Кемеровской, Московской, Иркутской, Владимирской, Волгоградской областях, в Приморском, Алтайском краях, в Армении, на Сахалине и других дальних регионах бывшего Советского Союза.

Первое историческое свидетельство о мордве относится к VI в. н.э. В трудах готского историка Иордана "О происхождении и деяниях готов" мордва названа среди племен, плативших дань готскому королю Германариху.

Страна *Мордиа* упоминается в сочинении Константина Багрянородного "Об управлении империей" (950 г.). Впервые об эрзянах (Arisu) упоминается в X веке в письме хазарского автора Иосифа. Монах Рубрук, описывая свое путешествие в Монголию (XIII в.), упоминает о мокше (Moxel).

Окончательно еще не выяснены значения этнонимов *мордва*, *мокша*, и *эрзя*. Считается, что слово *мордва* иранского происхождения (в персидском Martiya, таджикском *mard* "муж"). С этнонимом *эрзя*

связывают название города *Арзамас* (находится недалеко от Нижнего Новгорода), состоящее из компонентов *эрзя* "эрзянский" и *мас* "земля". Этноним *мокша* связывают с рекой *Мокша*, однако сама мордва реку Мокша называла Ёв.

Письменность мордовского народа начала развиваться задолго до Октябрьской революции. Первым письменным памятником мордвы является голландско-мордовский словник голландского ученого Н.Витсена, опубликованный в книге " Noord en Oost Tatarye..." в Амстердаме (1692).

Подробно возникновение и развитие мордовской письменности описал А.П. Феоктистов в книге "Истоки мордовской письменности" (1968).

В XVIII веке в связи с насаждением христианства среди народов Поволжья составляются двуязычные словари и для мокши, и для эрзи. В этот период составлены словари Г.И.Миллера, П.С.Палласа, епископа Дамаскина и другие. В общей сложности до революции по мордовским языкам было подготовлено около 50 разных словарей, многие из которых остались в рукописях.

В связи с переводом религиозной литературы на языки "инородцев" и ее распространением среди них до революции были изданы и мордовские буквари (1884, 1892, 1894, 1897 годы), учебники русского языка для мокши и эрзи (1892, 1897, 1898 годы).

Первая научная грамматика по мордовским языкам появилась в 1838 году ("Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мокши", составитель П.П.Орнатов). Потом появилась грамматика Г.Габеленца "Versuch einer mordwinischen Grammatik..." (1839), а в 1861 году — грамматика А.Альквиста "Wersuch einer mokscha-mordwinischen Grammmatic...".

Со второй четверти XIX века началась публикация произведений мордовского устно-поэтического творчества. Впервые несколько мокшанских песен напечатали журналы "Сын отечества" и "Северные архивы" в 1830 году. Оригинальная художественная литература на мордовских языках начала печататься только с 1920 года.

Сегодня мордовский народ говорит на двух языках: мокшанском и эрзянском. На двух языках в республике выходят газеты, журналы, художественная литература, два языка изучают в школе и т.д. Как мокшанский, так и эрзянский языки распадаются на многочисленные диалекты. Отсутствие устойчивой диалектной базы сказалось на формировании мокшанского и эрзянского литературных языков. В 20-е — 50-е гг. велась интенсивная работа по составлению мордовских литературных норм, по разработке норм мокшанской и эрзянской орфографии.

Нелегкое было то время для всей страны и мордовского края, однако в тот период составлялись и издавались букварн, учебники, учебные пособия. Только с 1922 по 1928 год на мордовских языках было выпущено 237 книг общим тиражом 948 тыс. экземпляров. В 1931 г. только Центральным издательством народов СССР было выпущено 117 книг (тираж 948 тыс. экз.) на мокшанском языке, 192 книги (тираж 1728500 экз.) на эрзянском языке.

Проблемы развития мокшанского и эрзянского языков были предметом обсуждения на языковой и программно-методической конференции в 1928 г., на языковых конференциях 1933, 1934, 1935, 1938 гг., на языковой сессии в 1952 г.

Однако с конца 50-х годов и до языковой конференции 1993 г. нормы мордовской орфографии, морфологии, синтаксиса и пунктуации не рассматривались, поэтому до настоящего времени мокшанский и эрзянский литературные языки далеки от совершенства.

Еще с XVII века ученые приступили к сбору материалов по мордовским языкам, а с середины XIX века мокшанский и эрзянский языки становятся предметом научного исследования. Большой вклад в изучение мордовских языков внес финский ученый Х.Паасонен. Проведя не один год среди мордвы, он собрал огромный языковой материал, на основе которого издал работы: "Mordwinische Lautlehre" (1903); "Mordwinische Chrestomatie mit Glossar und grammatikalischen Abriss" (1909); "Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen" (1897)"; "Die Sogenannten Karataj-mordwinen oder Karatajen" (1903) и другие. На основе собранного Х.Паасоненом мордовского материала издано восемь томов "Mordwinische Wolksdichtung", а также готовится и издается в Финляндии "Mordwinisches Wörterbuch". Первый том словаря вышел в 1990 г., второй — в 1992 г. По мордовским языкам известны работы финского ученого Э.Итконена: "Zur Frage nach der Entwicklung des Vokalismus der ersten Silbe in der finnisch-ungrischen Sprachen. insbesondere im Mordwinischen" (1964).

Традиции Х. Паасонена продолжают и другие финские ученые. Совсем недавно в мордовских селах республики собирали материалы преподаватели и студенты из Финляндии под руководством А.Алхониеми. По проблемам мокшанского и эрзянского языков часто выступают финские ученые на конференциях и конгрессах.

Издавна изучаются мордовские языки и в Венгрии. Й.Будени свою грамматику по мордовским языкам "Moksa-es erza-mordvin nyelvtan" издал еще в 1877 году. Сегодня исследованием мордовских языков занимаются венгерские коллеги Эдит Месарош, Габор Зайц, Йожеф Надь, Шандор Матичак. Большие работы по мордовским

языкам издал Ласло Керестеш: "Geschichte des mordwinischen Konsonantismus" (1987, 1986) в двух томах, "Crestomatia morduinica" (1990).

Большой вклад в изучение мордовских языков внес А.А.Шахматов. Известен его "Мордовский этнографический сборник" (1910). Не одну работу, посвященную мокшанскому и эрзянскому языкам, написал Д.В.Бубрих. Среди них: "Эрзя-мордовская грамматика" (1947), "Историческая грамматика эрзянского языка" (1953) и другие. Изучению языка, фольклора, культуры мордовского народа много сил отдал М.Е.Евсевьев. По языкознанию известна его работа "Основы мордовской грамматики" (1963).

Мордовские языки и сегодня изучаются не только в Мордовии, но и в Москве, Петербурге, Тарту, в Финляндии, Венгрии, Австрии, ФРГ, Америке и т.д.

От уральского праязыка до языка древней мордвы

Исследователи праистории уральских народов считают, что предки финно-угорских и самодийских народов до IV тыс. до н.э. жили одной общностью в Западной Сибири: к северу от Среднего Урала, в бассейне Нижней и Средней Оби (включая истоки Печоры). Из далекого языка уральцев в современных мордовских языках есть не один десяток слов. Среди них местоимения: мокш., эрз. *кие* 'кто', мокш., *минь* 'мы', мокш., эрз. *тон* 'ты', мокш., эрз. *мон* 'я'; названия органов частей тела: мокш. *сельмя*, эрз. *сельме* 'глаз', мокш., эрз. *сан* 'жила', мокш. *макса*, эрз. *максо* 'печень'; названия явлений природы: мокш., эрз. *ведь* 'вода', мокш., эрз., *ков* 'луна'; названия растительного мира: мокш., эрз. *кузь* 'ель', мокш. *лайме*, эрз. *лем* 'черемуха' и др. Слова этой группы имеют этимологические соответствия как в финно-угорских, так и в самодийских языках (ср.: мокш., эрз. *лем* 'имя', фин., эст. *nimi*, мар. *ым*, удм., коми *им*, хант. *нём*, манс. *нам*, венг. *név*, нен. *нʼим* — 'тж'.

Относительно слабое единство и значительная территория уральцев привели к тому, что на рубеже IV тыс. до н. э. уральская общность распалась на финно-угров и самодийцев. Слова, дошедшие до мордовских языков из эпохи финно-угорской, имеют этимологии только в финно-угорских языках (ср.: мокш. *вер*, эрз. *верь* 'кровь', фин., эст. *veri*, саам *vârrâ*, мар. *выр*, *вур*, удм., коми *вир*, хант. *wɔ̈r*, манс. *wir*, венг. *vér* 'тж'). В эту группу слов входят: названия органов частей тела: (мокш. *тирвя*, эрз. *турва* 'губа', мокш. *сюла*, эрз. *сюло*

'кишка'), названия элементов природы (мокш. *тунда*, эрз. *тундо* 'весна', мокш., эрз. *ве* 'ночь'), названия растительного мира (мокш. *сяли*, эрз. *селей* 'вяз') и другие.

В III тыс. до н.э. финно-угорский праязык распался на два новых праязыка: угорский и финно-пермский. Угорский праязык в середине I тыс. до н.э. разделился на венгерский и обско-угорские языки (хантыйский и мансийский). Для слов, доше́дших до языка мокши и эрзи из финно-пермской эпохи, находим этимологические соответствия только в прибалтийско-финских, пермских и волжских языках (ср.: мокш. *сазор*, эрз. *сазоро* 'сестра', фин. *sisar*, мар. *шужар*, удмурт. *сузэр*, коми *созор* 'тж'). Наследием этой эпохи в мордовских языках являются слова, связанные с родством (мокш., эрз. *мирде* 'муж'), растительным миром (мокш. *чевря*, эрз. *чевлень* 'калина') и другие.

Процесс дробления продолжается. В середине II тыс. до н.э. пермский праязык распался на финно-волжский и пермский праязыки. Предки мордвы, марийцев и прибалтийских финнов в относительном единстве проживали до I тыс. до н.э.,видимо, в Средней России. Об этом свидетельствуют языковые материалы: в языках этих народов встречаются названия деревьев и животных, присущих только Средней России (мокш. *тума*, эрз. *тумо* 'дуб', фин. *tamm*, эстонское *tamm*, мар. *тумо*; мокш. *ушпор*, эрз. *ушпор* 'клен', фин. *vaahtera*, эст. *vaher*, мар. *вашпар*; мокш., эрз. *сель* 'еж', фин. *sili*, эст. *sil*, мар *шуҥы* 'тж'). До современной территории финнов произрастание этих деревьев не заходит, еж там тоже не встречается.

Финно-волжский праязык в I тыс. до н.э. распался на волжский и прибалтийско- финские языки. К началу I века нашей эры волжский язык распался на мордовский и марийский языки. Сегодня в науке вопрос о волжской языковой общности (восходят ли современные мордовские и марийские языки к волжской языковой общности) спорный. Дело в том, что типологически и лексически мордовские языки гораздо более близки к прибалтийско-финским языкам, чем к марийскому. Однако марийский ученый Л.П.Грузов находит целый ряд фонетических, лексических, морфологических моментов, которые присущи только мордовским и марийскому языкам.

Археологами установлено, что мордва, имеющая единую культуру и единый язык, с I тыс. н.э. формируется в массиве племен северо-востока Европы в междуречье Волги и Цны по рекам Цна, Мокша, Сура. Языковые материалы свидетельствуют, что северная граница проживания древней мордвы доходила до современного Нижнего Новгорода. До этого места встречаются топонимические названия, являющиеся по своему происхождению мордовскими. *Арзамас* (*эрзянь*

мастор 'эрзянская земля'), *Чуварлей* (*шувар* и *лей* 'песчаная река'), *Нелей* (*не* и *лей* 'большая река') и другие.

На юге граница проживания предков мокши и эрзи могла доходить до района лесостепи, до района проживания иранцев. В мордовских языках большое количество иранских слов (мокш., эрз. *кшни* 'железо', мокш., эрз. *ваз* 'теленок', мокш. *узерь*, эрз. *узере* 'топор', мокш. *азор*, эрз. *азоро* 'хозяин' и т.д.), которые свидетельствуют о контактах иранцев и древней мордвы. А эти контакты могли происходить в районе лесостепи, поскольку иранцы-кочевники дальше этой полосы не просачивались.

По своему образованию мордовские топонимы встречаются на всей территории, простирающейся от реки Цна до Волги: *Каргалей* (*карга* и *лей* 'журавлиная река'), *Чиберлей* (*чибер* и *лей* 'красивая река'), *Урлей* (*ур* и *лей* 'беличья река'), *Алкужи* (*ала* и *кужа* 'нижняя поляна'), *Пичер* (*пиче* 'сосна'), *Кадом* (*кадомс* 'оставить'), *Лашма* (*лашма* 'низина') и многие другие. Недалеко от Саратова в Волгу впадает речка *Мордова*, на этой речке есть и село *Мордова*, немного южнее в Волгу впадает речка *Пролейка*, а на этой речке есть село *Мордовская Норка*. Судя по таким названиям, древняя мордва занимала территорию Пензенской области, части Рязанской, Тамбовской, Саратовской областей, часть Чувашии.

Языковые материалы свидетельствуют, что древняя мордва жила не изолированно, а была связана культурными отношениями со своими соседями. Как уже отмечали, большое количество иранских слов в мордовских языках говорит о контактах мордвы и иранцев.

В мордовских языках не одна сотня слов тюркского происхождения. Мордовско-татарские отношения относят к золотоордынской эпохе. Однако некоторые лингвисты (например, Х.Паасонен, А.П.Феоктистов) считают, что взаимоотношения мордвы с тюркскими народами гораздо древнее и восходят к IV веку н.э., когда в районе Донских степей появилось тюркоязычное племя гуннов. Позже мордва имела довольно тесные контакты с булгарами, однако языковое наследие булгар пока не изучено.

Говоря о контактах мордвы с татарами, надо иметь в виду, что предки мокши и эрзи контактировали с западными татарскими говорами, носителей которых называют татарами-мишарями. Об этом свидетельствуют общие названия орудий земледелия, например, морд. *сабан* 'плуг' — мишар. *сабан*, мокш. *цянга*, эрз. *сянго* 'вилы' — мишар. *сенек*, морд. *тяпец* 'пеп' — мишар. *тяпец*. Есть общие моменты у мордвы и татар-мишарей в области питания, например, они одинаково готовят пшенную кашу, пшенные блины. В речи татар-мишарей есть слова, заимствованные из мордовских языков, например: *пизел* 'рябина' —

морд. *пизел*, *мошко* 'пенька' — мокш. *мушка*, эрз. *мушко*, *пангы* 'гриб' — мокш. *панга*, эрз. *пнго* и другие.

Языковые материалы подтверждают древние и тесные связи мордвы со славянами, прежде всего, с русскими. Из языка славян (V-VI вв.), видимо, пришло слово *пондо* 'пуд'. Мордовское слово *розь* 'рожь' заимствовано из древнерусского языка (мягкий *з'* отражает древнерусский мягкий *ж'*: *роз'* <**ръжъ*.

О едином языке мокши и эрзи

Отделившись от волжской языковой общности к началу I тыс. н.э., проживая в междуречье Цны и Волги, древняя мордва имела единую культуру и один язык, который условно будем называть общемордовским. Ни один письменный источник не отражает язык предков мокши и эрзи, однако используя данные мордовских языков, их диалектов, данные родственных языков, заимствования, можно в определенной мере реконструировать его лексику, звуковой строй, грамматику.

О звуковом строе мордовского языка

В общемордовском языке было шесть гласных фонем: *а, о, у, и (ы), э, ä*. То, что в речи древней мордвы был гласный *ä*, подтверждают данные некоторых эрзянских диалектов (например, шуторовского: *мäз'а* 'что' — мокш. *мэз'а*, эрз. *мэз'э; пäл'т'* 'облака' — мокш. *пал'хт'*, эрз. *пэл'т'*), а также данные родственных языков, например, финского: *tämä* 'это' — мокш. *т'ä*, эрз. *т'э*; *käsi* 'рука'— мокш. *кад'*, эрз. *кэд'*.

Ударение в общемордовском языке, видимо, чаще падало на первый слог. Если в первом слоге были узкие гласные *у,и*, то широкий гласный последующего слога перетягивал ударение на себя, как теперь в мокшанском языке: *вид'ъмс* 'сеять', но *вид'ан* 'я сею', *вид'ат* 'ты сеешь'.

В общемордовском языке употреблялись следующие гласные: губные *(б, п, в, м)*, переднеязычные *(д, т, з, с, ц, л, р, н, д', т', з', с', ц', л', р', н', ж', ш', ч)*, среднеязычный *(й)*, заднеязычные *(г, к, ŋ)*.

Как свидетельствуют данные эрзянского, марийского и пермских языков (эрз. *чачомс* 'родиться', мокш. *шач'ъмс*, мар. *шочаш, чочаш*, коми *чужны* 'тж'), в языке древней мордвы была непалатализованная шипящая аффриката *ч*. В речи мокшан *ч* смягчилась под влиянием звуковой системы русского языка.

Звуковой строй общемордовского языка не знал глухих сонорных *рх, р'х, лх, л'х, йх*. В речи мокшан они появились перед глухими

согласными в силу определенных причин.

В общемордовском языке не было глухих *ф* и *х*, широко употреблялся носовой согласный *ŋ*.

В общемордовском языке в начале слова не было звонких согласных, а также сочетаний согласных. Только звонкие согласные выступали в исходе односложных слов.

Словарный состав современных мокшанского и эрзянского языков свидетельствует, что мокшанские и эрзянские слова, сохранившиеся в равной степени в обоих мордовских языках, восходят к лексике общемордовского языка: мокш. *ся* 'этот', *авардемс* 'плакать', *аля* 'мужчина', *ал* 'яйцо', *ава* 'женщина', *ащемс* 'стоять', *инзама* 'бороны', *кужа* 'поляна', *ётамс* 'пройти', *идь* 'ребенок' — эрз. *се*, *авардемс*, *ала*, *ал*, *ава*, *аштемс*, *изамо*, *кужо*, *ютамс*, *эйдь* и другие.

На базе исконных и заимствованных слов в общемордовском языке шел процесс словообразования. Видимо, уже в то время образовались слова типа *кудава* 'хозяйка' (от *куд* 'дом' и *ава* 'женщина'). Некоторые современные сложные слова в речи древней мордвы были еще составными названиями: мокш. *калмоланга* 'кладбище', *вайгяльбе* 'километр', эрз. *калмоланго*, *вайгяльбе* — общеморд. *калмонь ланга* 'верх могил', *вайгялень пе* 'конец голоса'.

Основное, притяжательное и указательное склонения в мокшанский и эрзянский языки пришли из общемордовского языка. В мокшанском языке слово в основном склонении изменяется по двенадцати падежам, в эрзянском — по одиннадцати. Ясно, что в общемордовском языке падежей было меньше. Например, формы причинного падежа в мокшанском (*вир-енкса*, *куд-онкса* — эрз. *вирень кис* 'за лесом', *кудонь кис* 'за домом') указывают на позднее образование некоторых современных падежных форм.

Как показывают данные родственных языков, например, марийского (*ола-м* 'мой город'), удмуртского (*гурта-м* 'мое село'), форму эрзянского именительного падежа притяжательного склонения надо считать наследием общемордовского языка: *ошо-м* 'мой город', *веле-м* 'мое село' — мокш. *кудо-зе*, *веле-зе*.

Некоторые падежные формы в общем языке мокши и эрзи были другими, например, формы иллатива: мокш. *куд-у* 'домой', *вел-и* 'в село', эрз. *кудов*, *велеев* раньше звучал как **кудо-нʲ*, **веле-нʲ*. Современные формы типа мокш., эрз. *сан-с* 'в жилу', мокш. *сан-ста*, эрз. *сан-сто* 'из жилы', в общемордовском имели формы: **сану-с*, **сану-ста*.

В речи древней мордвы еще не было звательных форм. Эти формы (мокш. *тядя-й*, эрз. *ава-й* 'моя мать', мокш. *сазорня-й*, эрз. *сазорка-й* 'сестренка моя') в мокшанском и эрзянском появились под влиянием татарского языка.

Формы сослагательного наклонения: мокш. *кунда-лень*, эрз. *кунда-влинь* 'я ловил бы'; мокш. *кандо-лень*, эрз. *кандо-влинь* 'я принес бы' в общемордовском языке имели формы: **кундай улень* 'ловец я был', **кандый улень* 'несущий был'. А объектные формы типа *кундамак* 'ты меня поймай', *кундыми-к* образовались из общемордовских форм ** кундаймак*. Глагольные формы типа *кунда-тядяз'* 'мы тебя (вас) поймаем', *кунда-тадызь* образовались из древних форм **кундатадайзь*. Формы желательного наклонения мокш. *суваксолень*, эрз. *совиксэлинь* 'я хотел было зайти', мокш. *моликсолень*, эрз. *моликсэлинь* 'я хотел бы пойти' в общемордовском языке были оформлены в виде **сувайкс улень*, **моликс улень*.

Мокшанские причастные формы *сокаф* 'вспаханный', *видеф* 'засеянный' образовались из общемордовских форм: **сокавт*, **видевт*.

В общемордовском языке, видимо, было два типа предложений: а) предложения с одним главным членом; б) предложения с подлежащим и сказуемым. Тогда широко употреблялись предложения типа мокш. *Тя шуфтсь тума*, эрз. *Те чувтось тумо* 'Это дерево дуб'. Такого рода предложения употреблены в мордовском фольклоре: *Колма бугорга ветрян-канзо. Петурть маласа мазы рощанясь. Рощать кучкаса кудряв келунясь* 'На трех буграх его ветрянки. Возле Петура красивая роща. В середине рощи кудрявая береза'. Есть такие предложения и в других финно-угорских языках.

В общемордовском языке в начале предложения выступало подлежащее, выражающее определенный предмет или оформленное лично-притяжательными суффиксами, как, например, в современных предложениях: мокш. *Кудсь ащи панда пряса*, эрз. *Кудось ашти пандо прясо* 'Дом этот стоит на горе'; мокш. *Кудоньке ащи панда пряса*, эрз. *Кудонок ашти пандо прясо* 'Наш дом стоит на горе'.

Мордовские синтаксисты (например, Н.С.Алямкин) считают, что сказуемое в общей речи мокши и эрзи чаще выступало в конце предложения, о чем свидетельствуют слова типа *ваныелень* 'я пастухом был', *пархтолеме* 'мы хорошими были', образованные из форм **ваный улень*, **пархт улеме*.

Порядок слов в общемордовской речи был не свободным, о чем свидетельствуют современные формы типа мокш. *акша ал*, эрз. *ашо ал* 'белое яйцо', но *ал акша* — мокш., эрз. *ал ашо* 'белок'. Данные современных мордовских, а также других финно-угорских языков дают основания полагать, что в общемордовском языке не было сложноподчиненных предложений. В мордовских языках они появились под влиянием русского синтаксиса.

Возможно, в общемордовском языке сравнения оформлялись без грамматических средств, как например, в фольклоре: *виде кедy*

Улянь ронгоняц 'стройная березка у Ули талия'; *равжа лёмзерт Микань сельмензо* 'черные черемухи у Мики глаза'. Видимо, вместо сложноподчиненных предложений в общемордовском языке употреблялась прямая речь, причастные и деепричастные обороты.

О единстве и различиях мокшанского и эрзянского языков

Приблизительно до середины I тыс. н.э. мордовский народ жил единой этнической группой, имел единую культуру, говорил на одном языке. С середины I тыс. н.э. археологи отмечают различия в культуре мордовского народа, приблизительно с V-VI веков начали вырисовываться различия в едином языке. Почему же единый мордовский народ разделился на две этнические группы — мокшу и эрзю, а единый мордовский язык — на два самостоятельных языка, мокшанский и эрзянский? Б.А.Серебренников считает, что первоначальный мордовский этнический массив был разрезан каким-то пришлым из южных степей народом тюркского происхождения. Это предложение заслуживает внимания, ибо история знает такие случаи. Например, восточнославянские племена шли по пути образования единой народности, но завершению этого процесса помешали тюркские племена. И в результате образовались не одна народность, а три: русская, украинская, белорусская.

Однако в разделении мордовского народа были и другие причины, например, природные условия. Мордовский народ занимал довольно обширную территорию. Постепенно одна часть мордовского племени собиралась в бассейне реки Мокша с ее притоками (теперь мокшане), другая часть — в бассейне рек Суры и Алатыря (теперь эрзяне).

Дальнейшему разделению мордвы способствовала борьба между русскими и булгарами. Исторически получилось так, что одна часть мордвы воевала на стороне русских, а другая часть — на стороне булгар.

Территориальная разобщенноть мордвы привела к тому, что единый общемордовский язык на азных территориях начал развиваться на двух ведущих диалектах. Позже это развитие пошло в сторону все большей самостоятельности: появились различия в словарном составе, произношении, морфологии, синтаксисе. Так постепенно из двух диалектов образовались два самостоятельных, но близкородственных языка. В чем же сегодня единство и различия мокшанского и эрзянского языков?

В мокшанском литературном языке есть семь гласных фонем, в эрзянском — пять:

Подъем	мокшанские		эрзянские	
	ряд		ряд	
	передний	непередний	передний	непередний
верхний	и	у	и	у
средний	э	ъ,о	э	о
нижний	а	а		а

В любом слоге эрзянского слова встречаются гласные *э, о,* в мокшанском они могут быть только под ударением, в безударном положении они переходят в ъ: эрз. *ловсо* 'молоко', *паро* 'хорошо', *с'овон'* 'глина' *пэт'эмс* 'ремонтировать' *с'имэмс* 'пить' — мокш. *ло́фцъ*, *с'о́вън'*, *пэ́т'ъмс*, *с'и́мъмс*.

Ударение в мокшанском языке в основном падает на первый слог: *вэ́т'ь* 'пять', *ко́тъ* 'шесть', *ки́ргъ* 'рот', однако широкий гласный последующего слога перетягивает ударение на себя, если в первом слоге выступают узкие гласные *у,и*: *ту́шъндъмс* 'уходить' — *тушъндан* 'я ухожу', *с'ӣр'ьд'ьмс* 'состариться' — *с'ӣр'ьд'ан* 'я состарюсь'. В эрзянском языке ударение разноместное, но не как в русском языке: в одном и том же эрзянском слове с ударением можно произнести любой слог (можно сказать *на́ро* 'хорошо', а можно и *паро́*).

В мокшанском языке насчитывается 33 согласные фонемы, в эрзянском — 28: губные (мокш. , эрз. *б, п, м, ф, в*; переднеязычные (мокш. *т, т', д, д', ц, ц', с, с', з, з', н, н', л, л', лх, л'х, р, р', рх, р'х, ч', ш, ж,*; эрз. *т, т', д, д', ц, ц', с, с', з, з', н, н', л, л', р, р', ч, ш, ж)*; среднеязычные (мокш. *й, йх*; эрз. *й*); заднеязычные (мокш., эрз. *г, к, х*).

Как видно, в мокшанском языке есть специфические морфемы, глухие сонорные *рх, р'х, лх, л'х, йх*: *мар* 'бугор' — *мархт* 'бугры', *мар'* 'яблоко' — *мар'хт* 'яблоки'; *кал* 'рыба'; *кал'* 'ива' — *кал'хт* 'ивы'; *пей* 'зуб' — *пейхт'* 'зубы'. Они не встречаются в абсолютном начале или исходе слова.

В мокшанском языке шипящая аффриката палатализованная, а в эрзянском — непалатализованная: мокш. *нач'ка* 'мокрый', *пач'а* 'блин' — эрз. *начко, пачалкэ'э*. В начале слова эрзянской аффрикате *ч* в мокшанском закономерно соответствует шипящий *ш*: *чы* 'день', *чувомс*

'рыть', *чэйэр* 'мышь' — мокш. *шы*, *шувьмс*, *шэйьр*.

Как правило, в начале мокшанских и эрзянских слов преобладают глухие согласные, перед гласными переднего ряда употребляются мягкие согласные, *в* в исконных словах не встречается перед гласными *о*, *у*. В середине мокшанских и эрзянских слов можно найти разнообразные сочетания согласных, состоящие из трех, четырех и даже пяти компонентов.

Среди мокшанских согласных самыми употребительными являются: *к*, *м*, *н'*, *т'* (на 8500 фонем текста *к* встретился 578 раз, *м* — 345 раз, *н'* — 436 раз, *т'* — 261), в эрзянском языке: *к*, *н'*, *с*, *с'*, *т'* (на 9000 фонем текста *к* встретился 500 раз, *н'* — 600 раз, *с* — 450 раз, *с'* — 330 раз, *т'* — 390 раз). Среди мокшанских гласных самым употребительным является *ь* (на 8500 фонем текста встретился 1181 раз), гласный *а* — всего 193 раза. Среди эрзянских гласных чаще встречается *а* (на 9000 фонем текста встретился 1285 раз), гласный *у* встретился всего 130 раз.

Как уже отмечали, многие мокшанские и эрзянские слова пришли из общемордовского языка, например: мокш. *сельмя* 'глаз', *шобда* 'темно', *кядь* 'рука', *седи* 'сердце', *эше* 'прохлада', *пою* 'осина' — эрз. *сельме*, *кедь*, *чопуда*, *седей*, *экше*, *пой* и другие.

Однако в современных мокшанском и эрзянском языках есть слова, которые образованы от различных основ: мокш. *шобдава*, эрз. *валске* 'утро'; мокш. *илядь*, эрз. *чокшне* 'вечер', мокш. *кельгомс*, эрз. *вечкемс* 'любить'; мокш. *тракс*, эрз. *скал* 'корова' и другие.

Разнокоренные слова в мокшанском и эрзянском языках могли быть заимствованы из разных источников, например, в мокшанский понятие *волна* вошло из русского языка, а в эрзянском это понятие выражается словом *толкун*, которое вошло из татарского языка.

И в мокшанском, и в эрзянском языках существительное изменяется по основному, притяжательному и указательному склонениям. В эрзянском языке основное склонение не имеет причинного падежа. Сравните падежные формы слова *пакся* 'поле' в основном склонении:

Единственное число

	мокш.	*эрз.*		*мокш.*	*эрз.*
Ном.	пакся	пакся	**Илл.**	пакся-с	пакся-с
Ген.	пакся-нь	пакся-нь	**Прол.**	пакся-ва	пакся-ва
Абл.	пакся-да	пакся-до	**Комп.**	пакся-шка	пакся-шка
Инесс.	пакся-са	пакся-со	**Аб.**	пакся-фтома	пакся-втомо
Эл.	пакся-ста	пакся-сто	**Трансл.**	пакся-кс	пакся-кс
			Кауз.	пакс-пкса	—

Множественное число

	мокш.	*эрз.*
Ном.	пакся-т	пакся-т

Указательное склонение в мокшанском языке имеет три падежа, в эрзянском — десять:

Единственное число

	мокщ.	*эрз.*
Ном.	пакся-сь	пакся-сь
Ген.	пакся-ть	пакся-нть
Дат.	пакся-ти	пакся-нтень
Абл.	—	пакся-донть
Инес.	—	пакся-сонть
Эл.	—	пакся-стонть
Илл.	—	пакся-нтень
Прол.	—	пакся-вантъ
Комп.	—	пакся-шкантъ
Аб.	—	пакся-втомонть

Множественное число

	мокш.	*эрз.*
Ном.	пакся-тне	пакся-тне
Ген.	пакся-тненди	пакся-тнень
Дат.	пакся-тненди	пакся-тненень
Абл.	—	пакся-тнедс
Инес.	—	пакся-тнесэ
Эл.	—	пакся-тнестэ
Илл.	—	пакся-тненень
Прол.	—	пакся-тнева
Комп.	—	пакся-тнешка
Аб.	—	пакся-тневтемс

Есть определенные различия между мокшанскими и эрзянскими притяжательными формами. Притяжательные формы меняются в зависимости от числа обладателя и обладаемых предметов. Ср.:

1. Один обладатель и одно обладаемое:

	мокш.	*эрз.*	
1 л.	кудо-зе	кудо-м	'мой дом'
2 л.	куд-це	кудо-т	'твой дом'
3 л.	кудо-ц	кудо-зо	'его дом'

2. Один обладатель и много обладаемых:

1 л.	куд-не	кудо-н	'мои дома'
2 л.	кут-тне	кудо-т	'твои дома'
3 л.	кудо-нза	кудо-нзо	'его дома'

3. Много обладателей и одно или много обладаемых:

1 л.	кудо-ньке	кудо-нок	'наш дом', 'наши дома'
2 л.	кудо-нте	кудо-нк	'ваш дом', 'ваши дома'
3 л.	куд-сна	кудо-ст	'их дом', 'их дома'

В аблативе, инессиве, элативе, иллативе, пролативе, абессиве мокшанские лично-притяжательные суффиксы сходны с эрзянскими, однако в номинативе, генитиве, дативе они представляют собой специфическое явление мокшанского языка. Ср. изменение слова мокш. *куд*, эрз. *кудо* 'дом' в ряде *монь* 'мой', 'мои':

	Единственное число		*Множественное число*	
	мокш.	*эрз.*	*мокш.*	*эрз.*
Ном.	кудо-зе	кудо-м	куд-не	кудо-н
Ген.	кудо-зень	—	куд-нень	—
Дат.	кудо-зенди	—	куд-ненди	—
Абл.	куд-тон		куд-тон	
Инес.	куд-сон		куд-сон	
Эл.	куд-стон		куд-сон	
Илл.	кудо-зон		кудо-зон	
Прол.	куд-ган		куд-ган	
Комп.	куд-шкан		куд-шкан	
Аб.	куд-фтомон		кудо-втомон	

В других рядах (мокш. *тонь*, эрз. *тонть* 'твой', 'твои'; мокш. *сонь*, эрз. *сонз* 'его'; мокш. *монь*, эрз. *минек* 'наш', 'наши'; мокш. *тинь*,

эрз. *тынк* 'ваш', 'ваши'; мокш. *синь*, эрз. *сынст'их'*) различия те же.

Причастия настоящего времени в мордовских языках имеют показатели: мокш. *-и, -ай*; эрз. *-и, -иця (мол-и* 'идущий' — *моли-ця*), причастия прошедшего времени: мокш. *-ф*; эрз. *-зь (сока-ф* 'вспаханный' — эрз. *сока-зь*).

Сравнительная степень образуется: в мокш. при помощи частицы *сяда*, в эрз. *седе (кели* 'широкий' — мокш. *сяда кели* 'более широкий' — эрз. 'седе келей', превосходная степень: в мокш. при помощи частиц *-инь, сембода*, в эрз. *ине, сехте* (мокш. *сембода кели* 'самый широкий' — эрз. *сехтв келей*). Аналогично образуются и степени сравнения наречий: мокш. *сяда келиста* 'более широко', *сембода келиста* 'наиболее широко' — эрз. *седе келейстэ, сехте келейстэ*.

По своей форме очень близки мокшанские и эрзянские местоимения, например, личные: мокш. *мон* 'я', *тон* 'ты', *сон* 'он', *минь* 'мы', *тинь* 'вы', *синь* 'они' — эрз. *мон, тон, сон, минь, тынь, сынь*.

Близки по своей форме и мокшанские и эрзянские числительные, например, одинаковые показатели имеют порядковые числительные: мокш. *колма*, эрз. *колмло* 'три' — мокш., эрз. *колмо-це* 'третий'; разделительные числительные: мокш., эрз. *колмо-нь* 'по три'.

Если не учитывать особенности морфологии частей речи, то различия между синтаксисом мокшанского и эрзянского языков весьма незначительны. Специфику мордовского синтаксиса в основном определяют особенности морфологии частей речи. Очень близки мокшанские и эрзянские словосочетания, простые предложения.

Между мокшанскими и эрзянскими сложными предложениями различий еще меньше, так как они в обоих языках образовались под влиянием русского синтаксиса.

Близость мокшанских и эрзянских форм на всех уровнях языка, видимо, позволяет зарубежным ученым говорить об одном мордовском языке с двумя (мокшанским и эрзянским) наречиями. По подсчетам венгерского ученого Габора Зайца (его выступление на VII Международном конгрессе финно-угроведов в Дебрецене), мокшанские и эрзянские глагольные формы близки на 92, 91 %, именные формы — на 84, 81 %, в т.ч. послелоги почти на 100 %, местоимения почти на 100 %, инфинитив на 99 %, союзы на 83,33 %, междометия на 81,81%. В этом свете понятны стремления зарубежных и части мордовских ученых о создании единого мордовского литературного языка. И тем не менее, в республике имеем дело с двумя языками. Конечно, есть на то и другие причины.

О перспективах развития мордовских языков

Данные переписей свидетельствуют, что до 1939 года численность мордвы возрастала (1897 г. — 1023841 чел.; 1926 г. — 1267000 чел.; 1939 г. — 1451000 чел.). Однако, начиная с 1939 года, наблюдается тенденция к сокращению численности мокши и эрзи: 1959 г. — 1285116 чел.; 1970 г. — 1262700 чел.; 1979 г. — 1191765 чел.; 1989 г. — 1152000 чел. Сокращается количество мордвы, считающих своими родными языками мокшанский и эрзянский. Так, по переписи 1897 года мордовский язык родным назвал 91 % мордвы, а по переписи 1989 года — 67,1 %.

Такую печальную для мордовского этноса статистику можно объяснить определенными причинами. Мокшанский и эрзянский языки не использовались и до сих пор почти не используются в дошкольных учреждениях республики, не изучались и почти не изучаются среди запредельной мордвы, не в полной мере применяются в начальной школе. А в 70-е годы мордовская школа была переведена на русский язык обучения, что лишило мордовскую педагогику такого могучего воспитателя, как родной язык, что нанесло урон в формировании мыслительной деятельности учащихся. В городских школах республики мокшанский и эрзянский языки изучаются лишь в некоторых классах как факультативы. С 1952 по 1993 год не проводились какие-либо конференции, сессии по мордовским языкам. Орфоэпические словари по мокшанскому и эрзянскому языкам подготовлены только к языковой конференции 1993 г. Также впервые подготовлены словари сложных, парных слов и составных имен, терминологические словари.

На территории Республики Мордовия, кроме мокши и эрзи, проживают и представители других национальностей: русские, татары, белорусы и т.д., поэтому часто сталкиваемся с явлением билингвизма. Согласно переписи 1989 г., 80,4 % мокши и эрзи свободно владеют русским языком, но только 0,8 % русского населения владеет одним из мордовских языков. Иначе говоря, в Республике Мордовия мы имеем дело с хорошо развитым национально-русским двуязычием (мокшанско-русским, эрзянско-русским), а русско-национальное двуязычие (русско-мокшанское, русско-эрзянское) пока находится в зачаточном состоянии. В таком одностороннем мордовско-русском двуязычии кроется опасность для дальнейшего развития мокшанского и эрзянского языков: в этом свете не просматриваются их перспективы.

С односторонним двуязычием связан вопрос о функционировании мордовских и русского языков. Не являясь государственными

языками, мордовские языки не являются языками делопроизводства в учреждениях республики, языками публичных выступлений (в городах), на мордовских языках почти не издается общественно-политическая литература. Мордовские языки используются на радио и телевидении, однако на мокшанский и эрзянский языки приходится только 15 % эфирного времени. До сих пор по учебникам, написанным на русском языке, изучаются мордовские языки в вузах республики.

Недостаточный уровень функционального развития мордовских языков в общественно-культурной жизни республики привел к тому, что для мокшан и эрзян главной задачей сегодняшнего дня стало стремление юридическим путем закрепить за мордовскими языками наряду с русским статус государственных языков, определив тем самым сферы их применения. Ученые, писатели, юристы, журналисты, депутаты подготовили проект "Закона о языках", основная идея которого — равноправие всех языков в республике. Закон предусматривает придание мокшанскому и эрзянскому языкам статуса государственных, что привело бы к признанию права мордовского народа пользоваться достижениями культуры на родных языках, права пользоваться своими языками на собраниях, право обращаться в государственные органы на родном языке и т.д. Закон предусматривает изучение мокшанского и эрзянского языков в учебных заведениях республики. Закон несколько раз обсуждался в Совете Министров республики, в Верховном Совете, Президиуме Верховного Совета, однако до сих пор он не принят.

И тем не менее перспективы для возрождения и развития мордовских языков есть. Они начали просматриваться с середины 80-х годов. Постепенно мокшанский и эрзянский языки начинают изучать в дошкольных учреждениях, в некоторых городских школах, на некоторых факультетах вузов. В Республике Мордовия начал работать национальный театр, начали издаваться национальные журналы на мокшанском и эрзянском языках, с мокшанскими и эрзянскими страничками выходят районные газеты. Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия совместно с университетом и педагогическим институтом подготовили и провели в 1993 г. республиканскую научно-практическую языковую конференцию, где решались проблемы орфографии, орфоэпии, терминологии. Ученые-языковеды Мордовии подготовили орфографические, орфоэпические, терминологические словари, словари сложных, парных слов и составных имен.

К настоящему времени подготовлено большое количество учебников, учебных пособий, букварей для школьников, разговорни-

ков и другой литературы.

Однако первостепенной задачей сегодняшнего языкового строительства в Республике Мордовия является принятие закона о языках. Престиж мордовских языков в значительной степени подняло бы изучение их русскими, представителями других национальностей.

На данном этапе ученым-языковедам республики необходимо четко обосновать и сформулировать концепцию распределения функций между мордовскими языками и языком межнационального общения — русским, определить, в какой сфере и в каком объеме должен использоваться каждый из них.

Osip Polyakov

ON THE FORMATION, PRESENT-DAY STATE AND PROSPECTS OF THE MORDOVIAN (MOKSHA AND ERZYA) LANGUAGES

The Mordva (Moksha and Erzya) is one of the most numerous nations speaking the Uralic languages, the Hungarians and Finns being ahead of them in number. The first historical mentioning of the Mordva dates back to the 6th century B.C. The first written relic of the Mordva was the Dutch-Mordovian glossary of N.Witsen, a Dutch scientist, published in the book "Noard en Oost Tatarie" in 1692 in Amsterdam. Nowadays the Mordovian languages are taught and learnt in Mordovia, Moscow, St.Petersburg, Estonia, Finland, Hungary, Austria, Germany, the USA, etc.

At present the conception on proper correlation between the Mordovian languages and the Russian language, as a means of international communication, has to be well-grounded and phrased in precise terms by the linguists. They also have to determine in what spheres and to what extent each language should be used.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Евгений Клементьев
Петрозаводск

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КАРЕЛИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

(на примере карел, вепсов, финнов)

Роль языка, самой исторической памяти народа, стержня национального самосознания, как фактора, обеспечивающего связь прошлого с настоящим и будущим, вроде бы никем решительно не отвергается. В национальной политике признание этого постулата, воплощение его в жизнь есть важнейшее условие реализации принципа межнационального равенства. Палитра сегодняшнего языкового состояния народов очень пестра. Если языки одних народов сохраняют и совершенствуют свой этнокультурный потенциал, то других рвут финишную ленту этнического замирания.

Современное состояние культур и языков прибалтийско-финских народов Республики Карелия определяет более чем 70-летняя история реализации принципов и методов специфически советской национальной политики.

Смысл этой политики, особенно в послевоенные десятилетия, состоял в том, что законодательная и исполнительная власти в центре и на местах, декларируя свободное и равноправное развитие народов, их культур и языков, фактически формировали единую и в идеологическом, и в этническом отношениях общесоветскую культуру с единым языком (русским) во всем федеративном государстве. В условиях жестких идеологичесих установок, ограничений и прямых запретов, политики денационализации, значительные пласты народной культуры, в том числе язык, отторгались от общеисторического процесса. Оказавшись без серьезнй государственной поддержки и внимания, национальные культуры и языки стремительно сужали сферы своего функционирования, народная культра утрачивала свою важнейшую функцию — обеспечивать национально-культурную преемственность поколений.

В начале XX века национальные культуры и языки играли решающую роль в социальной жизни карел, вепсов, финнов, практически безраздельно господствуя в сфере хозяйственной деятельности, быта, общения, воспитания. Относительно замкнутая эволюция этнических общностей, их культур и языков обеспечивала высокую устойчивость национального, в том числе языкового самоопределения. По данным переписи 1926 г., почти 98 % карел и вепсов, 80 % финнов Карелии родным считали свои национальные языки (1, с 114). Этнодемографическое воспроизводство народов носило расширенный, прогрессивный характер. Межнациональное языковое партнерство ограничивалось устной формой общения, сводилось к непосредственно-личностным контактам. Национально-русское двуязычие носило групповой характер.

Советская власть провозгласила равноправие народов, их культур и языков. Однако специальных законодательных актов, конституционно регулирующих национально-языковые взаимоотношения, не существовало. Это предопределяло общую тенденцию национально-культурного и языкового развития — сужение сфер их функционирования.

В Карелии оно проявлялось в следующих особенностях. Для выхода из состояния войны и поддержания мирных добрососедских отношений Советская Россия подписала 14 октября 1920 г. договор с Финляндией, согласно которому "местный народный язык (т.е. карельский — ред.) является языком администрации, законодательства и народного просвещения" (2, с. 255). Государство декларировало развитие карельского языка от бесписьменной к письменной форме с широким его использованием в общественно-политической и культурной жизни.

В 1920 г. статус государственного языка наряду с русским получил и финский язык. В значительной мере это было связано с геополитическим положением Карелии, условиями того времени, идеей создания Скандинавской Советской Республики, преобладанием "красных финнов" в руководящих структурах управления Карельской Трудовой Коммуны, а позднее автономной республики.

Вопрос же о социально-правовом статусе вепсского языка вообще никогда не ставился.

Декларирование равных прав еще не означает равных языковых возможностей. Русский и финский языки являлись языками письменными с большой традицией нормативного развития. В отличие от них вепсский и карельский оставались бесписьменными.

Для обеспечения равноправного языкового развития требовалось осуществить совокупность мер, регулирующих взаимоотношения фун-

кционирующих на территории Карелии различных языков, чтобы обеспечить их фактическое равенство. Равенство в том смысле, чтобы традиционное и современное, национальное и интернациональное находились в оптимальных соотношениях, чтобы интернационализация общественной жизни как ведущая тенденция в развитии национальных отношений содействовала совершенствованию национальных культур и национальных языков, а не их угасанию.

Одна из первоочередных задач, обеспечивающих переход на более высокий уровень и темпы социально-этнического развития, заключалась в создании письменности, чтобы адаптировать карел, вепсов к новым социально-культурным условиям, связать богатейшую традиционную культуру, лексику национальных языков с достижениями современности.

Однако было принято иное решение. По существу, с первых лет советской власти принцип равноправия языков был сведен к принципу противопоставления языков. В дискуссиях 1920-30-х годов по вопросам языкового строительства в Карелии языки одних народов расценивались как "культурные" в противовес языкам "некультурным",т.е. бесписьменным. Характерно, что сама идея создания карельской письменности в 1920-е годы расценивалась как шовинистически-реакционная и политически неверная затея классово-враждебных элементов. Принцип противопоставления языков выражался и в том, что в районах с преимущественно карельским населением без учета их мнения настойчиво внедрялось обучение на финском языке. Успех экономических преобразований в Карелии ставился в тесную взаимозависимость с широким внедрением финского языка в карельскую среду.

Нарушение языкового суверенитета, добровольного выбора языка обучения стало нормой государственной политики. Уже в феврале 1921 г. в резолюции I Всекарельского съезда советов утверждалось, что "возрождение карельской грамотности является ненужным и невыполнимым делом" (2, с. 224). II Всекарельский съезд советов (октябрь 1922 г.) сделал вывод о невозможности создания карельского литературного языка и заключил: "ведение культурно-просветительской работы среди карельского населения возможно лишь на русском и финском языках" (3, с.9). Только советская национальная политика могла родить такой парадокс: карельский язык, сыгравший исключительно важную роль в развитии финской литературной традиции, познакомивший мировую общественность с "Калевалой", оказался неспособным поднять духовный и культурный уровень своего народа.

Игнорирование национально-культурных интересов вепсского

и карельского народов обрекало эти языки на лексический застой. Условия же нового времени, периода активных социально-экономических преобразований, ликвидации массовой неграмотности, рождения национальной интеллигенции, формирование нетрадиционных социальных и культурных потребностей, интересов, предъявляли повышенные требования к национальным языкам. Медленная эволюция языков в рамках сужающихся сфер их традиционного функционирования ослабляла плотность внутринациональных связей, ускоряла культурно-языковую ассимиляцию карел и вепсов. Рекомендации использовать карельский язык в общественно-политической и просветительской деятельности носили кратковременный и непоследовательный характер.

Из двусмысленной ситуации, когда карельский язык как язык титульного народа оставался статусно неопределенным, надо было как-то выходить. Так родилась концепция так называемого единого"карело-финского языка". В тексте декрета ВЦИК о преобразовании Карельской Трудовой Коммуны (КТК) в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (25.07.1923 г.), зафиксировавшего равноправие языков, появилось понятие "карело-финский язык" (4, с. 61; 5, л. 198), уравненный в правах с русским.

Политика "карелизации" выражалась в знании двух языков (русского и финского) при замещении целого ряда должностей, росте численности школ с обучением на финском языке в местностях с карельским населением. По постановлению ЦИК КАССР "О национальной политике в Карелии" (1924 г.), диалекты карельского языка следовало использовать в устной форме деятельности уездных и волостных исполкомов, съездов Советов, в школах и судах карельских местностей республики.

Проект Конституции 1926 г. провозглашал русский и "карело-финский" языки государственными. Формулировка "карело-финский язык" не могла все же скрыть главного. По справедливой оценке современного исследователя А.А.Левкоева, "абсолютно отрицался иной, противный движению к финскому языку способ разрешения языкового вопроса в карельских районах республики", и финский язык должен был стать письменной формой выражения устной карельской речи (3, с. 13). Наличие диалектов в карельском языке использовалось как мощный аргумент в пользу невозможности создания карельской азбуки. Ситуация, когда руководство Карелии расценивало финский язык как "естественное продолжение карельских диалектов", когда настойчиво отстаивался тезис о "реакционности" создания карельской письменности, сохранялась вплоть до середины 30-х годов. В условиях упрочения административно-командной

системы, "роста классовой борьбы", активного поиска и ликвидации "врагов народа", борьбы с местными националистами как выразителями буржуазно-националистической контрреволюции, сложный клубок языковых проблем был разрешен в одночасье: со второй половины 1937 г. финский язык стал запрещенным, а финская интеллигенция подвергнута жестоким репрессиям.

В языковой политике наметился очередной резкий поворот. Перевод в обучении на финский язык в районах с преимущественно карельским населением, оцененный как "грубейшее нарушение в национальной политике", определил новый курс — разработку карельской письменности. (Обучение вепсских детей на родном языке в Ленинградской и Вологодской областях велось в начальных классах с 1932 г. по 1939 г.). В 1937 г. Президиум ЦИК Карельской АССР принял решение о создании единого для всех групп карел литературного языка. Статья 24 Конституции КАССР, принятой в 1937 г., возводила карельский язык в статус государственного. Совет Народных Комиссаров КАССР отмечал, что "огромным достижением за 1938-1939 годы в области народного образования следует считать перевод всех карельских школ на свой родной — карельский язык обучения"(3, с.15-18; 6).

Карельская письменность, созданная директивными решениями, без учета диалектных различий как конгломерат диалектов, в значительной мере была искусственной, трудно усваивалась учащимися, не была воспринята населением. Как директивно она возникла, так директивно и была отменена. Шарахания в языковой политике предопределили скоротечную судьбу карельской и вепсской письменности, ускорили развитие национально-русского двуязычия — переходного этапа к одноязычию.

Завершение советско-финляндской "зимней" войны 1939-1940 гг. знаменовало очередной крутой зигзаг в языковой политике. В июле 1940 г. Совет Народных Комиссаров Карело-Финской ССР принял постановление, в соответствии с которым во всех карельских школах республики обучение вновь переводилось на финский язык.

Пренебрежительное отношение к карельскому и вепсскому языкам на государственном уровне как к языкам неперспективным подрывало их престиж. Уже в 30-е годы стала вызревать мысль о том, что знание родной речи мешает полноценному овладению русским языком, что они не способны выполнять общественно-политические и культурные функции. Этот психологический перекос ощутим до сих пор и является серьезным препятствием на пути национально-культурного возрождения карел и вепсов.

Важнейшей чертой языковых процессов довоенного периода стало последовательное распространение двуязычия вширь, т.е. рост

численности карел, вепсов, финнов, свободно владеющих русским языком.

В период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. завершился переход к массовому двуязычию.

Мощный приток в Карелию в 50-е годы разнонационального населения, превращение моноэтнических сред в полиэтнические, массовая миграция карел, вепсов, финнов в города, появление крупных лесных поселков как центров притяжения населения, сформировали принципиально новые условия национально-языкового поведения. Развитие лесной индустрии нанесло традиционной системе сельских поселений и расселению жестокий удар. Резко сокращалась общая численность селений, особенно с преимущественно карельским населением. Территории компактного расселения карел и вепсов превращались в многонациональные: в конце 50-х годов в сельской местности насчитывалось около 40 вариантов этнических сред, бывших прежде преимущественно однонациональными или вепсско-русскими и карельско-русскими. Многократно увеличилась численность национально смешанных семей. К 1959 г. по сравнению с 1939 г. общая численность сельских карел в республике сократилась с 97,5 тыс. человек до 59,0 тыс. человек, вепсов с 6,5 до 3,9.

Давление новой языковой среды, естественно, определяло и модели языкового поведения. Не только в национально неоднородных, но и в однонациональных семьях дети карел, вепсов, финнов свои первые слова стали произносить по-русски, который в этом случае, как правило, признавался родным языком. В конце 50-х годов уже 19,0 % карел, 15,8 % финнов и 61,3 % вепсов родным считали русский язык (7, с. 314, 340, 366). Если среди карел и финнов языковая ассимиляция развивалась вширь, то в вепсской среде она распространилась вглубь.

В 60-80-е годы развитие языковых процессов в Карелии, как и во всей стране, происходило в условиях мощного идеологического обеспечения политики слияния народов, их культур и языков в "единую историческую общность — советский народ". Реализация этой политики стала серьезной угрозой утраты карелами, вепсами, финнами своих национально-культурных, в том числе и языковых, особенностей.

Наряду с ростом карело-вепсского элемента в лесных поселках, как крупных центрах сельской урбанизации, немаловажную роль в утрате прибалтийско-финскими народами республики навыков родной речи сыграла политика аграрной центромании, более известная под названием политики ликвидации "неперспективных деревень". За послевоенное время с поселенческой карты Карелии исчезло более

2300 сельских населенных пунктов (с 2973 в 1939 г. до 668 в 1989 г.). Сельская поселенческая сеть — важнейший источник, питающий культурно-языковую жизнь народов — не просто деформировалась, а деградировала. Отличительной ее чертой стало нестабильное, неустойчивое существование, и потребуется еще не одно десятилетие, чтобы деревня стала жить полнокровной национальной жизнью. В новой социально-этнической ситуации возможности воспроизводства национально-культурного, в том числе языкового наследия, по существу, были закрыты. Социально-этническое развитие прибалтийско-финских народов происходило в условиях резкого ослабления плотности внутриэтнических связей.

В то же время вся атмосфера общественно-политической, социально-экономической, культурной жизни поддерживала иллюзорное представление о культурно-языковом благополучии карел, вепсов, финнов. Национальная политика не имела связей с этнокультурными реалиями. Все это незамедлительно отразилось на темпах языковой ассимиляции. Если в 1970 г. 28,2 % карел, почти 39 % финнов и около 68 % вепсов республики родным признавали русский язык (8, с. 338; 9, с. 119), то в 1979 г. этот показатель составил соответственно 38,2%, 50,1% и 64,3% (9, с. 119; 10, с. 150). В 70-е годы углубляющаяся языковая ассимиляция карел, вепсов, финнов стала ведущей тенденцией этноязыковых перемен.

Усиление психологического тяготения к различным формам профессиональной культуры, не имеющим выраженной национальной окраски, утрата многих черт традиционной культуры,ослабление приверженности к своему национально-культурному наследию — это лишь некоторые, хотя и весьма важные, признаки размывания и исчезновения у прибалтийско-финских народов своей этнической индивидуальности,ослабляющие устойчивость национального самосознания карел, вепсов и финнов. Большинство детей навыки русскоязычной речи осваивают в раннем детстве. Сравнительно широко бытуют мнения о нецелесообразности знания языка своей этнической общности. Последовательно назревает мысль о том, что язык другого народа (русский) якобы может обеспечить этнокультурную преемственность поколений. Часть населения стала воспринимать русский язык не только как средство межнационального, но и внутриэтнического развития, как необходимый атрибут национального саморазвития, как фактор межнациональной интеграции и внутринациональной идентификации. Нигилистическое отношение к национально-культурным корням, упорно насаждаемое идеологией, стало давать всходы.

Современная языковая ситуация у прибалтийско-финских народов Карелии может быть оценена как явно критическая. Все три

народа находятся в опасной зоне полной утраты своей национально-культурной и языковой индивидуальности. По данным переписи населения 1989 г., национальность и родной язык совпадали у 51,5% карел, 40,8% финнов и 37,5% вепсов (11, с. 32).

Столь массовый характер утраты национального языка настойчиво ставит на повестку дня вопрос о самом существовании карел, вепсов, финнов как этноязыковых образований. Специальные исследования показали, что если более чем у половины представителей национальной общности национальная принадлежность и родной язык не совпадают, вслед за языковой ассимиляцией неминуемо следует этническая.

Общие показатели по республике скрадывают своеобразие языкового состояния городского и сельского населения. А это имеет принципиально важное значение в плане более корректной оценки современной языковой ситуации, видения наиболее уязвимых мест в практике национально-языкового строительства, принятии решений на самом высоком управленческом уровне.

Урбанизация, как известно, является одной из наиболее существенных тенденций демографического развития. По темпам урбанизации, доле городского населения Республика Карелия находится в лидирующей группе регионов страны: в 1989 г. 81,4 % всего населения республики проживали в городах и поселках городского типа.

В настоящее время этнокультурное, в том числе языковое, развитие прибалтийско-финских народов республики предопределяет городская среда: почти 62% карел, 65,5% вепсов, 87,4% финнов — горожане, а их общий удельный вес в городском населении составляет лишь 10,7% (11, с.3-5), т.е. городская среда — основное "поле" национальной жизни. Действительность была и есть такова, что городская среда — сильнейший фактор и условие денационализации,утраты народами черт национально-культурной индивидуальности. Могут ли карелы, вепсы, финны в условиях городских поселений, в мощном инонациональном окружении сохранить свой национально-языковой облик, навыки родной речи, языковую преемственность поколений?

В поисках ответа между "да" и "нет" вряд ли могут возникнуть большие затруднения. Чтобы окончательно развеять их, в качестве дополнительных свидетельств в пользу "нет" приведем еще два аргумента.

Первый. С 1959 г. по 1989 г. численность карел-горожан в республике увеличилась в 1,8 раза, а численность карел с "родным" русским языком за это же тридцатилетие возросла в 2,7 раза, вепсов соответственно в 1,1 и 1,2 раза. При сокращении общей численности

финнов-горожан примерно на 3 тысячи человек их численность с "родным" не финским языком почти удвоилась. Отсюда нетрудно заключить: опережающие темпы роста языковой ассимиляции по сравнению с плотностью миграционных потоков показывают, что в перспективе прибалтийско-финские народы Карелии обречены на ускоряющуюся языковую, а затем и этническую ассимиляцию.

Сложилась такая ситуация: некогда прочную ткань повседневной прибалтийско-финской речи на селе рвет и глушит массовая ликвидация деревень; возможности внутринационального общения в городских поселениях на вепсском, карельском и финском языках крайне ограничены. Национальное самосознание карел, вепсов, финнов не может и не хочет мириться и безропотно согласиться с уготованной тупиковой национально-языковой судьбой.

Второй. В 1989 г. родным признавали свой национальный язык 43,5% карел, 40,2% финнов и 29,1% вепсов-горожан. У сельского населения национальная принадлежность и родной язык совпадали у 64,4% карел, 53,4% вепсов, 45,5% финнов (11, с. 32; 12, с. 38).

Эти средние показатели, как известно, складываются из языковых характеристик различных поколений, которые сильно отличаются друг от друга по глубине языковой ассимиляции.

Каков же возрастно-языковой портрет прибалтийско-финских народов республики?

Среди городского населения ориентируются на язык своей этнической общности как на родной (более 50%) лица старшего поколения, в том числе карелы, начиная с возраста 50 лет и старше, финны и вепсы — с 70 лет и старше. И менее 15 % считают родным языком своего народа карелы-горожане до 15 лет, финны-горожане до 30 лет, вепсы-горожане до 40 лет.

В сельской местности национальность и родной язык совпадают более чем у 50% населения у карел старше 25 лет, вепсов — с 40 лет, финнов — с 50 лет. И менее чем у 15% сельских вепсов и финнов в возрасте до 35 лет национальность совпадает с родным языком. Среди карел в возрасте до 15 лет только примерно каждый 5-й или 6-й родным считает карельский язык.

Очевидно, что темпы языковой ассимиляции прибалтийско-финских народов имеют угрожающе нарастающий характер.

Этот неутешительный вывод еще с большей убедительностью демонстрируют приводимые диаграммы 1-6. Принцип их построения таков: все городское и сельское население "разбито" на ряд возрастных групп с определенным интервалом лет, которые по вертикали наложены друг на друга; слева приведены данные о мужчинах, справа — женщинах. Внутри этой пирамиды (светлый фон) аналогичным

приемом приводятся сведения о карелах, вепсах и финнах с родным национальным языком по тем же возрастным группам.

До начала аналитического обзора отметим два существенных момента.

Во-первых, у нормально воспроизводящего народа возрастно-половая структура, изображенная графически, имеет вид равнобедренного треугольника с широким основанием (много детей), пологими гранями и острой вершиной (чем больше возраст, тем меньше численность населения). Такую возрастно-половую пирамиду имеет в Карелии только одна национальная группа — русские.

Во-вторых, графически изображенные возрастно-половая и возрастно-языковая совмещенные пирамиды перекрывают друг друга и совпадают, если у представителей национальной общности разных поколений родной язык и национальная принадлежность совпадают. К единственной этнической группе такого порядка относятся только русские Карелии.

Обратимся к диаграммам и ограничимся наиболее существенными выводами.

1. И в условиях города, и в условиях села карелы, вепсы и финны как демографические образования не имеют перспективы даже простого воспроизводства, о чем свидетельствует урнообразный и клинообразный вид графических изображений. Более "полные" городские пирамиды по сравнению с сельскими фиксируют разное соотношение этих групп населения. Современное демографическое развитие прибалтийско-финских народов Карелии приобрело явно регрессивный характер. Широкая практика межнациональных брачных связей (в сельской местности около 40% семей национально-смешанные, в городах вдвое больше), низкая оценка престижа национального языка предопределяли неустойчивость национального самосознания. Прорыв эндогамии, т.е. обычая заключения брака между представителями данной этнической общности, расшатав демографическую структуру этносов, ослабил самые их основы. Депопуляция выступает как ведущая тенденция демографических сдвигов.

2. Хрупкость демографической структуры, высокий удельный вес ассимилированных в наиболее активных брачных возрастных группах (18-29 лет), истощенный запас языковых знаний у молодежи, подростков и детей говорят о том, что межпоколенные языковые взаимо-связи, по сути, разорваны. Семья перестает выполнять свою важней-шую этническую функцию — обеспечивать преемственность поколе-ний. При низкой оценке престижа национального языка последний перестает быть опорой и ориентиром национального самосознания.

Таблица 1. Карелы. Городское население, 1989 г.

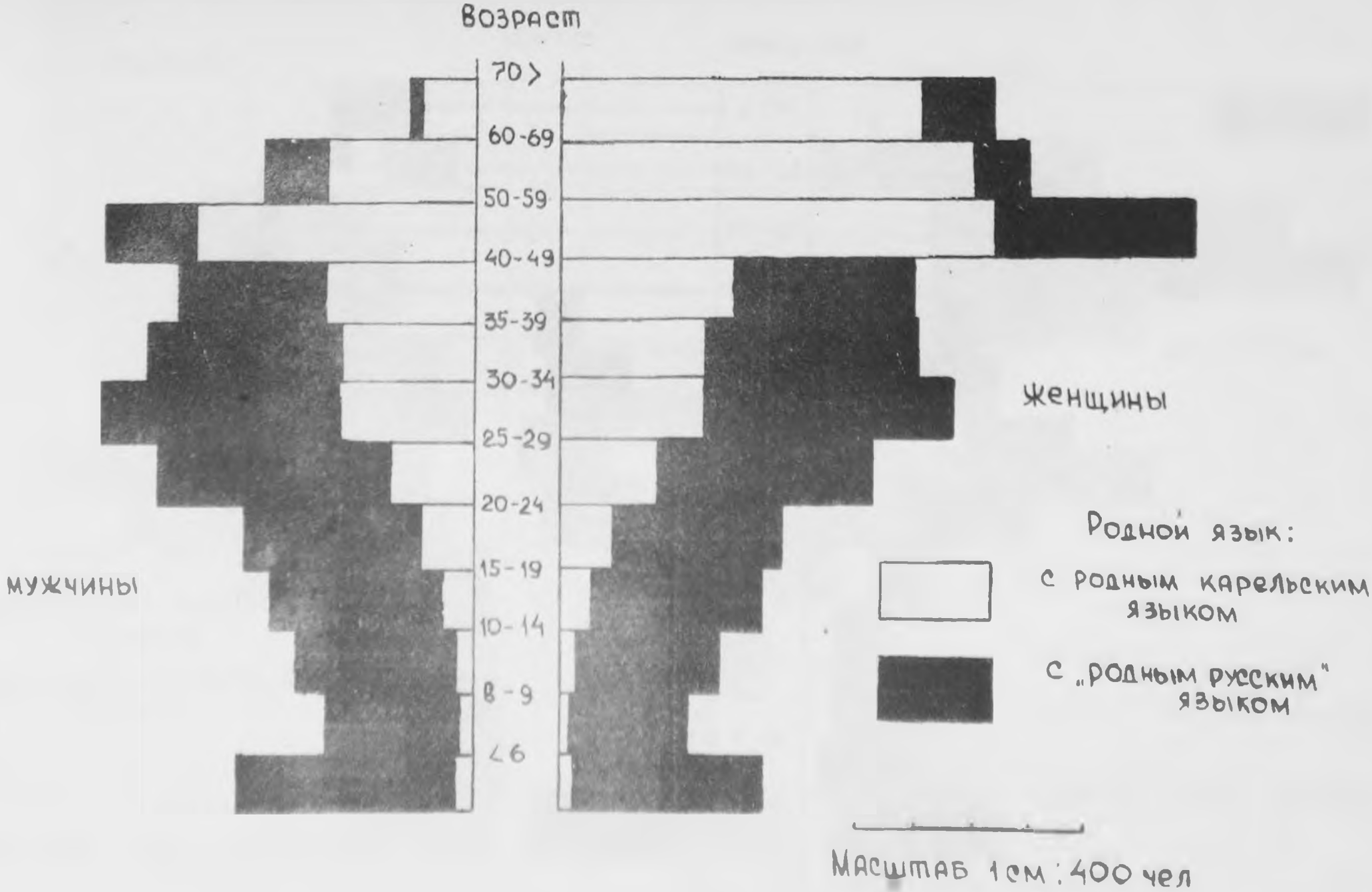

Таблица 2. Карелы. Сельское население, 1989 г.

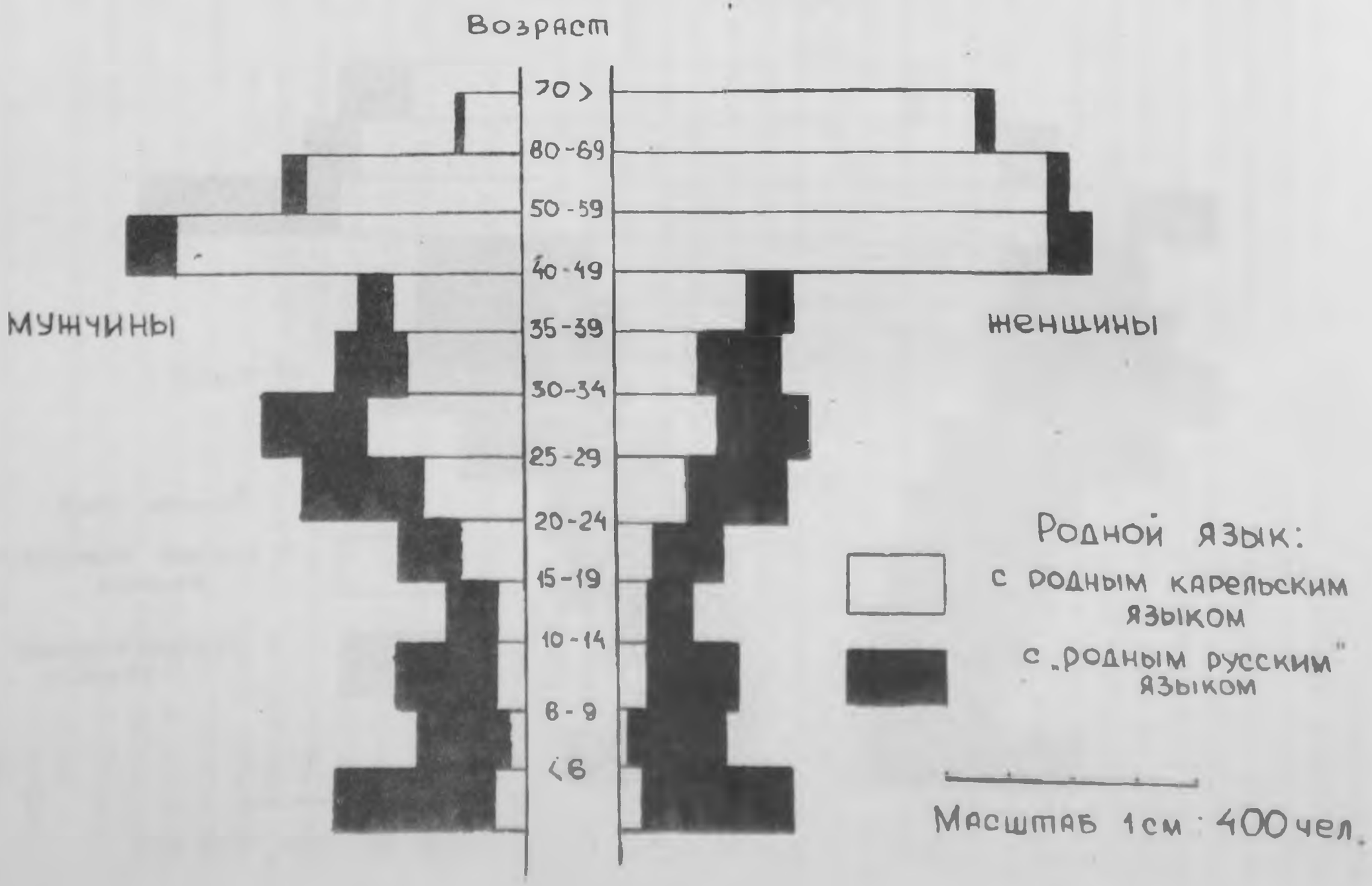

Таблица 3. Вепсы. Городское население, 1989 г.

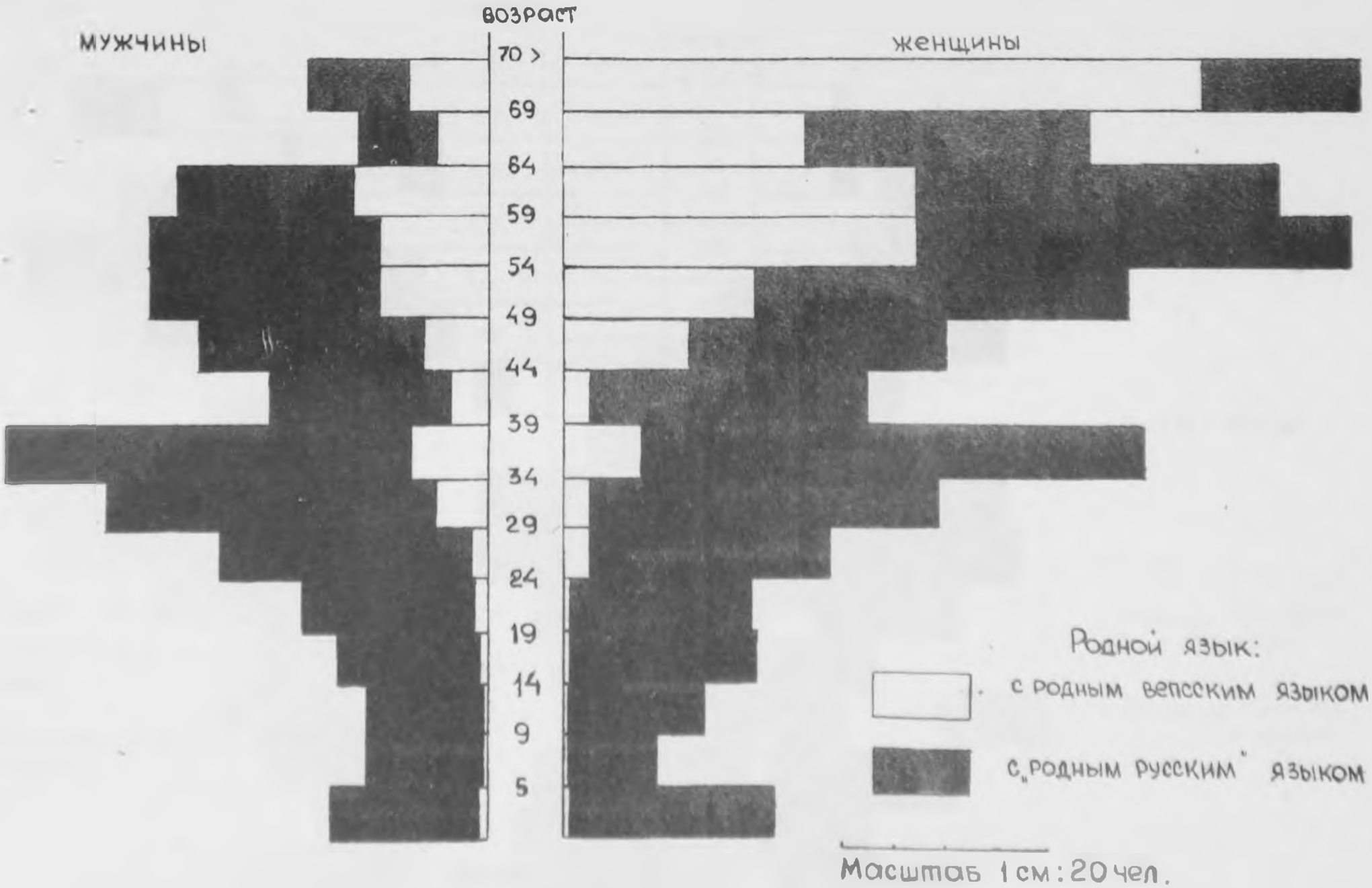

Таблица 4. Вепсы. Сельское население, 1989 г.

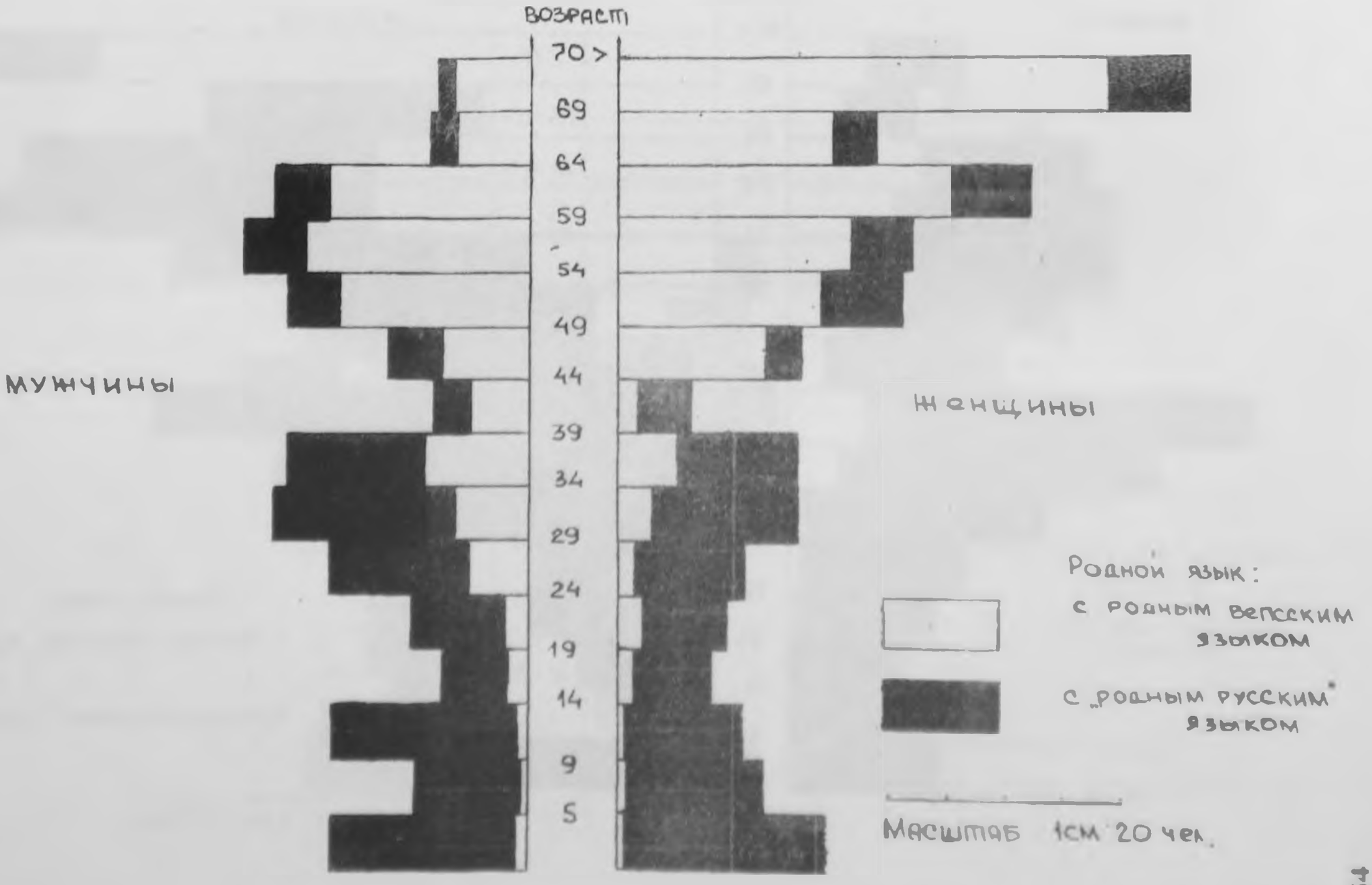

Таблица 5. Финны. Городское население, 1989 г.

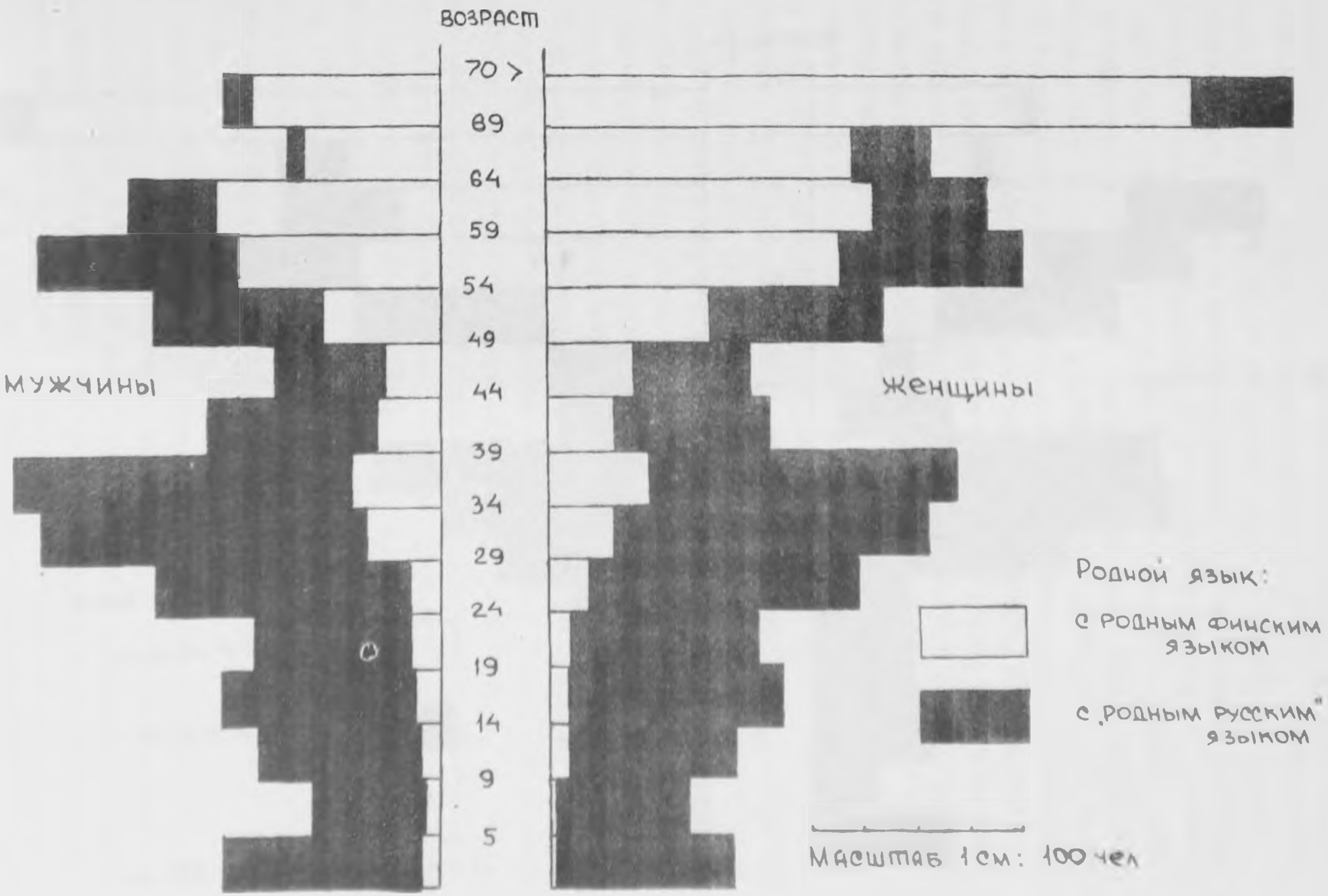
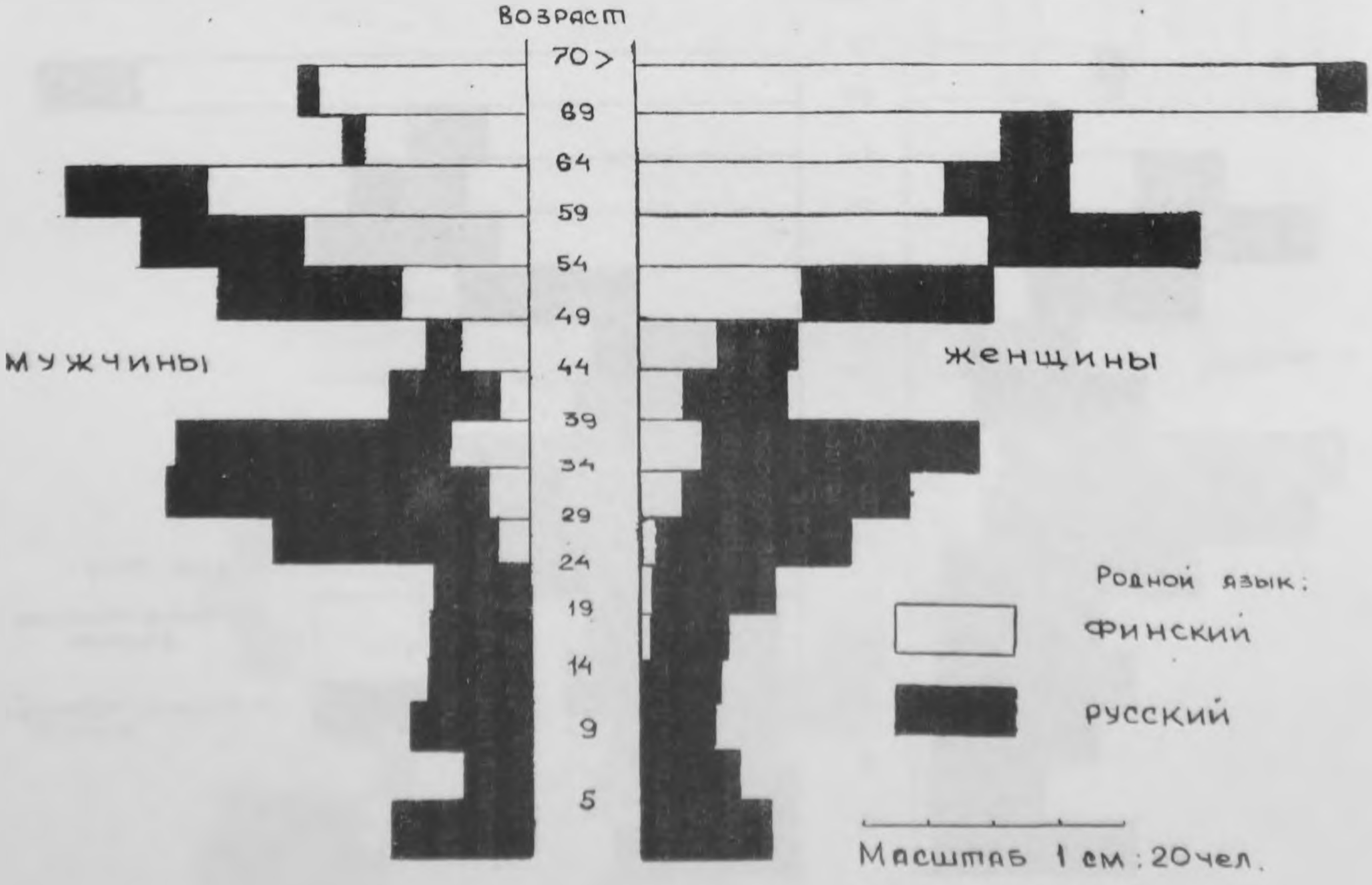

Таблица 6. Финны. Сельское население, 1989 г.

Не приходится сомневаться, что без целенаправленной государственной политики по возрождению прибалтийско-финских народов, без союза семьи и государства, национальных школ, которые делают первые шаги в своем становлении,языковой, а затем и этнической, ассимиляции не избежать. И это отнюдь не дальняя перспектива.

К сожалению, самые животрепещущие, злободневные проблемы национального бытия оцениваются, и не только обывателем, с удивительных позиций: стремление к национально-языковому самосохранению рассматривается в прямой связи... с разрушением дружеских межнациональных отношений, какими всегда отличался наш край. Сомнения в целесообразности национального возрождения питаются, по крайней мере, двумя обстоятельствами: незнанием, иногда нежеланием знать, и недооценкой той глубокой национально-этнической, в том числе языковой, хвори, которая охватила организм прибалтийско-финских народов Карелии. Осознание этого состояния самими широкими слоями населения, людьми самых различных национальностей, законодательными и исполнительными структурами республики значительно ускорило и обеспечило бы разрешение второй, более сложной проблемы. Суть ее заключается в том, что в условиях глубокого экономического кризиса, острейших межнациональных конфронтаций в целом ряде регионов страны сам процесс возрождения, в том числе создание национальных школ, финансируемых, естественно, за счет государственных средств, часть населения воспринимает как некую льготу, данную прибалтийско-финским народам. Стремление к возрождению еще нередко возводится в ранг националистических устремлений, расценивается как возведение перегородок и барьеров на бесконфликтном поле национального согласия республики.

Да, в республике появились первые сельские школы, где карельские и вепсские дети изучают азы своих национальных языков. Но для того, чтобы, к примеру, большинство карельских детей получили возможность осваивать навыки родной речи в школе, потребуется минимум 10 лет. Этот экстенсивный путь развития (национальные языки изучаются как иностранные, несколько часов в неделю) не в состоянии вывести ни карел, ни вепсов, ни финнов из ассимиляционного тупика.

Финский язык преподается в школах республики примерно 60 лет. В настоящее время численность обучающихся финскому языку в три раза превышает общую численность финнов школьного возраста. В то же время темпы утраты финнами родного языка, судя по диаграммам, самые высокие в республике. Еще один пример: из 321 финна в возрасте до 24 лет, проживающих в сельской местности, только 10 (!) человек в 1989 г. признавали родным язык своей национальности.

Школа, следовательно, не играет сколько-нибудь заметной роли в сдерживании языковой ассимиляции финнов.

Невольно возникает вопрос: не уготована ли такая же незавидная судьба карельской и вепсской школе? Широко рекламируемые Министерством народного образования успехи в развитии национальной школы создают, строго говоря, иллюзорное представление о действительном положении дел.

Недостаток кадров, опыта, учебных пособий — факторы, сдерживающие возрождение национальных языков. Но очевидно и другое: необходима целенаправленная государственная политика и программа национально-культурного возрождения карел, вепсов, финнов, возвращающая и вовлекающая в повседневную историю народов жизнеспособные традиции, явления, нормы поведения, элементы национальной жизни как реальную основу развития и совершенствования народами своей национально-культурной суверенности и этнической индивидуальности. Возрождение и развитие культуры и языка карел, вепсов и финнов должно стать составной частью общедемократических преобразований в сфере правовых взаимоотношений, социальных и экономических изменений на пути достижения реального равноправия народов.

Реализация принципа языкового равноправия заключается в том, чтобы обеспечить сохранение карельского, вепсского, финского языков, такое их развитие, чтобы содействовать широкому их использованию в самых различных сферах жизнедеятельности. Непременное условие нормального функционирования взаимодействующих языков — правовое регулирование. В сознании карел, вепсов, финнов, людей самых разных национальностей должна прочно утвердиться мысль, что национальные языки — общегосударственная ценность, защищаемая законом. И без решений на законодательном уровне полнокровная защита национально-языковых интересов карел, вепсов, финнов не может быть обеспечена.

Сложность языковой ситуации состоит в том, что функциональная развитость и развернутость языков различна: русский и финский языки, как языки литературные, имеют длительную историю нормативного развития, карельский и вепсский языки — младописьменные, замкнутые, в основном, сферой семейно-бытового общения. Поэтому в Конституции Республики Карелия или в специальном "Законе о языках" идея равенства языков, их полнокровной жизни не простая декларация, а цель, достижение которой подтягивает младописьменные языки до многофункционально развитых. Речь не должна идти о замене одного языка на другой, а о такой более полной "нагрузке" национальных языков, которая быстро возрождала бы утрачиваемый

лексический фонд и эффективно "работала" на национально-культурную самобытность того или иного этнического образования в условиях нового времени. Только в этом случае демократическое государство реально сможет сохранить и развивать национальные культуры и национальные языки. И эту историческую ответственность должны разделить не только работающие "с языком","над языком" или "для языка", но и должностные лица самого высокого законодательно-управленческого и исполнительного уровня. Добиться согласия и на практике разрешить конечную цель — добиться равноправия языков, когда на исходных рубежах они существенно дифференцированы — проблема не простая, но при доброй воле вполне разрешимая.

Наряду с законодательной (юридической) защитой возрождение культур и языков прибалтийско-финских народов Карелии остро нуждается в комплексе механизмов социальной защиты — научно обоснованной программе, гарантирующей динамичное развитие национальных языков.

И, наконец, воплощение в жизнь законодательных актов, программ возрождения требует финансового обеспечения. Пафос и энтузиазм актива национальной интеллигенции — мощная возрожденческая сила. Но без приоритетной экономической защиты даже законодательно выверенная языковая реформа обречена на провал.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Всероссийская перепись населения 1926 года. Том I. М., 1928.
2. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый Всекарельский съезд Советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990.
3. *Левкоев А.А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии. (1920-1935). Пертрозаводск, 1992.
4. Карелия в период восстановления народного хозяйства. 1921-1925. Документы. Петрозаводск, 1979.
5. ЦГА КАССР, ф. 689, д. 2/9.
6. *Баранцев.А.П.* Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. М.- Л., 1967.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963.
8. Итоги Всесоюзной переписи 1970 года. Том IV. М., 1973.
9. Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. Вып. XVI. М., 1992.
10. *Klementjev Je.* Kielitillanne karjalaisten keskuudessa: nukytila ja kenitussuunnat Carelia, 1992, №3.

11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. III. Национальный состав населения Карельской АССР. Петрозаводск. 1990.

12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Сб. II. Городские поселения Карельской АССР. Петрозаводск, 1990

Eugene Klementyev

SOME FEATURES OF THE LANGUAGE SITUATION IN KARELIA: TENDENCIES OF DEVELOPMENT AND PRESENT-DAY STATE (THE KARELIANS, FINNS AND VEPSES TAKEN FOR ILLUSTRATION)

One can not deny the role of language, the most historical memory of a nation, a pivot of national consciousness, a factor providing the connection of the past with the present and future. In the sphere of national policy the admission of this postulate and its convert into a fact is the most important condition of the realization of international equality. The present-day language situation varies from one nation to another. While the languages of some nations preserve and develop their ethnic and cultural potential, others, so to say, break a finishing tape of ethnic extinction. It chiefly applies to the Baltic-Finnish languages of Karelia where there is an absolute necessity for a legislative mechanism of culture and language protection of the Baltic-Finnish nations. The realization of the legislative acts and the programmes of revival demands good financing. Otherwise even the legislatively regulated language reform is doomed to failure.

«Финно-угроведение», 1994 г., № 1.

Владимир Могильников
Москва

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА УГОРСКОЙ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ В I ТЫС. ДО Н.Э. – I ТЫС. Н.Э.

Проблемы генезиса угорских народов, к которым в настоящее время относятся венгры, манси и ханты, являются дискуссионными. Среди исследователей нет полного единодушия о конкретной локализации их прародины, путей миграции и происходивших при этом этнокультурных контактов, хронологии отдельных периодов их древней истории. Основные проблемы угорского этногенеза были поставлены и частично решены в работах В.Н.Чернецова (1, 2, 3, 4), И.Н.Шебештьен (5), П.Хайду (6), П. Вереша (7, 8, 9) и других ученых. Полученные в последние годы новые материалы позволяют уточнить и отчасти по-новому осветить отдельные вопросы данной проблематики.

В настоящее время большинство исследователей склоняются к мнению, что первоначальные процессы этногенеза угров происходили преимущественно в лесостепи и южной части лесной полосы Урала и Западной Сибири от прилежащих к Уральскому хребту восточных районов Приуралья до Обь-Иртышского междуречья, а не в основной территории Приуралья, лесная полоса которого являлась прародиной финно-пермских народов. Распад угорской этнокультурной общности с выделением и последующей консолидацией этнических групп прамадьяр, угров лесостепи и обских угров, еще не разделившихся на хантов и манси, приходится на переходное время от бронзового века к железному, VIII – VI вв. до н.э., и был связан с этнокультурными и социально-экономическими процессами, происходившими в это время. В этот период в степи и лесостепи Западной Сибири распространяется кочевое и полукочевое скотоводство с преимущественным разведением лошадей, а к рубежу VI –V вв. до н.э. в лесостепи оформляются саргатская и родственная ей гороховская культуры, которые по облику материала и хозяйственно-культурному типу резко отличны от более северных культур лесной полосы Прииртышья и

Нижнего Приобья, однако имеющие вкупе с последними общие субстратные элементы, восходящие, отчасти, к андроновскому, федоровскому компоненту, вошедшему как суперстрат в состав этносов культур эпохи поздней бронзы лесостепи и степи, а также – южнотаежной зоны, где образовались так называемые андроноидные культуры, в том числе сузгунская в Среднем и отчасти Нижнем Прииртышье, представляющая для рассматриваемой тематики наибольший интерес. При последующем генезисе этнокультурных образований эпохи поздней бронзы сузгунский компонент в разной мере и в различных сочетаниях с другими этническими компонентами участвовал в формировании как саргатской культуры лесостепи, так и богочановской культуры VI –III вв. до н.э. юга лесной полосы Прииртышья (10, 11), а восходящие к эпохе бронзы андроноидные мотивы прослеживаются в орнаменте усть-полуйской культуры Нижнего Приобья V – II – I вв. до н.э. (12, рис. 17 , 4, 5, 29). Процессы дифференциации, приведшие к концу VI в. к оформлению своеобразной саргатско-гороховской культурной общности, в основе этноса которой лежал андроноидный компонент, фиксируемый на антропологическом материале, знаменовали распад довольно аморфной этнокультурно-языковой общности угров с выделением из нее прамадьяр, идентифицируемых с этносами саргатской, и вероятно, гороховской культур, и обских угров, соотносимых с культурами лесной полосы Прииртышья и Нижнего Приобья – богочановской, усть-полуйской с ее локальными вариантами – синдейским в Зауралье, кондинским – на Конде с прилежащей частью Нижнего Прииртышья и белоярским – в Сургутском Приобье. По-видимому, обско-угорской была также иткульская культура Среднего и Южного Урала (13). В отличие от культуры угров лесостепи, протомадьяр, со скотоводческой основой хозяйства при преобладании коневодства, для культур обских угров рассматриваемого и последующих периодов характерно господство присваивающего охотничье-рыболовного хозяйства на севере и комплексного хозяйства на юге лесной полосы. Кроме того, названные культуры обских угров второй половины I тыс. до н.э. объединяет своеобразное сплошное плоскостное бронзовое культовое литье (14, табл. VI, XV, XVI, XVIII, XXI-XXIII, XXIV, 1-3, 9), несвойственное саргатской культуре лесостепи и отличное от ажурного культового литья кулайской культуры Среднего Приобья (15, с.6, 7; табл. I-III; 17, рис. 15-18), принадлежавшей прасамодийцам.

Дифференциация угорской этнокультурной общности к середине I тыс. до н.э. привела в это время к разграничению, но не к полному территориальному обособлению обских угров от протомадьяр, занявших лесостепь от Иртыша до Урала (18). Они жили в непос-

редственном соседстве в северной части лесостепи и у южной кромки лесной полосы. Однако, несмотря на происходившие при этом контакты, процесс дифференциации углублялся, что констатируется консолидацией этноса саргатской культуры к III-II вв. до н.э., прослеживаемой в стабилизации и нивелировке ее признаков в различных частях ареала. В то же время определенная стабилизация культур в третьей четверти I тыс. до н.э. происходила в лесной полосе. Существенную роль в углублении процессов дифференциации сыграли различия культурно-хозяйственных типов, сложившихся у протомадьяр и обских угров, которые продолжали развиваться в связи с нарастанием элементов кочевничества в лесостепи, происходившие более интенсивно в южной ее части, где сложилось кочевое хозяйство, и замедленно на северной периферии лесостепи, где сохранялась оседлость с использованием отгонных пастбищ, расположенных на небольшом радиусе от мест постоянного проживания.

Территориальное обособление протомадьяр от обских угров произошло в основном во II-IV вв. н.э. в связи с событиями великого переселения народов, толчком к которому послужила миграция центрально-азиатских гуннов и передвижение их в Среднюю Азию и Казахстан. В это время прекращается существование саргатской культуры, очевидно, в связи с миграцией значительной части ее населения на запад в составе гуннской орды, гибели части его в проходивших при этом военных действиях, а также отступления небольшого количества населения в южно-таежную зону, где оно смешалось с лесным этносом, составив один из компонентов потчевашской культуры VI-IX вв. (19, с. 192-193). Кроме того, небольшая часть саргатского , протомадьярского этноса осталась проживать в местах своего прежнего обитания, преимущественно на севере лесостепи, где в последующее время смешивается с продвигавшимися в лесостепь группами таежного населения, принесшего керамику с гребенчато-фигурно-штамповой орнаментацией. Смешение лесного и лесостепного этносов в лесостепи положило начало формированию протокушнаренковского этноса, мигрировавшего в Южное Приуралье в последней трети VI в. в составе новой волны переселений угро-, ирано- и тюркоязычных народов, вызванной экспансией I Тюркского каганата. Миграцией протомадьяр-кушнаренковцев в Южное Приуралье завершается территориальное обособление мадьяр от обских угров, как это рисуется по археологическим источникам. В небольшой мере в Южном Приуралье контакты части протомадьяр-кушнаренковцев и обских угров сохраняются до VIII-IX вв. и осуществлялись с населением, оставившим памятники петрогромского и неволинского типов, а на

Южном Урале с населением бакальской культуры лесостепного Зауралья (20, с. 259; 21, с. 147; 22, с. 129-131). В то же время события великого переселения народов и миграции конца VI в. привели к прекращению непосредственных угроиранских контактов на территории Сибири, которые существовали с эпохи бронзы, и обусловили установление предположительно со II-IV вв. прямых тюрко-мадьярских, а с конца VI в. непосредственных тюрко-обско-угорских связей различного характера. К указанному времени относится начало восприятия многочисленных тюркских заимствований в угорских языках, тогда как иранизмы восходят в основном к эпохам бронзы и раннего железа. Отделившиеся от обских угров прамадьяры частично сохранили контакты с иранцами в степях Восточной Европы, в том числе с аланами (23, с. 142-147).

После распада угорского единства развитие этнокультурной общности обских угров шло в лесной полосе Урала, Зауралья, Нижнего и, отчасти, Среднего Обь-Иртышья и было в основном связано, как это указал В.Н.Чернецов, с послеусть-полуйской нижнеобской культурой, разделенной им на 4 этапа – ярсалинский, карымский, оронтурский и кинтусовский (24), которые на настоящем этапе могут быть идентифицированы с отдельными археологическими культурами, характеризующими этапы развития преимущественно одной этнической общности, аналогично периодизации культур Прикамья. Проникновение в Нижнее Приобье из Среднего Приобья самодийцев во II-I вв. до н.э. в лице носителей керамики саровского типа явилось эпизодом в этнокультурной истории этого региона (25, с. 181-183), который не изменил резко ход местного обско-угорского этногенеза, но привел к появлению в Нижнем Приобье небольшой группы самодийцев уже на рубеже н.э. Памятники ярсалинского этапа II-III вв. н.э. показывают смешение саровских и местных обско-угорских черт, характеризующихся распространением мелких фигурных штампов, кроме характерного для саровской посуды штампа «уточки», а последующий расцвет фигурно-штамповой орнаментации на карымском этапе IV-VI вв., отличной по виду штампов от керамики самодийцев Среднего Приобья, говорит о преобладании местных культурных особенностей и этническом отличии культуры карымского этапа, связываемой с обскими уграми, от самодийских культур этого времени в Томско-Нарымском и Верхнем Приобье и, отчасти, в Барабинской лесостепи. Фактически элементы так называемой «кулайской культурной общности», образовавшейся около рубежа н.э. в ходе миграции саровцев в Нижнее Приобье и фиксируемые главным образом по орнаментации керамики штампом «уточка» к середине I тысячелетия стираются в Нижнем Обь-Иртышье и Сургутском

Приобье в результате возобладания аборигенных элементов культуры и этноса. В целом о существовании «кулайской общности» в Приобье в первой половине I тыс. н.э. следует говорить весьма условно, и фактически она объединяла ряд культур Среднего и Верхнего Приобья – кулайскую на саровском этапе, фоминскую и сменившую ее одинцовскую в Верхнем Приобье, среднеиртышскую в Барабинской лесостепи до устья Оми, связанных с этногенезом самодийцев. Ее элементы, прослеживаемые в обско-угорском ареале Нижнего Обь-Иртышья, являются результатом воздействия культуры небольшого количества проникавших сюда самодийцев и, в известной мере, существования узора «уточки» в местной этнической среде со времени сузгунской культуры эпохи бронзы (26, табл. IV, 9). Обско-угорская этнокультурная общность, представленная во второй четверти – середине I тыс. главным образом памятниками карымского типа, в результате процессов внутреннего развития и взаимодействия с соседними этнокультурными образованиями распадается в начале второй половины I тыс. на ряд культур – оронтурскую в Нижнем Обь-Иртышье, Сургутском Приобье и северной части лесного Зауралья с выходом в северное и частью в Среднее Предуралье, потчевашскую – в Среднем Прииртышье и Приишимье, сопоставимые соответственно с формированием северной и южной групп протохантов, а приполярный вариант оронтурской также частично – с самодийцами, молчановскую – в лесном Зауралье, на Туре с Ницой и, отчасти, Тавде, проецируемую в дальнейшем на протоманси. Однако, процесс консолидации выделившихся протокультурных групп еще был не закончен. Так, в молчановской культуре сочетались восходящие к карымскому субстрату гребенчато-фигурно-штамповая орнаментация керамики, подобная оронтурской, а также – комплекс со шнуровым орнаментом, сопоставимый с более западными регионами, в том числе с Приуральем, давший культуре своеобразную окраску, ставшим преобладающим и обусловившим специфику ее генезиса, и комплекс с бомбовидными сосудами Переймииского могильника (24, табл. XIV), этнос которого на границе тайги и лесостепи был ассимилирован этносом с гребенчато-шнуровой керамикой, ставшим основным в сложившейся здесь к концу I тысячелетия юдинской культуре протоманси. Оформление и стабилизация юдинской культуры на рубеже I-II тысячелетий знаменовало углубление распада обско-угорской общности, начавшегося в середине I тысячелетия, и выделение предков манси (24, с. 180). Параллельно с этим сложившаяся на оронтурской основе кинтусовская культура связывается с выделением северной и, частично, восточной групп хантов в Нижнем Обь-Иртышье и Сургутском Приобье, а также на севере лесного

Зауралья. Сложным и многокомпонентным рисуется генезис южной группы хантов, консолидация которых соотносится с усть-ишимской культурой лесного Прииртышья (19, с. 193-194), сложившейся на рубеже I-II тысячелетий на основе потчевашской культуры при участии северного оронтурского компонента, который является общим для северных, южных и восточных хантов. Предшествовавшая потчевашская культура VI-IX вв. еще не представляла собой этнически монолитного образования, судя по сочетанию различных черт в облике керамики и погребального ритуала. В ней смешивались особенности среднеиртышской культуры, проявлявшиеся в сохранении орнаментации из рядов «уточки» на памятниках Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи, гребенчато-фигурно-штамповой орнаментации карымского компонента, более четко выраженные на памятниках Приишимья и Прииртышья, а также элементы, унаследованные от саргатской культуры, констатируемые наличием подкурганных захоронений, наряду с грунтовыми, северо-западной ориентировки погребенных, высоких пропорций части сосудов, в узоре которых, наряду с гребенкой, представлены горизонтальные каннелюры по шейке. К концу I тысячелетия облик культуры нивелируется, отражая слияние разнородных компонентов, вошедших в состав южной группы хантов. Отдельную угорскую группу составляло население бакальской культуры лесостепного Зауралья (19, с. 179-183), генетически связанное с саргатским этносом, которое в XII-XIV вв. было тюркизировано.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернецов В.Н.* Очерк этногенеза обских угров // КСИИМК. 1941. Вып. IX.

2. *Чернецов В.Н.* К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951.

3. *Чернецов В.Н.* К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угорско-самодийской) общности // Тезисы «Congressus internationalis fenno-ugristarum Budapestini Habitus», Budapest. 1963

4. *Чернецов В.Н.* Опыт выделения этнокультурных ареалов в северо-восточной Европе и Северной Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969.

5. *Sebestyen J.N.* Zur Frage des altes Wohngebietes der uralischen Völker // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1952, T.1, 2-4.

6. *Хайду П.* К этногенезу венгерского народа // Acta Linguistica. Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1953. Т. 2.

7. *Вереш П.* Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978.

8. *Вереш П.* Этнокультурное развитие древневенгерского этноса до появления на современной этнической территории // Проблемы этнографии и этнической антропологии. М.: Наука, 1978.

9. *Вереш П.* Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа // Уралоалтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск: Наука, 1985.

10. *Могильников В.А.* К этническому составу Омского Прииртышья в раннем железном веке // Археология Западной Сибири. Тезисы докл. обл. науч. конф. "История, краеведение и музееведение Западной Сибири". Омск. 1988.

11. *Данченко Е.М., Могильников В.А., Труфанов А.Я.* Богочанское городище и проблемы культурной стратификации лесного Прииртышья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // СА. 1991. №3.

12. *Мошинская В.И.* Археологические памятники Севера Западной Сибири. САИ. Вып. ДЗ-8. М.: Наука, 1965.

13. *Бельтикова Г.В.* Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. ВАУ. 1977. Вып. 14.

14. *Чернецов В.Н.* Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35.

15. *Мягков И.М.* Находки на горе Кулайке // Тр. Томского областного краеведческого музея. Томск, 1927. Т. I.

16. *Мягков И.М.* Древности Нарымского края (в собрании Томского краеведческого музея) // Тр. Томского краеведческого музея. Томск, 1929. Т. II.

17. *Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: изд-во ТГУ, 1984.

18. *Могильников В.А.* К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.

19. *Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987.

20. *Потемкина Т.М.* Большое Бакальское городище // АЭБ. Уфа, 1964. Т. II.

21. *Овчинникова Б.Б.* Старо-Лыбаевское поселение // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. ВАУ. Вып. 19. Свердловск, 1988.

22. *Боталов С.Г.* Культурно-хронологическая принадлежность Синеглазовских курганов // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.

23. *Йоки А.Й.* Уральцы и индоевропейцы. Древнейшие связи между уральскими и индоевропейскими языками // Проблемы финно-угроведения. Материалы к IV Международному конгрессу финно-

угроведов. Будапешт, 1975.

24. *Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры //МИА, 1957, № 58.

25. *Могильников В.А.* К этнокультурной характеристике Западной Сибири в эпоху раннего железа // Из истории Сибири. Томск: изд-во ТГУ, 1973. Вып. 7.

26. *Мошинская В.И.* Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1957. № 58.

V.A. Mogilnikov

ON THE PROBLEM OF GENESIS OF THE UGRIAN ETHNOCULTURAL COMMUNITY IN THE I MILLENNIUM B.C. AND IN THE I MILLENNIUM A.D.

The problems of genesis of the Ugrian nations including the Hungarians, Mansis and Khantys are disputable. Among the researchers there is no unanimity of opinions on the exact location of their original homeland, the ways of their migration, the chronology of some periods of their ancient history. The main problems of the Ugrian ethnogenesis were raised and partially solved in the works of V.N. Chernetsova, I.N. Sebestyén, P.Hajdu, P.Veres and other scientists. The new results of research obtained in recent years make it possible to give a new interpretation of some questions and to make them more exact.

In the I millennium B.C. and early in the I millennium A.D. the Ob-Ugrian ethnocultural community was being formed. This community is now represented by the relics of the Karym type dating back to the second quarter and the middle of the I millennium A.D. Early in the second half of the I millennium A.D. as the result of its inner development and close cooperation with neighbour ethnocultural formations this community disintegrated into some cultures: the Orontur culture occupying the lower Ob-Irtysh area, the Surgut Ob area, the northern part of the foresty Transural area, the nortern and partially the middle parts of the Ural territory; the Potchevash culture occupying the middle Irtysh and Ishim areas. The formation of these two cultures may be compared correspondingly with the formation of the northern and southern groups of the protokhantys, the arctic variant of the Orontur culture is comparable with the Samoyedic one. In the foresty Transural area, on the territory near the Tur and Nitsa rivers and partly near the Tavda river the Molchanovo culture — protomansis — was formed.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1

Сообщения

Ананий Иванов
Йошкар-Ола

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОСЛОВНОГО МЕНТАЛИТЕТА МАРИЙЦЕВ
(вторая половина XVIII в.)

При изучении этнической истории того или иного народа большой интерес представляет формирование сословного менталитета. В эпоху феодализма финно-угорские народности Поволжья и Приуралья почти в полном своем составе относились к категории государственных крестьян. По вопросу формирования их сословного менталитета, в том числе марийцев, ценные сведения содержат документальные материалы второй половины XVIII века, исходившие непосредственно от самих крестьян. Среди разнообразного круга источников наиболее важными являются наказы выборным депутатам в Уложенную комиссию 1767-1768 гг., поданные марийцами Казанского, Уржумского, Кокшайского, Царевококшайского, Козьмодемьянского, Царевосанчурского, Яранского, Кунгурского, Уфимского уездов, где выражалось мнение более чем 100-тысячного марийского населения Поволжья и Приуралья. Эти сведения в значительной мере дополняют многочисленные крестьянские прошения в местные и центральные органы власти и управления, вплоть до Сената и Синода, а также наблюдения современников, участников академических экспедиций и различных анкет.

Содержание этих источников позволяет сказать, что во второй половине XVIII века марийцы ясно осознавали свою принадлежность к определенной сословно-этнической группе в общей массе крестьянского населения страны. В подаваемых ими многочисленных "сказках", прошениях, показаниях и наказах марийские крестьяне зафиксированы как "ясашныя черемиса", " ясашные ис черемис новокрещены", "новокрещены ис черемис", "старокрещены ис черемис", "государственныя ясашныя черемиса", а в некоторых уездах — "чере-

миский народ" (1). При этом сами себя они не называли "черемисой" и свою этническую принадлежность обозначали словом "мари", что в переводе значило "мужчина", "человек" (2, л. 375 об.; 3, с. 31).

При всей пестроте вышеприведенных словосочетаний, употреблявшихся во второй половине XVIII века, марийские крестьяне традиционно продолжали считать себя "ясашными" людьми, хотя еще в 1724 г. были переведены с ясачного обложения в подушную подать. Такое устойчивое представление марийцев относительно своей сословной принадлежности во многом объяснялось многовековым опытом "ясашного" историко-культурного развития и социального общения, отразившегося в родном языке, традиционной языческой религии и воспитании.

В этой связи не случайно новокрещеные марийцы Казанского уезда, где в то время проживала почти половина марийского населения, в своем наказе в Уложенную комиссию еще раз подчеркнули: "Нас, ясашных черемис, дворянам и под заводы из наших братьев по случаю ея императорского величества их в услугах награждения рангами в крестьянство не отдавать" (4, с. 391).

В условиях усиления крепостничества в стране это требование было очень важным и своевременным, т.к. в случае изменения привычного сословного статуса и передачи марийских крестьян в частные руки русских дворян и заводовладельцев это привело бы к резкому ухудшению их социального положения и нарушению традиционного ясачно-языческого мировосприятия в целом и потере самобытности. По мнению марийских крестьян, царская власть должна была выступать в качестве гаранта неизменности их сословной принадлежности и иллюзорно считалась "доброй", неизменно заботившейся о них в противовес притязаниям и произволу "плохих" воевод, чиновников, дворян, купцов, священников, заводовладельцев, коштанов и т.п. Такое понимание сущности власти царя — "кугижа", по всей видимости в известной степени опиралось на предшествовавшую законодательную практику применительно к ясачной деревне XVI-XVII вв., когда царская власть на местах строго предписывала воеводам не чинить "ясачной черемисе" напрасных "налогов и насильства и обид", не продавать их в частное владение русских светских и духовных феодалов (5, с. 284-301; 6, с. 315-389).

В системе представлений марийцев царской власти отводилось важное место в обеспечении устойчивого развития крестьянского хозяйства. В этой связи они предлагали воздерживаться от чрезмерного увеличения казенных податей и повинностей. Во всех марийских наказах в Уложенную комиссию высказывалась мысль о том, что основной причиной тяжелого положения крестьян являлся резкий

рост подушных платежей, несправедливый механизм взимания денежной подати, когда "с великою нуждою" приходилось платить не только за трудоспособных подростков и мужчин, но и за тех, "из которых имеются старые, дряхлые, увечные, малолетние и безумные, кои не только не могут платить в казну положенной оклад, но и пропитать себя, кроме мирского подаяния". А таких неплатежеспособных было немало, не считая "умершие души" и отданных в рекруты (4, с. 365-443).

Одновременно социальный опыт общения марийских крестьян с конкретными представителями царской администрации на местах сформировал у них резко негативное и недоверчивое отношение к чиновникам всех уровней, равно как священникам и купцам.

В крестьянских челобитных и наказах, помимо требований прекращения произвола и беззакония воевод и приказных служителей с отрешением их от занимаемых должностей, в 1761 г. впервые был поставлен вопрос о необходимости вывести марийских крестьян из-под ведения чиновников уездной, провинциальной и губернской канцелярий. Так, марийские и чувашские крестьяне Козьмодемьянского уезда потребовали по всем делам, кроме уголовных, "быть под особливым ведомством" Главной команды защищения новокрещеных при Сенате под управлением и властью назначаемых им штаб- и обер-офицеров, выборных из числа новокрещен бурмистров и сотников по типу "как дворцовые волости состоят" (7, л. 359-370). В то же время нельзя не заметить, что по данным других крестьянских прошений, офицеры Команды защищения новокрещеных, бурмистры, сотники в своих действиях в 40-60 гг. XVIII в. мало чем отличались от гражданских и воинских чинов местной администрации.

Реальной же защитницей своих интересов марийские крестьяне считали свою сельскую общину. Традиционно сельская община марийцев с агрикультурной стороны представляла собой земледельческий союз соседей и сородичей по владению мирской землей — пашней, сенокосами, лесными и иными угодьями, а также пользованию наделами. Обычно каждая марийская община владела своей землей на основе различных документов второй половины XVI-XVII вв. Эти поземельные документы бережно хранились "в разных руках у старожилов" и передавались из поколения в поколение. При земельных и других спорах с другой общиной и землевладельцами (дворяне, монастыри, чиновники, купцы, священники) вся община выступала "за один" за свои мирские интересы. Для решения насущных важных дел все взрослое мужское население собиралось на общинные сходы. В числе важнейших здесь регулировался вопрос о хозяйственном использовании земли. Опираясь на вековые обычаи, мирской

ход определял размеры пашни и сенокосов для каждого дворохозяина, раскладывал "по справедливости" казенные подати и повинности. В связи с заменой в 1724 году ясака на подушную подать, земля в марийских общинах стала делиться по ревизским мужеским душам. Свой надел получало каждое мужское лицо, достигшее 9-10-летнего возраста. При разделах каждый дворохозяин наделялся полосками земли в каждом из полей, что было вполне естественным при существовавшем трехпольном севообороте. Во внимание принималось качество плодородия почвы и удаленность мирских полей от селений. Раздел производили по жребию. Иногда отдельные хозяйства прибегали к внеподельному землепользованию и оброчной аренде участков пахотной земли и сенокосов. Собственные дворовые участки и "конопляники" оставались в личном, потомственном владении каждой крестьянской семьи (8, л. 1-31; 9, с. 126-190; 10, с. 261).

Одновременно этот своеобразный земледельческий союз, связанный круговой порукой, обязан был платить подушные и оброчные деньги в казну, своевременно выполнять многочисленные натуральные и рекрутские повинности. Однако чрезмерно усилившееся во второй половине XVIII века стремление абсолютистской власти к регламентации всех сторон жизни и безудержные лихоимства чиновничества, жестокие преследования духовенством традиционных народных языческих обрядов и верований, разорительный обман купечества и другие негативные факторы вынудили марийских крестьян предложить ряд мер, призванных, по их мнению, укрепить позиции общины и выборных мирских властей. На основе норм обычного права , в частности марийцы Казанской провинции, в 1767 году предложили в каждой общине по выбору крестьян избрать "по одному достойному и закона знающему сотнику". После приведения к присяге должно его наделить судебными полномочиями. "По своему закону словесным судом" дать ему право рассматривать небольшие крестьянские дела: исковые заявления на сумму не свыше 30 рублей, спорные и другие вопросы, кроме "татебных". При этом сотник обязан "судить самою истинною справедливостию". В тех условиях передача этих судебных функций в руки выборного крестьянской общины означала бы, что из-под контроля чиновников "присутственных мест" была бы изъята важнейшая часть системы незаконных поборов. Как отмечали крестьяне, любое мало-мальски крестьянское прошение по существовавшим нормам рассматривал суд, производимый "по форме", что весьма было разорительно для них. Особо оговаривалось, что нахождение сотника-судьи на своей должности должно целиком зависеть от воли "все тех мирских людей". Неугодного "народу" сотника предлагалось сместить, а на его место выбрать более компетентного и

порядочного человека. "Вторичным выбором" на своей должности оставить лишь такого сотника, за которого высказалась вся община или больше ее половины. Нарушение сотником своих функций должно караться на основе норм обычного права. Эти же нормы обычного права должны регулировать отношения между сотниками различных сельских общин. На основе вышеизложенного, марийские крестьяне ставили вопрос о том, чтобы выборному мирскому сотнику дать право принимать явочные прошения и изветы, которые являлись прерогативой чиновников. Казанской губернской канцелярии предлагалось снабдить всех сотников печатями для проставления штампов при выдаче ими четырехмесячных временных паспортов крестьянам, уходившим на отхожие промыслы на заработки. Каждому сотнику следовало бы дать по специальной зашнурованной книге для записи денежных поступлений с мелких крестьянских дел и прошений. А собранные деньги в конце года направлять в губернскую канцелярию. Это мотивировалось и тем, что "за дальностию, а особливо в летнее страдовое время" многие крестьянские прошения не подаются в губернскую канцелярию, из-за чего "приключается интересу ея императорского величества ущерб". (4, с. 389-390).

Кроме сотника, в наказе предлагались еще две выборные крестьянские должности. Один из них, лесной смотритель должен был выбираться "для смотрения и бережения всякого звания заповедных лесов". Его следовало наделить правами вальдмейстера адмиралтейской конторы. Тем самым общины избавились бы от систематических поборов чиновников лесного ведомства и вопросы лесопользования в значительной мере оказались бы под контролем выборного "мирских людей". Другой выборный крестьянин должен был следить за тем, чтобы проезжавшие воинские и гражданские чины не смели бы брать подводы и лошадей без уплаты прогонных денег, нагружать крестьянские подводы почтовым и другим грузом не свыше 15-20 пудов со "всеми вещами, людьми и телегою". Важным было предложение о переносе подорожных подводных повинностей, выполняемых летом, на один зимний срок, как и повышение оплаты за несение этой повинности.

В целях уменьшения размеров подушной суммы, падавшей на каждую общину, крестьяне настаивали на исключении из числа плательщиков всех нетрудоспособных и "умершие души". Вместо них следовало бы записывать мальчиков, достигших 10-летнего возраста. Отданных в рекруты предлагалось исключить из ревизских сказок и из подушного оклада. Бездействовавшие "пустовые" мельницы предлагалось "выключить" из оброчных платежей общин.

Марийские крестьяне особо оговаривали, что во взаимо-

отношениях общин и чиновников царской администрации следует четко очертить компетенции присутственных мест. В их ведении оставить "татебные" тайные и другие дела. В случае пропажи крестьянского имущества и скота, хотя бы на сумму до 4-х рублей, чиновники по предложению общин должны были сослать их на каторгу в зачет рекрута. При рассмотрении "больших исковых дел" в присутственных местах между самими общинниками или марийцев с русскими людьми "разных чинов" и крестьянами, следовало бы, как отмечалось в наказе, не проводить суда "по форме", так как от этого "разоряемся накрепко". Лучше провести краткое следствие по доношениям "со взятием указных пошлин, что с челобитен взять указано". Предусмотреть, чтобы в ходе судебного разбирательства "в силу указа 194 (1685/86) года" расходы и убытки с марийских крестьян не взимать (4, с. 391).

Выдвигалось требование о расширении прав свободы передвижения. Марийские крестьяне настаивали на том, чтобы им разрешили "беззапретно" переселяться в "разные губернии и в башкирские жительства". Это мотивировалось тем, что "оные башкирцы ныне состоят в верноподданстве ея императорского величества". К тому же на башкирских землях в это время проживало немало марийцев, переселившихся туда на протяжении длительного времени. Особенно их много переселилось из Казанского и Уржумского уездов в первой четверти XVIII века.

В наказе марийцев Казанского уезда привлекают внимание и пункты, где защищаются интересы и права лишь незначительной зажиточной части марийской общины. "Лутчие люди" настаивали на том, чтобы даже незначительные денежные долги своих сородичей "по черемиским за рукою должников письмам" взыскивать через чиновников присутственных мест. Здесь их интересы приходили в явное противоречие с интересами основной массы рядовых общинников, стремившихся по возможности все спорные дела улаживать внутри общины. Скупщики-марийцы требовали своевременной уплаты денег торговцами и другими людьми за поставку им "вещей для продажи или в домашние потребы". Зажиточные настаивали на том, чтобы запретить уход кабального наемного работника от своего хозяина. Предлагалось разрешить уходить работнику лишь тогда, когда "согласен будет хозяин его". Нарекания "у добрых людей" вызывали действия дворян, отпускавших "нарочным образом" наниматься на работу в новокрещенских жительствах своих крепостных крестьян. Нередко через своих приказчиков помещики насильно взыскивали несравненно бо́льшую сумму денег, нежели это оговаривалось в условиях найма между зажиточным марийцем и крепостным крестья-

нином. Беспокойство вызывали и беглые крепостные, нанимавшиеся на работу. В случае розыска и возврата владельцу, за них необходимо было внести прожиточные подушные деньги. Эти обстоятельства повлияли на то, что в наказе появилось требование: "дабы не причинилось нам... раззорение", пойманных беглых крестьян "отдавать в зачет в рекрут" или отправлять на каторгу. А дворянам предлагалось "положить какой бы ни есть на наружном члене явный знак, чем нам признать их было можно". Как видно, часть зажиточных марийских крестьян была не прочь использовать в своем хозяйстве и труд "неведомых" людей, даже из числа крепостных. Однако меры "безопасности", предлагаемые по сохранению своего имущества, были типичными для своего времени.

Особо следует обратить внимание на вопрос, затрагивавший отношения между представителями разных конфессиональных групп внутри самой марийской общины. Несмотря на то, что указ 11 сентября 1740 года о массовом крещении нерусских народов запрещал найм новокрещеных к "иноверцам" в качестве работников, составители рассматриваемого наказа рашились на то, чтобы предложить разрешить новокрещеным марийцам быть "в наймех" у их зажиточных сородичей, придерживавшихся языческих верований. Мотивирвалось это тем, что деревенские богатеи "новокрещены" нанимают "на собственные свои нужды из иноверцов", заводовладельцы и "протчие крестьяне имеют у себя работников". Подчеркивалось также, что часть марийских крестьян в поисках средств для уплаты подушных денег нанималась на заводы, зачастую отстоявшие на несколько сот верст. Из-за этого срывались своевременные подушные платежи. Как отмечали составители наказа, была бы "большая польза" крестьянской общине и казне от зажиточных "иноверцев", если бы разрешили новокрещеным сородичам наниматься к ним для выполнения поденных полевых и других видов работ. Тем более, что некрещеные марийцы проявляли веротерпимость к представителям различных этноконфессиональных групп и "греческому закону противности не чинят" (4, с. 391-392).

Вместе с тем, нельзя не заметить то, что в рассматриваемое время подвергнувшиеся массовому принудительному крещению марийцы стойко продолжали придерживаться традиционных языческих обрядов и верований, являвшихся неразрывной составной частью народной крестьянской культуры, обусловившей во многом формирование их основных представлений и миропознания в целом. Из поколения в поколение в крестьянских семьях и общинах передавались умения возделывать землю, содержать скот, ловить рыбу, охотиться на зверей, изготовлять орудия труда, различную утварь, посуду, одежду, обувь, строить жилища, готовить пищу и многое другое. Но главным среди

них было умение заниматься хлебопашеством. Неслучайно в этой связи марийцы Царевосанчурского уезда в 1767 г. выразили ясное понимание того, что "ныне, так и в будущее время" нужно проявлять всемерную заботу "о размножении хлебопашества", являвшегося "наиглавнейшей надобностью рода человеческого и важнейшим средством к поправлению государственных податей" (4, с. 441-442).

Традиционная народная языческая религия наложила глубокий отпечаток на менталитет марийских крестьян. На семейных, общинных и более крупных "земляческих молениях, охватывавших более 20-30 селений, марийские язычники просили своего верховного бога — "Куго Юмо" и другие божества дать счастья, здоровья, урожая, плодородия, ума и богатства и защитить их от "всякого зла", " от "худых людей, от злой болезни, от глупых людей, от судьи худаго и от вздорного человека", помочь своевременно казенные "подати заплатить" (10, с. 234, 442-449, 462-466, 479-492).

Формирование основных представлений об окружавшей природе, обществе и человеке было бы невозможным без устоявшихся понятий и терминов родного языка, сохранившего богатейший опыт предшествовавшего исторического и культурного развития. Так, в первой марийской грамматике 1775 г. приведены важные, на наш взгляд, имена прилагательные, применявшиеся при характеристике человека: эрекан 'свободный', патыр 'сильный', сай 'хороший', пиялан 'счастливый',сулукан 'грешный', а также глаголы, характеризовавшие его мысли и поступки: шонем 'думаю', полшем 'помогаю', утарем 'избавляю, освобождаю', инянем 'верю' и т.д. (11, с. 44-48, 124-131).

Как и у других сословных групп, у государственных марийских крестьян основные понятия, представления и нормы поведения прививались молодому поколению через родительское и общинное воспитание. "На словах от старейших" молодые перенимали такие извечные истины, как "не бранитца, не красть, с суседом не ссоритца, на друга не мутить" и не распутничать (2, л. 379 об.). Вероятно, результатом такого воспитания было то, что многие марийцы "между собой весьма дружелюбны и от вредных раздоров всегда уклоняются, богов своих и дни праздничные почитают с великим благоговением и то, что запрещает вера и обычай, редко преступают". По свидетельству одного из современников второй половины XVIII века, "лучшим" из основных "черемиских размышлений"-представлений является необходимость в почитании и сохранении в "памяти" своих родителей, неукоснительного соблюдения их образа жизни — "ибо уподобляться своим предкам, сохранять их непорочные нравы похвально и для других народов" (12, с. 93-94).

Таким образом, одним из важнейших представлений "ясашных"

марийцев было то, что в системе "государственного феодализма" они осознавали себя лично свободными, имевшими заметное сословное и правовое отличие от помещичьих, монастырских и дворцовых крестьян, находившихся в крепостной зависимости от своих владельцев. Предшествовавший опыт историко-культурного развития, традиционное общинное устройство, стойкая приверженность языческой религии и языку своих предков и нормам народной педагогики, решающим образом повлияли на их предложениях к царской власти о неизменности своей сословной принадлежности к категории государственных крестьян в период усиления крепостничества в стране во второй половине XVIII века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 350, оп. 1, д. 140, 191; оп. 2, д. 1436, 3722, 3995, 4212; ф. 342, оп. 1, д. 109, ч. XI, л. 237, 242, ЦГА Республики Марий Эл, ф. 15, оп. 1, д. 4,8; ф. 165, оп. 1, д. 444, л. 19-21.

2. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПб. ф. РАН), ф. 21, оп. 5, д. 149.

3. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш, вотяков. СПб., 1791.

4. Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 115. СПб., 1903.

5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. III СПб., 1830.

6. *Димитриев В.Д.* "Царские" наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары, 1974.

7. РГАДА, ф. 248, оп. 4, кн. 185, д.1.

8. РГАДА, ф. 1312, оп. 2, ч. 1, д. 1230.

9. *Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978.

10. История Марийского края в документах и материалах. Вып. 1. Эпоха феодализма. Сост. Г.Н.Айплатов, А.Г.Иванов. Йошкар-Ола, 1992.

11. Сочинения, принадлежащия до черемисския грамматики. СПб., 1775.

12. *Рычков Н.П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770.

A. G. Ivanov

ON CLASS MENTALITY OF THE MARIS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Various documentary materials dealing with the life of the Mari peasants in the second half of the 18th century testify to their class mentality. One of the most important things is that within the system of the "state feudalism" the "yasak" Maris considered themselves to be free peasants having considerable class and legal distinctions from landlord, monastic and court peasants who were in serf dependence on their owners. The preceding experience of the historical and cultural development, the traditional communal order of the Maris, their steady adherence to the ancestor language, paganism and natural education provided by social environment — all these made a profound influence on their appeal to the tsar on not changing their class affiliation to the state peasantry category during the period of severe serfdom in the second half of the 18th century.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Ильдико Лехтинен, Тамара Молотова
Хельсинки *Йошкар-Ола*

МАРИЙСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ФИНЛЯНДИИ

Многие финские ученые посвятили свои исследования языку, фольклору, быту, искусству родственных финно-угорских народов. Немало работ посвящено и культуре марийского народа. Значительным вкладом в этой области являются исследования А.Хейкеля, У.Сирелиуса, супругов Вихман, И.Маннинена, У. Холмберга и других. В Национальном музее Финляндии собраны коллекции по культуре всех народов, входящих в финно-угорскую языковую семью.

В фондах Национального музея и Финно-Угорского общества в Финляндии собрано значительное количество материалов о традиционной культуре марийцев в виде вещественных экспонатов, фотографий, зарисовок, записей, представляющих материальную и духовную культуру народа. В этой работе впервые дается краткая характеристика марийских коллекций, хранящихся в Национальном музее Финляндии. Необходимо отметить, что в коллекциях Национального музея наиболее богато представлен марийский народный костюм, особенно женский.

Интерес к родственным народам у финнов возник давно. Еще со времен финского просветителя историка и этнографа Хенрика Габриэля Портана (1739-1804) заинтересовались ученые культурой родственных финно-угорских народов. Так, в 1828-1829 годах Антти Юхан Шегрен (1794-1855), известный филолог и этнограф, швед по происхождению, академик Петербургской Академии наук осуществил свою поездку в Коми край. На обратном пути его маршрут пролегал через Марийский край: по Уржумскому уезду и по берегам Волги. Как ученый-лингвист, он отметил в своих записях, что марийские женщины не говорят по-русски, к тому же они застенчивы, хотя мужчины-марийцы достаточно хорошо владеют русским языком. Шегрен

выделил красивые и богато украшенные костюмы мариек, подчеркнув локальные особенности в одежде различных этнических групп народа. Он был восхищен природой Марийского края и многочисленными священными рощами (1). Это впоследствии отмечали другие финские исследователи, что стало своеобразным стереотипом марийской культуры в их путевых заметках.

Первая коллекция марийских вещей была собрана Аугустом Алквистом (1826-1889) в 1856 году в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии. В коллекции (№240) представлено девять экспонатов по народному костюму горных марийцев: зеленый женский свадебный кафтан, поясные подвески, наплечные нашивки к женской рубахе, женский головной убор ("ошпу"), суконный свадебный головной убор и др.

Женский свадебный кафтан горных марийцев.
Коллекция А.Алквиста 1856 г. № 240 (1). Национальный музей Финляндии.
Фото Т.Сурайнен.

Уникальным экспонатом этой коллекции является свадебный зеленый кафтан (sibin): Кафтан сшит из тонкого фабричного зеленого сукна. Края кафтана украшены кумачом и черной бархатной тесьмой. Кафтан длинный, рукава тоже очень длинные. Возможно, рукава этой верхней одежды подворачивались. Ворот кафтана, шалевый на груди,

заканчивается на спине откидным четырехугольником. Ворот украшен кумачом, черной бархатной лентой, тонкими шелковыми ленточками и золотым позументом. Кафтан застегивается на две металлические пуговицы, которые расположены на талии у конца ворота. Подол кафтана расклешен, сзади от талии расходятся фалды, которые заложены в плиссе. Складки на фалдах держатся за счет ниток, которые пришиты в разных местах поперек плиссе.

Интересными в этом собрании являются и поясные подвески прямоугольной формы (komdašti) размером 45 х 10 см. Выполнены подвески на плотной холщовой ткани. Орнамент на ней вышит шелковыми красными, черными, желтыми и зелеными нитками. Узор подвески и ее края украшены тонкими разноцветными шелковыми фабричными ленточками.

Экспонаты, собранные А.Алквистом, уникальны, поскольку большинство из них вышло из употребления в конце XIX — начале XX веков (зеленый свадебный кафтан, поясные подвески, женский головной убор ("ошпу"). Аналогичные формы народного костюма горных мариек, такие как кафтан, подвески, украшения, шапки хранятся только в коллекциях музеев России — Российском музее этнографии и Музее антропологии и этнографии Российской Академии Наук.

Одной из богатейших (№2396) по марийскому народному костюму является коллекция Акселя Олави Хейкеля (1851-1924), датируемая 1884-1885 гг. Она собрана у марийцев в трех различных губерниях. Всего в этом собрании 557 предметов. Большинство предметов коллекции — образцы вышивки женской и мужской одежды марийцев — рубах, кафтанов, передников, головных уборов, поясных подвесок, бытовых предметов различных этнических групп народа. А.Хейкель путешествовал по Марийскому краю вместе с художником Агатоном Рейнгольмом (1857-1887), который делал различные зарисовки. Акварели этого художника с изображением марийцев трех этногрупп в народных костюмах А.Хейкель использовал в своей монографии о марийской вышивке. Собранный полевой материал, образцы вышивки, зарисовки орнаментов и послужили источником этого исследования (2). Во время своей экспедиции он побывал во многих марийских населенных пунктах. Так, например, большинство вышитых изделий горных марийцев было приобретено в деревне Пертнуры Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Много экспонатов А.Хейкель собрал и среди луговых марийцев, в частности в деревне Старый Торъял Уржумского уезда Вятской губернии. Однако большинство экспонатов этой коллекции представляют фрагменты различных частей одежды с вышивкой, а не целый вид той или иной одежды. Вероятно,

исследователь для удобства транспортировки экспонатов вырезал вышивку на одежде в области груди, шеи, рукавов, подола и т.д. Возможно, это было сделано из-за того, что А. Хейкеля интересовала главным образом вышивка марийского народного костюма. В его собрание входят также обрядовые формы одежды: старинные свадебные покрывала, поясные подвески, платки.

Во время этой экспедиции А.Хейкель приобрел для музея и традиционные женские украшения. Интересными среди них являются серьги из металлической проволоки в виде когтей (№№ 106, 107). Уникальны в этом собрании украшения как горных, так и луговых марийцев. Например, в состав коллекции входит нагрудное прямоугольное украшение (šerkämä, №104), представляющее двухслойную кожаную основу размером 20 см х 40 см с семью рядами разноцветного бисера по краям украшения, в центре которого пришито 11 рядов мелких монет-нухраток. В нижней части украшения пришиты раковины-каури. Украшение прикреплялось к одежде при помощи металлической застежки в виде круглой сюльгамы. Исследователь приобрел среди горных марийцев несколько простых металлических нагрудных фибул-застежек (šerkämä). По коллекционной описи все они относятся к деревне Пертнуры. Нагрудные фибулы имеют различную форму и украшены разнообразными узорами на металлической поверхности украшений (формы — трапециевидные и овальные, орнаменты — растительные, геометрические).

Несомненным достоинством коллекции А.Хейкеля является большое количество образцов с горномарийской вышивкой. По этим образцам можно сделать вывод, что орнаментальное искусство этой этнической группы имеет свои особенности. В частности, у горных мари в XIX веке был очень распространен в орнаменте обрядовой одежды мотив розетки. Розетки с геометрическими и растительными мотивами вышиты на поясных подвесках треугольной и прямоугольной формы. Вышивка на поясных подвесках выполнена на красной или темно-синей ткани, окрашенной в домашних условиях.

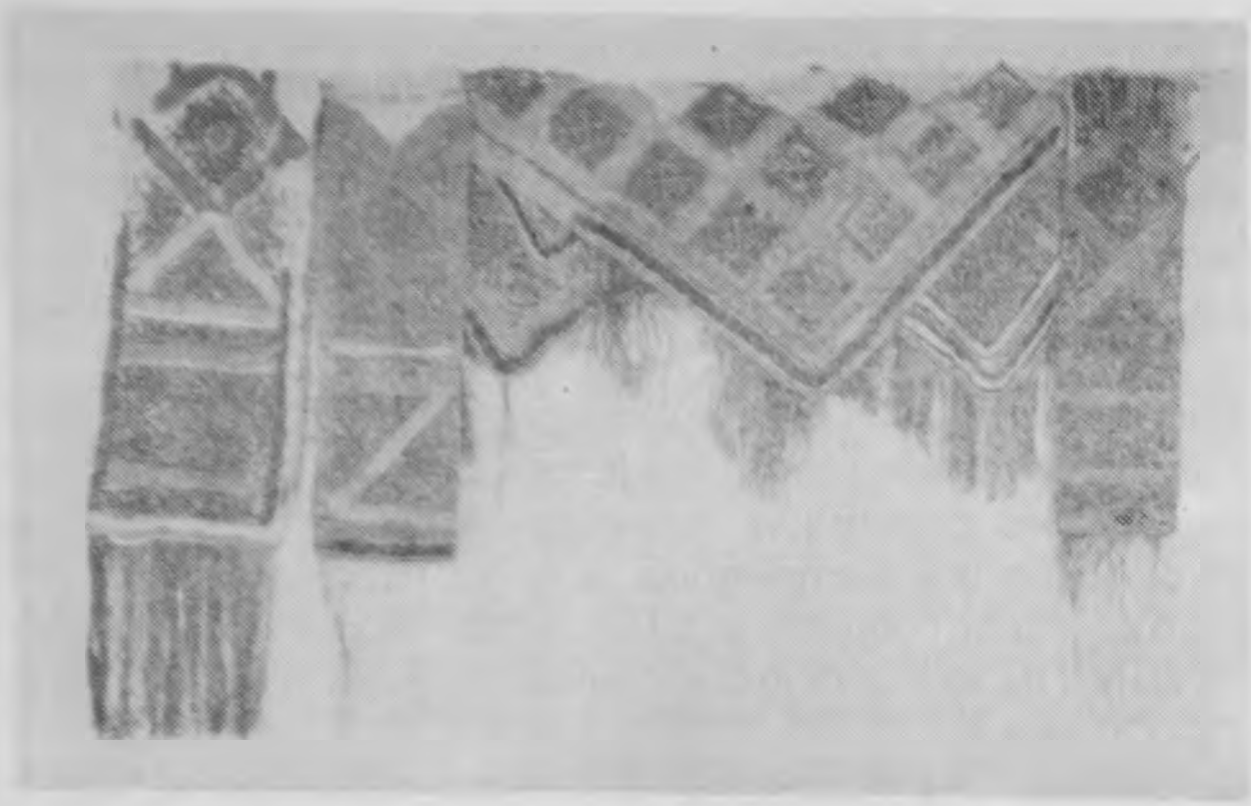
В коллекции А.Хейкеля насчитывается около 100 горномарийских начелышей "нашмак" (составная часть женского головного убора "шарпан"). Видимо, нашмаки в XIX веке орнаментировались главным образом на кумаче, а не на черной основе, которая была характерна для XX века. На ранних экземплярах нашмаков в орнаменте вышиты реалистические изображения животных и птиц. Так, например, один из нашмаков (№212), относящихся к старинным, выполнен на окрашенном в красный цвет холсте. На красном фоне вышиты реалистические изображения уток черными, зелеными и желтыми шелковыми нитками. Необходимо отметить, что старинная горномарийская

вышивка выполнялась черными, желтыми, зелеными нитками преимущественно на красном фоне. На белом холщовом фоне вышивка выполнялась кирпично-красными шелковыми нитками. Горномарийский орнамент на изделиях XIX века был значительно крупнее и рельефней. Характерно и то, что вышивка дополнительно орнаментировалась тонкими разноцветными шелковыми фабричными ленточками.

Экспонаты этой большой коллекции (№№ 538-544) с фрагментами нагрудной вышивки горномарийских женских рубах показывают, что грудной разрез старинной горномарийской рубахи был смещен вправо, то есть был асимметричным, а не центральным. Эти образцы вышивки также были собраны в д.Пертнуры. Вероятно, центральный нагрудный вырез на женской рубахе горных мариек появился на рубеже конца XIX-XX веков.

Характерным для коллекции А.Хейкеля является то, что этнограф собрал наиболее архаичные фрагменты вышивки одежды луговых марийцев. На этих образцах очень богатая вышивка в области груди и сердца. В области сердца вышивались сложные розетки, геометрические фигуры. Известно, что наиболее важные человеческие органы должны были предохраняться своеобразными оберегами на одежде. Например, на фрагменте женской нагрудной вышивки (№ 315) из д.Старый Торъял в области сердца вышиты две одинаковые розетки. В собрание А.Хейкеля вошло много образцов вышивок мужских рубах. Эта вышивка по характеру орнаментальных мотивов отличается от таковой на женских рубахах. Существовали и другие специфические особенности, в частности, специальная орнаментация вокруг нагрудной вышивки ("пондаш тӱр"), в средней части подола рубахи ("ӧрма"), обозначавших половой признак. На мужской рубахе отличалась и наспинная вышивка. Это ярко видно на фрагментах вышивки мужских рубах луговых марийцев (№№ 304, 587). На мужских рубахах встречается также специальная орнаментация в области сердца или у шеи, игравшая, вероятно, роль оберегов или это были специальные половозрастные или социальные знаки.

В этом собрании богато представлены горномарийские женские набедренные подвески (37 экспонатов). Форма этих подвесок в основном прямоугольная, но размеры варьируются. На холщовую или кожаную основу нашивался окрашенный в красный цвет холст, на котором вышивался орнамент черными, желтыми, зелеными шерстяными нитками. Вышивка орнаментировалась разноцветными тонкими ленточками, снизками бисера, позументом, бахромой и мелкими монетами в виде нухраток, а также раковинами-каури.

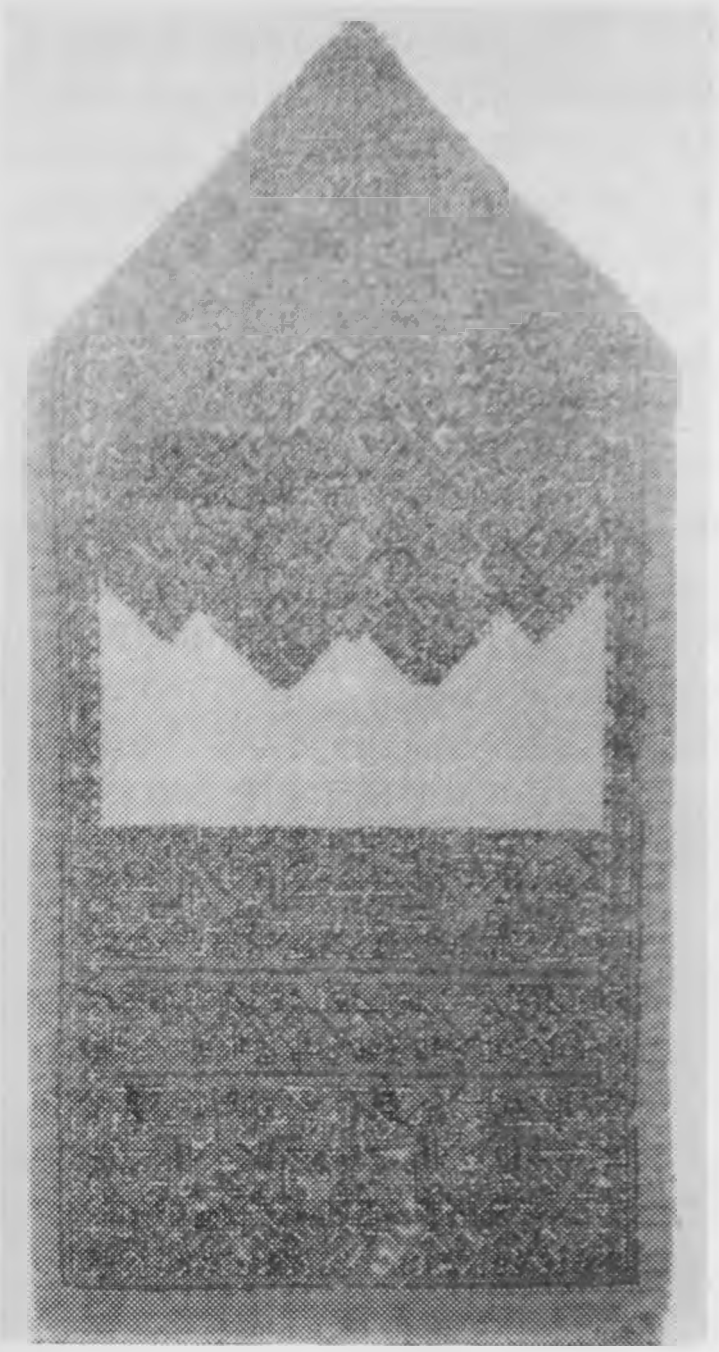
Женские поясные подвески горных марийцев.
Коллекция 1856 г. № 240 (2). Национальный музей Финляндии.
Фото Т.Сурайнен.

В коллекцию А.Хейкеля вошли и бытовые вышитые предметы — полотенца, покрывала, скатерти. В качестве примера можно привести покрывало на пивной бурак, которое применялось во время праздников и обрядов. На прямоугольном куске холста (50 х 70 см) располагается почти сплошная вышивка в виде бордюра и по углам расположены четыре четырехугольные розетки — две большие и две маленькие. Вышивка выполнена красными (преобладающий цвет), зелеными, желтыми и синими нитками.

Несомненно, что эта коллекция, собранная А.Хейкелем в конце XIX века, одна из ценнейших в числе собраний по народному костюму марийцев. В Национальном музее Финляндии хранятся и другие коллекции, собранные исследователем среди марийцев через 15-20 лет, в начале XX века (№№ 4859, 5448). Колекция № 4859 собрана А.Хейкелем в 1910 году в д.Нижняя Солянка Пермской губернии среди уральских марийцев. Интересными экспонатами в этой коллекции являются предметы детской одежды: девичья рубаха и детский передник (№№ 10, 8). Они ценны тем, что марийская детская одежда представлена в музеях в единичных экземплярах или совершенно отсутствует. Коллекция № 5448 приобретена А.Хейкелем в деревне Пертнуры Козьмодемьянского уезда Казанской губернии. Но конечно же, эти два последних собрания уступают первой коллекции.

Одна из коллекций (№ 4921) по народному костюму марийцев

собрана другим финским ученым Уно Хольмбергом (1882-1949) среди луговых и восточных марийцев в 1908 году. Исследователь побывал в Бирском уезде Уфимской губернии, Царевококшайском уезде Казанской губернии и в Уржумском уезде Вятской губернии. Кроме форм традиционной одежды марийцев в эту коллекцию включены бытовые вышитые предметы. Так, например, полотенце для рук (кил шовыч). Оно сделано из грубого холста размером 100 см х 25 см. На нем небольшая вышивка растительного характера.

«Жына жовычо»—женский головной убор восточных марийцев.
Коллекция А.Хейкеля 1884 г. № 2396 (253). Национальный музей Финляндии. Фото М.Хуухка.

В начале XX века много финских ученых побывало в Марийском крае. Они собирали фольклорно-этнографический и языковедческий материал. Одним из них был этнограф Альберт Хямяляйнен (1881-1949), посетивший марийцев в 1908 году. Он собрал интересную коллекцию (№ 4825) вещей среди луговых и восточных марийцев (Малмыжский уезд Вятской губернии, Царевококшайский уезд Казанской губернии, Бирский уезд Уфимской губернии). В деревне Ноля Уржумского уезда Вятской губернии ученый приобрел долговые бирки с изображением родовых тамг (№ 135). Родовые тамги вырезаны ножом и имеют четкое изображение. В этой же коллекции хранятся четырехугольные дощечки (№ 148), применяющиеся для тканья поясов, тесьмы. Для этой коллекции А.Хямяляйнен приобрел в марийских деревнях много тканых поясов, вязаных вещей.

Коллекция № 4848 была собрана двумя исследователями У.Т.Сирелиусом (1882-1929) и марийским краеведом Т.Евсевьевым. Большинство экспонатов было собрано в ближайших деревнях около

села Морки. В этом собрании выделяется традиционный набор женских украшений моркинских мариек. В коллекции представлены как женские, так и девичьи украшения. Из девичьих украшений в собрании представлены: налобное украшение (№ 11) "вуй шӱдыш", которое состоит из полосы холщовой основы с нашитым на него красным кумачом, украшенным рядом белых пуговиц, стеклярусом, разноцветным бисером. К этой же группе относится шейное ожерелье (№ 9) из разноцветных стеклянных бус, бисера, раковин-каури. В этом же районе исследователи приобрели: старинное наушное украшение из металлической проволоки (№ 15), загнутой в виде когтей, соединенных между собой полоской кожи; старинное нагрудное украшение (ширкама шер, № 1), состоящее из фибулы-пряжки, к которой прикреплялась кожаная основа с разноцветным бисером и раковинами-каури; женское украшение "ошпу" из серебряных монет и др.

«Сорока» — женский головной убор луговых марийцев.
Коллекция Т.Евсевьева 1911 г. № 4873 (3).
Национальный музей Финляндии. Фото М.Хуухка.

Краевед, этнограф Тимофей Евсевьев (1887-1937) длительный период плодотворно сотрудничал с Национальным музеем и Финно-угорским обществом Финляндии. Он начал свою исследовательскую деятельность со знакомства с супругами Вихман, приехавшими в 1905-1906 годах в Марийский край для сбора материала по традиционной культуре марийцев (3). Профессор Юрье Вихман (1868-1932) и его супруга Юлия Вихман встретились с Т.Евсевьевым в Морках в июне 1906 года. Т.Е.Евсевьев работал учителем и был привлечен ими в качестве переводчика. Финские ученые были довольны своим помощником, так как им удалось собрать с его помощью значительный языковедческий, этнографический и фольклорный материал. Они предложили молодому учителю дальнейшее сотрудничество. Так началась собирательская деятельность талантливого краеведа Т.Е.Евсевьева. Он занялся сбором фольклорно-этнографического материала для Финно-угорского общества и Национального музея Финляндии. Впоследствии Т.Евсевьев познакомился с другими финскими учеными — Уно Сирелиусом, Акселем Хейкелем и др. Встретившись с финскими учеными, Т.Евсевьев с увлечением начал заниматься изысканиями в области этнографии и фольклора, которым он отдавал все свободное время. В течение более чем 20 лет продолжалось тесное сотрудничество Т.Е.Евсевьева с научными учреждениями Финляндии. Неутомимый краевед на протяжении всей своей жизни с большим старанием и любовью собирал материал о культуре своего народа. В Национальном музее Финляндии хранится 15 коллекций, составленных Т.Евсевьевым. Всего им было собрано для финского музея 234 экспоната. Он значительно обогатил этнографический материал о марийцах не только в музее. Значительной ценностью являются и его рукописи, составляющие 26 томов, хранящиеся в фондах Финно-угорского общества. Его материалы переведены на финский язык.

В Национальном музее и его коллекциях собраны самые различные экспонаты, характеризующие традиционную культуру народа: одежда, украшения, инструменты для изготовления одежды, образцы вышивок, бытовая утварь, рыболовные и охотничьи снасти, снаряжение пчеловода-бортника, орудия труда, музыкальные инструменты и т.д. Некоторые из них уникальны, поскольку в то время, когда собирал Т.Евсевьев, некоторые вещи вышли из употребления. Исследователь все эти экспонаты сопроводил подробными описаниями.

Разнообразной по своему составу является коллекция № 4860, собранная супругами Вихман в 1905-1906 годах. В это собрание входят различные формы одежды, украшения луговых и горных марийцев. Исследователи собирали экспонаты в Яранском, Уржумском уездах Вятской губернии, Царевококшайском, Козьмодемьянском уездах

Казанской губернии. Итогом плодотворной полевой этнографической работы Юлии Вихман была ее монография (4).

В 1913 году в Национальный музей поступила коллекция №4893, составленная активным членом религиозной секты "Кугу сорта" Василием Якмановым в 1912 году. Эта коллекция состоит из 13 предметов, включающих одежду, собранную в деревне Кугланур и селе Уппа Царевококшайского уезда Казанской губернии. Интересными в этой коллекции являются женские головные уборы "сорока" (№№ 3,4), в вышивке которых четко проявляются зооморфные мотивы.

Национальный музей Финляндии обладает богатой фототекой, где сосредоточен большой фотографический материал и о марийцах. Значительно обогатил фототеку Национального музея Т.Евсевьев. Вероятно, посетив Финляндию в 1908 году, Т.Евсевьев получил уроки не только рисования, но и научился фотографировать. Большая часть фотографий дореволюционного периода по культуре марийцев сделана марийским исследователем. Все фотографии Т.Евсевьева сопровождаются подробным текстом и некоторые из них дополнены схематическими рисунками. Эти же идентичные фотографии использовались им и для иллюстраций некоторых рукописей об охоте, рыболовстве, жилищах, одежде, о женских прическах, хранящихся в Финно-угорском обществе. В фотоколлекции № 132 всего 239 фотографий, где запечатлены различные постройки (шалаши, овины, жилые дома, бани, сараи и др.), их интерьеры, сельскохозяйственные орудия, способы обработки волокнистых растений, костюмы различных этнических групп марийцев. Многие фотографии этой коллекции использовались финскими исследователями в своих работах, посвященных финно-угорским народам.

Уникальными являются фотографии, на которых можно видеть различные способы охоты на зверей, ловли зверей и птиц на различные капканы, способы ловли рыбы (№№ 138-147), пчеловодство (№№ 148-153).

Интересны фотографии, на которых запечатлены различные формы построек. Причем он фотографировал более архаичные формы строений, давно ушедшие из быта. Уже в начале XX века Т.Евсевьеву приходилось разыскивать старинные постройки в различных селениях Марийского края. В этой фотоколлекции хранится много фотографий, представляющих старинные избы, летние кухни (кудо), бани, овины, охотничьи и рыболовецкие шалаши.

Фотографии Т.Евсевьева размером 20 см х 25 см приклеены к плотному картону, на обратной стороне имеется подробный текст, а в иных случаях схематические рисунки. В качестве примера приведем описание старинной бани, приложенное к фотографии (№ 10): "Около

бани мужчина и мальчик. Баня, у которой крыша и потолок один. Эта баня из д.Шеныпедур Моркинской волости. Устройство ее очень простое. Состоит из пяти рядов. Углов нет. Концы бревен помещены в углубления столбов. Эти столбы служат углами. Дверь устроена на трех косяках. Печка из камней и очень маленькая. Для сидения устроена лавка. Половые доски постланы на землю — прямо прикасаясь. Потолочные доски состоят из неправильных бревен, которые круглые и полукруглые. Сверх них земля, а сверх земли не толстые доски. Так получился потолок с крышей вместе. Настланы потолочные доски с дверной стены к противоположной. Размеры ее: длина и ширина по 2 м., высота тоже 2 м., представляющий собой кубический ящик. Поперечный и продольный размеры и план этой бани показаны на 28 листе финской тетради на первой половине листа. Выход для дыма только один с потолка. Т.Евсевьев, 1919 год".

Для Т.Евсевьева характерно подробное описание любого элемента культуры марийцев. Особенно это относится к описанию построек. Давая общий вид той или иной постройки, исследователь старался приложить к нему фотографии экстерьера и интерьера, а в иных случаях представлял снимки отдельных деталей: печи, лавки, столы, устройства окна, крыльца и т.д. Описывая баню, Т.Евсевьев подробно характеризует ее внутреннее убранство и предметы, применявшиеся во время мытья в бане. Так, фотография (№ 204) сопровождается следующим описанием (здесь приводится только фрагмент описания интерьера бани): "Эта баня использовалась несколько десятков лет, сейчас только развалины. Парение устраивалось на специальной полке, которая называлась "лӧка". В банях употреблялись все время следующие свободные предметы: большой котел для приготовления теплой воды, кадка или глубокое корыто для холодной воды. Для парения баня приготовляется следующим образом. Сперва топится, накалится камин, приготовляются холодная и теплая вода, веники и маленькое корыто вместо таза, и потом, когда уже баня готова, идут мыться. Кроме парения в бане пользуются еще зимой женщины в посушке конопли или поскони..."

Ценным источником об обработке волокнистых растений и ткачестве являются снимки технологических процессов обработки конопли (№№ 73-85) и приемов тканья. Т.Евсевьев запечатлел на этих фотоснимках последовательно все технологические приемы: мягчение конопли на мялке для получения кудели; трепание кудели щеткой; прядение волокна; наматывание нитей на сновалку; тканье на примитивном ткацком стане без заднего навоя, где нитки основы заплетены в косу. В эту же фотоколлекцию (№ 132) входят снимки чистки шерсти (№№ 86-87), тканья поясов (№№ 88-93).

Фотоколлекция № 178 состоит из фотографий, заснятых среди восточных марийцев, вероятно, в 1925 году. В этом собрании 76 фотографий: №№ 1-25 — снимки построек, сельскохозяйственных орудий, жернова, ловушки и капканы на зверей и птиц; №№ 25-38, 43-69 — традиционный женский костюм восточных марийцев; №№ 39-42 — прически восточных мариек; №№ 60-76 — эпизоды языческих молений.

Коллекция № 193 также состоит из фотографий Т.Евсевьева, на которых запечатлены марийцы различных этнических групп. Коллекция датируется 1927 годом. Уникальными являются фотографии елабужских и пермских марийцев. На фотоснимке № 22 засняты марийские артисты, в центре группы — П.Тойдемар с гуслями.

В фототеке Национального музея хранятся фотографии рисунков и чертежей, выполненных Т.Евсевьевым (ИК 905:623). Это схематическое изображение жилых помещений, бань, клетей, сараев, овинов, печек и т.д. Здесь хранятся фотографии чертежей архаичных построек (бань по-черному, курных изб), рыболовных снастей, рисунки отдельных элементов построек (окон, дверей, печей), зарисовки предметов интерьера — утвари, мебели. Коллекция под номером 905-230:622 также состоит из фотографий Т.Е.Евсевьева, характеризующих быт и культуру восточных марийцев.

В коллекцию № 621 вошли фотографии Юлии Вихман. Съемки она производила во время экспедиции в Марийском крае в 1905-1906 годах. Ее авторству принадлежат 75 фотографий (№№ 1-75). Большинство из них воспроизведены в ее монографии (4). В основном это групповые снимки, характеризующие марийский народный костюм. В эту же коллекцию входят фотографии высокого профессионального качества, выполненные фотографом-профессионалом К.Сафоновым (№№ 76-135). Его снимки датируются 1878 годом. Много фотографий Сафонов заснял в деревне Кокшамары Чебоксарского уезда Казанской губернии. В основном это снимки женщин, девушек, мужчин в народных марийских костюмах. Эти фотографии интересны тем, что засняты представители своеобразной кокшамарской группы. Их народный костюм сочетает черты, характерные как горным, так и луговым марийцам. К. Сафонов запечатлел на своих фотографиях также горных и яранских марийцев. Кроме марийцев в народных костюмах, фотограф заснял виды деревень, построек, утварь, конскую упряжь (№№ 127-131). Фотография № 135 сделана в деревне Чаломкино (Салым-Сола), где группа мужчин делает знаменитые цепочки из серебра. Этот снимок воспроизведен в монографии Т.А.Крюковой "Материальная культура марийцев" (5).

Большая коллекция фотографий собрана и современной иссле-

довательницей Ильдико Лехтинен, приезжавшей в Марийскую республику несколько раз в 80-годы (ИК 913:1-109, 913: 220-309, 913:110-219). Объектом ее съемок были виды г. Йошкар-Олы: деревянные дома, их экстерьер, улицы, музейные экспонаты; виды марийских деревень, народная одежда, украшения, вышивка, обувь, пища, народные обычаи и обряды.

Таким образом, в фондах Национального музея Финляндии сосредоточен значительный этнографический материал о традиционной и современной культуре марийцев в виде вещевых коллекций, фотографий, записей, зарисовок. Значительный вклад в создание богатых фондов музея внесли не только финские ученые, но и наш соотечественник — талантливый исследователь и собиратель Т.Е. Евсевьев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Branch M.* Sjögren. Studies of the North. Suomalaisen ugrilasen Seuran Toimituksia. 152. Helsinki. 1973.

2. *Heikel A.* Die stikmuster der tscheremissen. SUS VI Helsingfors. 1910-1905.

3. *Сепеев Г.А.* Деятельность Т.Е. Евсевьева по этнографическому изучению марийского народа // Краевед Т.Е.Евсевьев. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения. Йошкар-Ола. 1988.

4. *Wichman J.* Beitrage zur Ethnographie der Tscheremissen. Helsinki. 1913.

5. *Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев. Йошкар-Ола. 1956. С. 83.

I.Lehtinen, T.Molotova

THE MARI COLLECTIONS KEPT IN THE NATIONAL MUSEUM OF FINLAND

In this article the ethnolographers I.Lehtinen and T.Molotova give a short description of the Mari collections possessed by the National Museum of Finland. The museum has a fair amount of material articles, photographs, sketches, records and other exhibits, each representing the material and spiritual culture of the Mari people. The authors chronologize the pieces of the collections, give their numerical description, name the settlements where the exhibits came from. The first collection brought by A.Ahlqvist from the Kozmodemyansk uyezd of the Kazan province dates back to 1856. The authors also describe the ethnographical exhibits collected by the famous researchers: A.Heikel, U.Holmberg, A.Hämäläinen, U.Sirelius, T.Yevsevyev, Y.Wichmann, V.Yakmanov. Many pieces of the Finnish collections are unique as they were no longer in use after the 19th century. Some exhibits of the same kind can be found only in the collections of the central museums of Russia.

The authors also analyze the photographic materials devoted to the Maris. They give a more detailed description of the photos taken by the Mari student of local lore T.Yevsevyev.

This paper is of interest for those who care for the long-standing scientific ties between Finland and Mari El.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Анатолий Уваров
Ижевск

РОЛЬ ПЕРЕВОДНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КНИГ В ЗАРОЖДЕНИИ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

До последнего времени исследователи истории удмуртской литературы обходили стороной целую ветвь, реально существовавшую в духовной жизни народа, — переводную религиозную литературу. Было раз и навсегда установлено: религия — явление реакционное, "опиум народа". И сто с лишним книг на удмуртском языке — Евангелие, молитвенники, жития, хоровые церковные песнопения — или замалчивались, или имена переводчиков этих книг подвергались критике.

Дореволюционная литература у нас долгое время воспринималась настороженно, вульгаризаторски упрощенно относились к именам Иоанна Васильева, Григория Верещагина, ибо "они были священниками", к именам И.С.Михеева, И.В.Яковлева — эти "переводили Евангелие, часословы, жития".

Однако такие времена проходят. В коллективную монографию "История удмуртской советской литературы", изданную в 1987 году, уже вошли имена названных педагогов-просветителей, создавших благодатную почву для литераторов послереволюционного поколения не только своими талантливыми произведениями, но и переводческим искусством. Однако об их переводах до настоящего времени удмуртские литературоведы молчат. Венгерский исследователь финно-угорских литератур Петер Домокош критически относится к высказываниям удмуртских исследователей 30-40-х годов и более поздних времен и к мнению своего соотечественника Аладара Бана, который в 1911 году написал: "Те немногие,написанные на языках финно-угорских народов, так сказать, переведенные с другого языка произведения религиозного содержания не могут называться "Литературой", и если она вообще чем-то ценна, то благодаря их значению для лингвистики" (1). По поводу этого высказывания Петер Домокош пишет: "Если думать, что у молодой венгерской литературы были такие же ре-

лигиозные тексты, и наш письменный литературный язык сделал первые шаги в период возникновения, опираясь на схемы литературных памятников других народов, и только потом встал на ноги, переводная литература в течение многих столетий должна была заменить свободную литературу, мы возможно оценим также переводные произведения наших родственных языков немного иначе. Письменные памятники (у венгров — *А.У.*), такие как "Надгробная речь", "Плач Марии", наши рукописные памятники, финский перевод библии Агриколы, — все это представляет не только объект исследования, доставляющий удовлетворение для лингвистов, но и общественные, досконально проанализированные, эстетически ценные творения литературы" (2).

С открытием Вятского Комитета Библейского общества в 1818 году, этот комитет сразу же занялся вопросом издания удмуртских переводов Евангелия. Были найдены переводчики из священников, учителей и купцов, началась работа по переводу. К печатанию приступили в 1823 году, окончательно же переводы Евангелия вышли на двух наречиях (глазовском и сарапульском) только в 1847 году вместе с "Начатками христианского учения". Первые листы разосланы были для эксперимента на праздник Рождества в 1823 году. Удмуртские храмы впервые огласили чтением Евангелия на родном языке прихожан. Удмурты, "услышав в чтении Евангелия собственное свое наречие, очень удивились тому и были в великой радости и уверяли потом, что они перевод сей довольно понимают и с великой охотой хотят слушать его более и чаще" (3).

На этом переводческая деятельность не завершилась, ряд священников принял участие в переводе на удмуртский язык источников христианского веро- и нравоучения. Известны фамилии переводчиков, священников из разных приходов, таких как Н.Невоструев (Укан), С.Анисимов (с.Белезино), З.Кротов (с.Еловское), П.Тронин (с.Дебес), Н.Утробин (с.Уни), А.Шкляев (с.Святицкое), И.Анисимов (с.Бусурман-Можга), И.Волков (г.Глазов, купец II гильдии). И все же при Вятском Епархиальном управлении отдельные переводы выполнялись не всегда квалифицированно. К переводу привлекались священники, как обычно, русские по происхождению, не глубоко знакомые с особенностями удмуртского языка. И тем не менее, ценность первых переводов Евангелия заключалась в том, что выпустив параллельные русско-удмуртские тексты Евангелия, авторы доказали, что на удмуртский язык можно переводить священные тексты, на этом языке можно читать и понимать, следовательно, можно создавать литературу.

Чтение священных текстов, пение молитв в удмуртских храмах продолжалось и в дальнейшем. Но служба в целом велась на церковно-

славянском языке. Этот язык плохо воспринимали и русские прихожане, а удмурты и вовсе ничего не понимали. Эти затруднения стали учитывать в Казанской "школе переводчиков", которой руководил известный профессор-востоковед, замечательный педагог, религиозный просветитель народов Поволжья и Сибири Н.И.Ильминский. Он, подбирая переводчиков, учителей и миссионеров, всегда отдавал предпочтение представителям тех народностей, среди которых и для которых они должны были работать. Под воздействием идей Н.И.Ильминского в конце 70-х годов прошлого века удмуртский крестьянин К.А.Андреев в своей избе начал обучать грамоте односельчан. Как известно, на этой основе была открыта затем Центральная вотская школа в Карлыгане (ныне Республика Марий Эл). Выпускники Карлыганской школы, крещено-татарской школы, Учительской инородческой семинарии стали переводчиками уже более высокого уровня.

Правда, в начальные годы руководства Н.И.Ильминского Казанской учительской семинарией и крещено-татарской центральной школой к переводам на удмуртский язык учебных и вероучительных книг был привлечен учитель Борис Гаврилов из крещеных татар, который до этого перевел на татарский язык ряд христианских вероучительных книг. Он, помимо родного, знал и удмуртский язык. Борис Гаврилов перевел и напечатал "Букварь для детей крещеных вотяков", Начатки христианского учения с кратким катехизисом,, "О главных церковных праздниках господних и богородичных", "Священную историю Ветхого и Нового завета", "Евангелие от Матфея", "Наставление св.Тихона Задонского". Он также собирал удмуртский фольклор и опубликовал сборник произведений народного творчества (4).

Следует сказать, что переводы Б.Гаврилова по словарному богатству отличаются от первых переводов Евангелия и "начатков", опубликованных в 1847 году. Они основаны на казанском наречии, и переводчик нередко использовал татаризмы, бытовавшие среди удмуртов данной местности. Тем не менее, в тексте неизменно присутствует смысловая точность: переводы фразеологических выражений, евангельских изречений, терминов понятны и легко воспринимаемы.

С 1878 года, после первого выпуска Казанской учительской семинарии, переводы Б.Гаврилова по словарному богатству отличается от первых переводов вероучительной и духовной литературы выполнялись хорошо владеющими родным языком, знающими эквиваленты слов и выражений не только своей местности, но и других говоров. Такими были Иоанн и Петр Васильевы, И.С.Михеев, И.В.Яковлев, В.К. Козмин, Г.Прокопьев, Михаил Ильин, Евгения Алпутова и другие. При необходимости они в сносках давали эквиваленты непонятных слов путем объяснения всех диалектных и лексических особен-

ностей. Это расширяло диапазон родного языка, вело к взаимопониманию представителей разных говоров и взаимообогащению диалектов, а в конечном счете к созданию общенационального языка.

В конце XIX — начале XX веков книги на удмуртском языке выходили по трем каналам, а именно:

1) издания переводческой комиссии православного миссионерского общества;

2) издания переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа;

3) издания переводческой комиссии 4-го благочинического округа Глазовского уезда Вятской Епархии на глазовском наречии удмуртского языка.

В дооктябрьский период переводческими комиссиями было издано более 250 книг, из них около половины — религиозного содержания, остальные — просветительские: по сельскому хозяйству, медицине, воспитанию детей и т.п.

Много и интенсивно переводил И.С.Михеев. Его перевод полного Евангелия был высоко оценен современниками за понятный язык для всех говоров, благодаря толкованию диалектных слов в сносках, примечаниях, за близость к оригиналу. С 1904 года Евангелие выдержало еще одно издание в России, и издание за рубежом до и после 1917 года. И.С.Михееву импонировала гуманистическая суть положений христианства, и он считал, что возможно строительство и развитие удмуртской культуры в компромиссе с православием, и после Февральской революции на съезде национальных меньшинств в Казани он выступил за введение в школьную программу "Закона Божия" и преподавания его на родном языке. Еще в 1900 году И.С.Михеев много сил отдавал обучению в школе на удмуртском языке. Полемизируя с ярым противником национального образования Дидо, в журнале "Русская школа" отмечал, что для удмуртов нужны и переводы на родной язык и учителя со знанием родного языка. Он писал, что переводы выполняются людьми, хорошо знающими не только свое, но и другие наречия удмуртского языка, причем эти переводы читаются и исправляются учащимися Казанской учительской семинарии, уроженцами разных местностей и эти книги на родном языке покупаются весьма охотно повсюду. Иван Степанович отмечал, что ему приходилось бывать почти во всех уездах с удмуртским населением и на его беседы люди собирались сотнями. Для удмуртов, утверждал педагог-просветитель, "наступила заря новой духовной жизни" (5).

Под воздействием национального движения в 1910 году слушательницы вятских инородческих миссионерских курсов во главе со

священниками Павлом Глезденевым и Иоанном Васильевым совершали миссионерские экскурсии с проповедями и пением молитв на удмуртском языке по деревням по маршруту Кез — Дебессы —Шаркан — Сосновка — Якшур — Бодья — более 200 километров, производя огромное впечатление на удмуртов, никогда не видевших подобные зрелища и не слышавших публичные выступления и духовное пение на родном языке. "Все читалось, пелось — ясно, отчетливо и с полным выражением. Ясно и отчетливо раздались и первые слова бдения. Все обратилось в слух... Слова песнопения и ектении, довольно трудно понимаемые и для русского человека, здесь, в переводе на вотский язык, ясно показывали на сущность того или другого прошения, славословия или благодарения. В общем получилось величественное и умилительное зрелище. Чудный летний вечер, торжественное пение, чудодейственные "божественные глаголи" — на понятном и для последней слепой вотячки языка — и все это вместе произвело сильное и глубокое впечатление на непривычного человека. Многие из толпы падали ниц, иной со слезами на глазах, другой — с опечатком восторжения молитвы на лице — равнодушным тут уже не было места!" (6). Так писал автор за подписью "Мари", по-видимому, П.Глезденев, известный просветитель марийского и удмуртского народов. Понятно, что репертуар и перевод песнопений и проповедей составлялись П.Глезденевым и И.Васильевым.

В библиотеках Удмуртии обнаружено 70 удмуртских книг, брошюр, листовок христианского вероучительного, нравоучительного характера. Евангелий и изданий истории Ветхого и Нового завета, Часослов и ряд молитвенников и житий. Все они переведены с русского и церковнославянского языков. Читая эти книги, приходишь к выводу, что они оказали определенное воздействие на формирование удмуртской письменности и литературного языка, на гуманистические и художественно-эстетические идеалы литераторов-просветителей на рубежке XIX и XX веков. Об этом говорят созданные просветителями буквари, книги для чтения, художественные произведения.

Многое в букваре И.С.Михеева — гуманистический пафос, социально-познавательный и воспитательный смысл кратких изречений и поучения: "Не бросайте в беде бедных людей", "У неимущего человека жизнь тяжелая", "Голодного накорми", обращения, призывающие не ходить в кабак, не курить, не красть, не пребывать в грязи и т.д. — взято из "Назидательных мыслей и добрых советов" из книги Иисуса сына Сирахова.

В "Первой книге для чтения" И.С.Михеева небольшие рассказы объединены общим героем мальчиком Колей, который окончил начальную школу, поступает в учительскую семинарию и выходит

оттуда весьма деятельным и полезным для народа учителем. Он все силы и знания отдает просвещению народа. Для этого требовалось терпение. Недаром "Первая книга для чтения" на удмуртском языке завершалась рассказом "Бог правду видит, да не скоро скажет" — о великом терпении героя произведения, сосланного на каторгу по несправедливому обвинению. Н.С.Михеев стремился воспитать в юном удмуртском читателе не только терпение, но и сострадание к людям. Во второй, 3-й и 4-й книгах ряд произведений представляют обработки притч, басен, рассказов Л.Н.Толстого и К.Д.Ушинского, а также из других источников русской и мировой литературы. Они воспитывали в детях способность сострадать и сорадоваться, проповедали идею добрых нравов и справедливости, дружбы, единения, уважения к другим народам. В небольших рассказах раскрываются народные представления о человеческом достоинстве и справедливости, о необходимости трудиться; образы скромных маленьких героев наполнены светом и благородством, показано торжество добрых, гуманных начал, восходящих к общечеловеческим и христианским нравственным идеалам.

Этими же идеалами освещены опубликованная в 1906 году драма Н.С.Михеева "Не кради" и неопубликованные пьесы Г.Е.Верещагина ("Опохмелившийся", "Легко доставшиеся деньги", "Гулька", "Удмуртский пир", "Женитьба под старость"). Пьесы Г.Верещагина раскрывают конфликты и характеры на материале семьи и быта; Н.С.Михеев обращается к событиям и коллизиям общественной деятельности. Богатство и бедность, честность и хитрость, добро и зло герои пьес оценивают сквозь призму народных и христианских идеалов.

Современному подрастающему поколению незнакома и своя народная, и мировая мифология. Необходимо предпринять, по примеру первых просветителей финно-угорских народов, меры по приобщению его к истокам духовности и гуманизма, заложенным в христианской религиозной литературе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Vilag irodalom története. IV. Bst, 1911.

2. *Лонкош Петер.* История удмуртской литературы. Ижевск, 1993.

3. *Лутова Н.Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Исследования. Вятка, 1911.

4. *Гаврилов Б.* Произведения народного творчества, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.

5. *Михеев Н.С.* Вотские переводы и учителя // Русская школа. 1900. № 5-6.

6. Вятские епархиальные ведомости. 1911.

A.N.Uvarov

THE ROLE OF TRANSLATED RELIGIOUS BOOKS IN THE FORMATION OF THE UDMURT LITERATURE

Until very recently the researchers of the history of the Udmurt literature had ignored one of its branches really existing in the spiritual life of the people, i. e. religious literature. Religion was considered to be a reactionary phenomenon, "opium for the people". So more than a hundred books published in Udmurt — the Evangelistary, the Life of Holy Spirits, some prayer-books and gospel chorals — either were ignored or their translators were subject to severe criticism.

The translation of the religious literature into the Udmurt language was done by I.Vasilyev, G.Vereschagin, I.S.Mikheyev, I.V.Yakovlev, the latter two also wrote fiction literature based on the Christian moral principles.

In the libraries of Udmurtia there have been found about seventy Udmurt books, brochures and leaflets of a Christian moralizing character, some editions of the Gospel and the History of the Old and New Testaments, a Breviary, a number of prayer-books and some copies of the Life of Holy Spirits. All of them made a certain influence on the formation of the literary language, both written and oral.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

О РУКОПИСНЫХ ГРАММАТИКАХ 2-ОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА А. КАНЦЕРОВСКОГО И А.СМИРНОВА

Насильственная христианизация марийцев, начавшаяся еще в XV веке (1, с. 10), продолжалась в течение XIX столетия. В XIX веке с тем, чтобы достичь желаемого результата в духовном просвещении инаковерующих, правительство и святейший синод искали разные пути. Одним из них было издание указа о переводе русских церковных книг на "инородческие" языки. Переводами занимались казанское, нижегородское и вятское духовенства. При отдельных уездных училищах были открыты классы для изучения марийского языка. Из-за отсутствия программы и грамматики преподавание его в них шло трудно. В этой связи в Казани священником Андреем Альбинским была издана "Черемисская грамматика" (1837) на горном наречии. Изданию грамматики большое содействие оказала Московская духовная академия. Об этом стало известно из "предписания", направленного в правление Казанской семинарии. В нем сообщается: "... предложенная ею (комиссией — О.С.) к напечатанию Грамматика Черемисского языка, составленная протоиереем Андреем Альбинским, может быть напечатана в типографии тамошнего Университета, просим об отпуске из сумм Комиссии в местное семинарское правление 1034 р., потребных на отпечатание сказанной грамматики в числе 1200 экземпляров, равно 600 р., следующих на переплет оной в корешок, полагая по 50 коп. за экземпляр. К сему Преосвященный присовокупил, что корректура Черемисской грамматики может быть поручена учителю сего языка Сперанскому ..." (2). На что "Казанского духовного уездного училища низшего отделения учитель Александр Сперанский" согласился 29 октября 1836 года. Об этом А.Сперанский пишет: "... корректуру нужную при напечатании черемисской грам-

матики держать я могу" (2, л.60). Что касается содержания грамматики,то справедливо отмечено протоиереем Федором Васильевым: "его грамматика оказывается системой грамматики русской, как излагалась эта наука в тогдашних учебниках. Только и найдешь в них определения, исключения и прочие тонкости систематизации с ничего не объясняющими примерами: но не встретишь никаких указаний на особенности этого языка, которыми он резко отличается от русского. Поэтому и речь, составленная по этим правилам, выходит русская, а не черемисская, как это и оказалось в переводах Евангелия" (3, с.3).

К середине XIX' века появляются первые священнослужители из среды марийского народа. Они составляют учебники на родном языке, ведут преподавание марийского языка,осуществляют переводы религиозных книг. Однако отдельные переводы еще не сумели раскрыть содержание текста. Об этом писали сами священнослужители. Например, учитель Шиньшинского училища (ныне с.Шиньша находится в Моркинском районе Республики Марий Эл) Гаврил Яковлев в своем письме руководителю Братства святителя Гурия Н.И.Ильминскому писал: "... в настоящее время окроме Юмо серлаге "Святое боже" по-черемисски ничего не поешь, потому что для шиньшинского училища священники слово на слову и не правильно перевели... . Если по этому переводу петь, пожалуй они еще озленятся на меня. Поэтому я только по-русски хочу учить молитву, означения объяснять по-черемисски" (4, л.150).

В то же время многие издания, предназначенные для учащихся духовных училищ и школ, остались неопубликованными. К числу таких относятся рукописные грамматики преподавателя марийского языка Казанской семинарии Алексея Канцеровского и священника села Арина Александра Смирнова.

Полное название грамматики А.Канцеровского следующее: "Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям". Она подготовлена в Казани и датируется 1858 годом. В настоящее время рукопись хранится в Архиве Санкт-Петербургского отделения АН России (5). В ноябре 1872 г. материал А.Канцеровского, пролежавший 13 лет в рукописном виде, был продан за 100 рублей помощником библиотекаря Казанской духовной академии Федором Земляницким в Академию наук (5, л. 3). В данном памятнике, кроме сравнительной грамматики, содержится и "Черемисский словарь" с входным марийским языком. Любопытно, что включение словаря в грамматику было характерным явлением и для XVIII века (6, с.41). Аналогичное явление продолжало существовать в "инородческих" изданиях и в XIX веке. Грамматика занимает с 4 по 36 лл., где в сжатом виде излагается грамматический минимум лугового и

горного наречий. "Краткое руководство к изучению черемисского языка" состоит из разных параграфов. Так, например, в 1-ом параграфе "О правописании" в сравнительном плане рассматриваются отдельные марийские звуки. На л. 4-4-об. А.Канцеровский пишет: "... в речи черемис встречаются такие звуки, каких в речи русских нет, потому необходимо заменить оныя некоторыми условными знаками, невыходящего, впрочем из круга русского алфавита". Разумеется, речь идет здесь о специфических марийских фонемах, отсутствующих в фонетической системе русского языка. Далее автор пишет: "буква *о* кроме натурального своего звука имеет еще звук, похожий на грубое ї (и десятеричное с надстрочным знаком — О.С.) и *ӧ*", графически ее обозначил буквой *о* со знаком каморы — о̂, например: *о̂рдужь* "бок, сторона", ср., совр. лит. *ӧрдыж*. А.Канцеровским правильно понята природа лабиального палатального звука *ӧ*. Для передачи узкого палатального звука *ӱ* использована графема *ю* с циркумфлексом — *ю̂*, например: *ю̂* масло", *ю̂льно* "внизу" (5, л. 4 об.), ср. совр. лит. *ӱй*, *ӱлнӧ*. На этом же листе автор отметил, что "в горном наречии... встречаются следующие звуки: *ї̂ю*, соответствующее *ї* и *ю̂*, например: *пї̂юль* "облако" и *я̂*, долженствующая произноситься с придыханием, например: *яптырташь* "препятствовать", т.е. с помощью этих лигатур переданы редуцированный среднеязычный гласный *ӹ* и иллабиальная переднеязычная фонема ӓ, ср. соответствующие слова *пӹл* "облако, облака"; "туча, тучи" (Г), *аптырташ* (Г) 1) 'мешать кому-л.', 2)"стеснять кого-л., препятствовать кому-л." (7, с. 133, 14). Подобная подача марийских специфических фонем наблюдалась и в грамматике Андрея Альбинского (8, с.4).

Во втором параграфе А.Канцеровский отмечает, что "для правильного произношения черемисских слов нужно принять еще знаки надстрочные" (5, л.5) и дает следующий набор знаков: " 1) тяжелое ударение (`) для последних слов в произношении; 2) острое (´) для всех слогов, исключая последнего; 3) облегченное (^) для двогласных и согласных, когда ... имеют не натуральное произношение; 4) знак короткого слога (⏑) нужен для косвенных падежей и для спряжений глаголов" (5, л. 5). Грамматика завершается склонением имени существительного *кыль* "струна" по падежам. С точки зрения современной грамматики, интересным является то, что автором даны следующие падежи: именительный, родительный с показателем - *ынь*, дательный (*-лань*), винительный (*-ымь*), звательный с междометием *ой* (ср., *ой кыль!*) и предложный с послелогом *денэ* (ъ) (ср. *кыль-дэнэ* (ъ).

"Грамматика лугового наречия" священника Александра Смир-

нова занимает с 1 по 20 лл, в которой кратко изложены основные отличия лугового и горного наречий марийского языка. В предисловии дана грамматика лугового наречия, которую А.Смирнов рассматривает как первый опыт "...правила, в особенности необходимые при первоначальном ознакомлении с лугово-черемисским наречием и которыми можно объяснить способ словопроизводства, для удобнейшего пользования моим к о р н е в ы м словарем" (9, л.4). Как видно, автор не ставил перед собой задачу подробного описания грамматической структуры марийского языка, а в сжатом виде излагает лексическую и морфологическую систему лугового наречия. Что касается синтаксиса, то А.Смирнов пишет: "надеюсь, что последующие деятели при исследовании черемисского языка успеют разъяснить все правила в большей подробности, в особенности синтаксический строй черемисской речи..." (9, л.4).

В указанной работе наряду с грамматикой дается и "Русско-черемисский словарь" (подробно о нем см.: 10, с. 122-132), рецензированный профессором арабского и персидского языков Казанского университета И.Ф.Готвальдом. Памятник датируется 1869 годом. В словаре имеется также надпись-автограф: "Братчик Николай Золотницкий". Очевидно, рукопись А.Смирнова подготовлена по просьбе братства св. Гурия, и, как член этой переводческой комиссии, Н.Золотницкий просмотрел материал священника, после чего он признал его пригодным для использования. К этому времени подобные грамматики были составлены и по другим финно-угорским языкам, например, "Грамматика мордовского языка по наречию "Мокша" священника села Пшенева Инсарского уезда Пензенской губернии Н.Барсова (11), анонимная грамматика финского языка (12) на немецком языке, грамматика Н.Андерсона (13), составленная в 1876 г. также на немецком языке. Во введении Н.Андерсон говорит о своей работе как о первой научной попытке установления родства индоевропейских и финно-угорских языков.

Александр Смирнов, хорошо знавший марийский язык, понимал природу марийских фонем. Сравнивая вокализм и консонантизм лугового и горного наречий, он отметил, что "звук горно-черемисского наречия мягче звуков лугового черемисского; *а,э, и, х* в лугово-черемисском произносятся *о, а, е, к*, например, *кэлээм, валэм, пиш, халык*, в лугово-черемисском языке *каласэм, волэм, пеш, калык*", ср. соответствующие лексемы Г *келесаш* 1) 'сказать, рассказать, высказать, передать что-л'.; 2) 'выразиться'; *валаш* 1)'сходить, спускаться, слезать'; 2) 'опускаться, снижаться'; *пиш, пишок* 'очень, весьма', *халык* 'народ; люди; народный' (7, с.53, 17, 120, 180); Л *каласаш, волем, пеш, калык*. Не оставлена без внимания и среднеязычная аффриката *ч*, которая "в

некоторых местах произносится как "ц" и "з", например: *чила, кючем, начар, цыля, кюзем, назар*" (9, л. 3). Наблюдения А.Смирнова свидетельствуют о том, что он был хорошим знатоком диалектов марийского языка. В пользу этого говорят также его знания словарного богатства родного языка. Анализируя лексическую систему горного и лугового наречий, автор подчеркивает, что "лугово-черемисское наречие сохранило более племенной самостоятельности; в состав же горно-черемисского вошло много слов русских. Многие из них употребляются только с переменою ударения, а иные с изменением звуков: сила̀, воля̀, дома̀, долога̀, худа̀, скова̀, (скоба̀), равотат (работа̀ть), свата̀м, креста̀м и проч., которые только склоняются и спрягаются по-черемисски" (9, л. 1-2). В то же время как лексиколог он заметил и влияние соседних тюркских языков на лексическую систему лугового наречия. В частности, он пишет: "впрочем в местностях соседственных с Казанским уездом, в которых лугово-черемисские селения находятся вблизи татарских, употребляется много чисто татарских слов вместо существующих к о р с и н ы х (разрядка наша — *О.С.*) черемисских" (9, л. 2). Поэтому неслучайно в свой "Русско-черемисский словарь" и "Словарь черемисского языка" А.Смирнов старался не включать заимствованные слова, а по возможности создавал новые слова за счет внутренних ресурсов родного языка.

Грамматический строй марийского языка того времени, за исключением некоторых особенностей, сходен с нормами современного литературного языка. Например, автором выделены следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение (личные: *мын* 'я', *тын* 'ты', *тудо* 'он', *ме* 'мы', *те* 'вы', *нуно* 'они'; вопросительные: *кудо* 'который', *ке* 'кто', и др.; неопределенные: *нжо* 'некоторый'; определенные: *шке* 'сам'), глагол, наречие, предлог (послелог), союз и междометие. Междометия, пишет А.Смирнов, "бывают различны, означающие радости: *аяй!*; плач: *оёй!*; болезнь: *атан, ай! Галтак*; сожаление: *Э! Шеремет!*; зов: *эй;* удивление: *ЭЭЭ! УУУ!*".

Правильно указана категория притяжательности имен существительных в единственном числе, например: *межерем* 'мой кафтан', *межерет* 'твой кафтан', *межерже* 'его кафтан'. К сожалению, суффиксы множественного числа в рукописи отсутствуют. Интересным является мнение автора о четырех залогах глагола (действительном, страдательном, средием и условном), о пяти наклонениях (изъявительном, сослагательном, желательном, повелительном и неопределенном), о четырех формах категории времени (настоящем, прошедшем, давнопрошедшем и будущем).

Как и в грамматике А.Канперовского, в грамматике А.Смирнова мы находим шесть падежей. Однако вместо предложного падежа у Смирнова дается творительный падеж с послелогом *дэнэ*, например: *кавдэнэ* 'с женихом', *мынин удурэмдэнэ* 'с моей дочкой, девушкой'.

Подытоживая все вышесказанное о рукописных грамматиках священников А.Канперовского и А.Смирнова, можно констатировать, что они подготовлены, по-видимому, в следующих миссионерских целях: во-первых, с помощью родного языка содействовать принятию марийцами христианской веры; во-вторых, обучать самих миссионеров "инородческому" языку. Обе грамматики, как нам кажется, написаны на основе грамматики Андрея Альбинского. Последний, в свою очередь, руководствовался русской грамматикой того времени. Как А.Канперовский, так и А.Смирнов не ставили перед собой цели дать полную характеристику морфологических категорий, стремились к изложению грамматического минимума марийского языка. Достижением "Краткого руководства к изучению черемисского языка" и "Грамматики лугового наречия" является то, что авторы не только описывают, но и в сравнительно-сопоставительном плане излагают отличительные фонетические, лексические и морфологические особенности лугового и горного наречий марийского языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов Н.С.* Православие в марийском крае. Йошкар-Ола, 1987.

2. Дело о напечатании чувашской грамматики и словаря, составленного Казанским профессором семинарии протоиереем Виктором Вишневским, и черемисской грамматики, составленной протоиереем Альбинским // Центральный государственный архив Республики Татарстан. Ф. 116, оп. 1, ед. кр. 117.

3. *Васильев Ф.* Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии. Казань, 1887.

4. Письма Н.И.Ильминскому от Г.Яковлева // Центральный государственный архив Республики Татарстан. Ф. 968, оп. 1, ед. хр. 168.

5. *Канцеровский А.* Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям и Словарь // Архив Санкт-Петербургского отделения РАН. Ф.III, оп. 1, № 213. л.

6. *Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. М., Наука, 1984.

7. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.

8. *Альбинский А.* Черемисская грамматика. Казань, 1837.

9. *Смирнов А.* Русско-черемисский словарь лугового наречия // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета. № 1146.

10. *Сергеев О.* О рукописных словарях марийского языка Александра Смирнова // Труды по финно-угроведению. Тарту, 1990. XVI.

11. *Барсов Н.* Грамматика мордовского языка по наречию "Мокша" // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета. № 4012.

12. Грамматика финского языка // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета. № 4307.

13. *Anderson N.* Probe einen vergleichenden grammatic der ugro-finischen und indo- europaischen Sprachen. 1876. Heft I. // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета. № 4801.

O.A.Sergeyev

A.KANTSEROVSKY'S AND A.SMIRNOV'S GRAMMAR MANUSCRIPTS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

This article deals with the Grammar Manuscripts of the second half of the 19th century written by A.Kantserovsky and A.Smirnov. Alexey Kantserovsky wrote his grammar book when he worked as a teacher of the Mari language in the Kazan seminary. This literary relic dates back to 1858. At present the manuscript is kept in the Archives of the Russian Academy of Sciences, in its St. Petersburg's department. Alexander Smirnov, a priest of the Arino village (now the Morko region of the Mari El Republic) was the author of the other grammar manuscript which dates back to 1869. This work has been reviewed by Professor I.F.Gotwald of the Kazan University and Professor N.Zolotnitsky. Now the manuscript is kept in the Manuscripts and Rare Books department of the Kazan University Library named after N.I.Lobachevsky. Beside grammar material both manuscripts include glossaries as well. Both works are of great value as their authors do not only show the distinguishing phonetic, lexical and morphological peculiarities of the highland and lowland dialects of the Mari language but also describe them in the comparative aspect. When necessary the authors use the materials of the Russian language.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1

Раисия Кудрявцева
Йошкар-Ола

"ОКАВИЙ" С.ЧАВАЙНА (К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКОГО И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО В СТРУКТУРЕ ЭПИЧЕСКИХ ЖАНРОВ В МАРИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 20-Х ГОДОВ)

Марийская художественная литература, оформившаяся в основном в первой трети 20 века, принадлежит к так называемым "младописьменным литературам". В 20-е годы она продолжала развиваться традиционным путем, во всяком случае, проза этих лет свидетельствовала о том, что она "сравнительно недавно выпорхнула из гнезда народного творчества" (Г.Ломидзе). Опора на фольклор и мифологию оставалась главной особенностью художественного мышления марийских авторов. В то время как народы, находящиеся на высоком уровне художественного творчества, обращались к мифу и фольклору в момент национального самоопределения и подъема национального самосознания, во имя сохранения и возрождения национальных форм культуры, "младописьменные" народы с помощью фольклорно-мифологического материала начинали осваивать — в индивидуальном художественном творчестве — свою жизнь, прошлое и настоящее, создавать письменную художественную литературу. Фольклорно-мифологические темы, образы, мотивы являлись важным источником и формирующейся марийской литературы. Фольклорные жанры, хотя и со значительной степенью демифологизации (в них представлена поэтическая мифология), доносили древние представления марийцев о происхождении мира, человека, самого этноса, о явлениях, имевших место в конкретной исторической жизни народа. Любопытно, что и в исследованиях марийских фольклористов не проводится четкой границы между мифами и произведениями собственно фольклорной прозы.

Своды фольклорных произведений издаются под названиями "Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания". "Иногда, — пишет В.Акцорин, — более древние мифы бытуют среди народа под терминами: *шоя* (сказка), *йомак* (сказка) " (1, с. 5).

Марийские писатели, имена которых непосредственно ассоциируются с первыми шагами марийской художественной прозы (С.Чавайн, М.Шкетан, Я.Элексейн, И.Ломберский и др.), тесно связали свое творчество с многовековым устным художественным опытом своего народа, а значит, и с его душой, мировосприятием и мироощущением; именно поэтому они были близки и понятны любому марийцу-читателю, независимо от уровня его художественного развития (проблема формирования марийского читателя тоже могла бы стать проблемой специального исследования).

Многие произведения С.Чавайна, наиболее яркого из этой группы писателей, написанные в начале 20 века, отдельными моментами напоминают народно-героический эпос. У марийцев он не сложился в виде цельного повествования, составленного писателем и являющегося синтезом фольклора и литературы (См.: у других финно-угорских народов — "Калевала", "Калевипоэг", "Сияжар"). Ранняя марийская проза как бы заполняла этот "вакуум", правда, художественное освоение фольклорно-мифологического материала шло, в целом, не приемами романтизма, как это было, например, в эстонском "Калевипоэге", а реализма, применительно к раннему этапу развития марийской литературы, названному исследователями просветительским (2).

Предметом художественных устремлений Чавайна в 20-е годы остается крестьянская действительность (деревенский быт, природа). Писатель стремится к всестороннему ее изображению, пытается осмыслить национальную психологию своего народа, его социальное поведение, традиции, этнографическую сторону жизни. Естественно, одна какая-то жанровая форма для решения такой сложной писательской задачи оказалась недостаточной. Чавайн продолжает писать рассказы-легенды, рассказы-предания, представляющие собой переработки фольклорных произведений. Очерковые зарисовки или просто описания быта и природы, которые занимали значительное место в дореволюционной прозе писателя, сменяются развернутым рассказом-очерком. В новеллистике Чавайна появится и такое жанровое образование, как рассказ-повесть, приближенный к средним эпическим жанрам. Именно так можно было бы определить жанровую структуру рассказа "Окавий", который чрезвычайно интересен с точки зрения освоения писателем фольклорно-мифологического материала, взаимодействия устно-поэтических форм и литературно-художественной поэтики. Первоначальный вариант его был опубликован в 1920 году

под названием "Язык гыч язык сулын" — "Грехи искупил грехом" ("Грех от греха спас" — К.Васин). Второй вариант был написан в 1926 году и вышел в печати в 1927 году под названием "Окавий".

Событийная канва рассказа свидетельствует о близости его композиции структуре мифа и фольклорных произведений, в частности, сказки. "Морфологическая структура" мифа и сказки представляет собой "цепь потерь (бед, недостач) неких космических или социальных ценностей и их приобретений, связанных между собой действиями героя (являющихся их результатом)" (3, с. 443). Жизнь главного героя Эрмака в рассказе Чавайна – это цепь испытаний: бедность, тюрьма, куда он попал за выступление в защиту собственного человеческого достоинства, бегство из тюрьмы (свобода для него единственная возможность и форма жизни), настоящее его положение — разбой. Концовка рассказа в раннем и позднем вариантах заметно отличается. Изменения касаются прежде всего образа Эрмака и отражаются в авторской интерпретации образа. Герой в рассказе "Грехи искупил грехом" — стихийный бунтарь, он не безгрешен, но его бунтарство писателем полностью оправдывается. Введение фольклорно-мифологического образа Шемеч-кувы, являющейся символическим выражением злой силы (в фольклорных текстах встречаются разные варианты таких героев: Киямат, Азырен, Ия; в женском варианте — Овда, Вувер), также способствует передаче именно этого пафоса. А.Асылбаев так разъясняет концовку рассказа: "Он (Эрмак — *Р.К.*) уже убил девяносто девять человек. Ему осталось убить еще одного, и тогда он будет наказан богом, его душа достанется сатане. Но сотую смерть Эрмак совершает над Шемеч-кувой, являющейся носительницей зла, и этим искупает все предыдущие грехи. Поэтому его душа достанется ангелу, а сатана довольствуется лишь душой Шемеч-кувы. Убийством Шемеч-кувы Эрмак не только уничтожает зло, но приносит людям счастье, что ярко выражено в концовке рассказа" (4, с.71).

Конкретный образ главного героя тоже превращается в символ. Эрмак — воплощение силы, побеждающей все "черное", злое, а значит, совершающее доброе дело. Это обстоятельство, а также саму идеализацию стихийного бунтарства героя А.Асылбаев считает недостатком произведения и объясняет его ошибками в мировоззрении писателя, связанными с русской "новокрестьянской" поэзией первого послеоктябрьского десятилетия. Она воспевала неорганизованных, стихийных героев. Сегодня, когда изменилось отношение к русским крестьянским поэтам начала века, когда предпринята основательная попытка осмыслить и положительно оценить их размышления о свободной, раскрепощенной крестьянской жизни, урожае и хлебе как основах ее, а также понять их оригинальную поэтику, высказывания о

негативном воздействии "новокрестьянских" поэтов на художественное сознание марийских писателей кажутся несостоятельными. Влияние этих поэтов на Чавайна было весьма плодотворным и в содержательном плане, и в плане поэтики; нельзя не видеть их общности. У русских "новокрестьянских" поэтов и у марийского писателя был один источник, питавший их творчество — национальный фольклор, поиски жизненного идеала в народе, понимание народной стихии находило отклики в сердцах читателей.

Идеализация стихийного бунтарства, как совершенно справедливо отмечает К.Васин, особенно характерна для романтического направления. Марийская же литература 20-х годов в целом была реалистической, но ей не были чужды романтические символы и краски, романтическая условность. В свете элементов их понятно и обращение Чавайна к образам иной, нежели языческая, религиозной мифологии. Для передачи "святости духа сопротивления" (К.Васин), возвеличивания бунтарского, протестующего духа, подобно А.Блоку в поэме "Двенадцать", Чавайн обращается к образу ангела, к которому попадает душа Эрмака.

Во втором варианте рассказа ("Окавий") с образа Эрмака снимается фольклорно-мифологическая символика. Теперь концовка такова: Шемеч-кува, направившаяся в родную деревню Акнаша со злым намерением помешать его свадьбе с Окавий, убита молнией; а Эрмак к концу повествования смещается на второй план, лишь изредка упоминают о нем персонажи рассказа.

Образ Эрмака-солдата, отданного в солдаты вместо сына сельского богача, отмечен в произведении авторским сочувствием. Отец, по сути дела, продал Эрмака, чтобы избавиться от бедности. В то же время Чавайн постоянно акцентирует внимание на том, что Эрмак-разбойник, грабящий и убивающий людей. Среди них были не только богатые купцы, но и бедные люди, не только виноватые, но и невинные. Эрмак говорит о себе: "Много крови, слез я пролил: никого не жалел..." Вопрос: "Кто он, можно ли его оправдать?" — писатель на сей раз оставляет открытым, вывод должен сделать сам читатель.

Рассказ "Окавий" — свидетельство того, что в прозе Чавайна 20-х годов внешняя характеристика героя начинает дополняться внутренней его характеристикой. Герои становятся живее, психологически достовернее. К примеру, автор так изображает Эрмака: "На пне, у костра, о чем-то глубоко задумавшись, сидел человек, курил. Среднего роста, крепкий, широкоплечий — должно быть, сильный. Глаза подобны черной смородине, посмотрит — пронзит взглядом. На лбу заметны морщины.

Чуть подальше шалаш. Оттуда доносятся голоса. Кто-то поет:

И утром рано встать нельзя,
И вечером поздно лечь нельзя:
Нет родной семьи,
Нет и сна по ночам...

Услышав песню, сидевший на пне поднял голову, посмотрел в сторону шалаша, потом опять свесил голову. Посидел так еще немного и опять посмотрел в сторону шалаша. Потом покачал головой, с какой-то грустью засмеялся:

— Родная семья!.. Видишь? Что нужно Акпарсу!.. Нужна родная семья! Может ли быть у нас, лесных зверей, семья?

Он встал, глаза сверкнули точно молния, сильнее напряглись на лбу его морщины; подобно лошади, которой надевают хомут, он содрогнулся всем телом" (5). Автор использует прием "внутренних жестов": беспокойные взгляды в сторону шалаша, "покачал головой, с какой-то грустью засмеялся" ("вуйжым рӱзалта, ойгыралтен вошпылеш"), "глаза сверкнули точно молния" (*"шинчаже волгенчыла волгалте"*), "содрогнулся всем телом" ("могыржо... чыгырнал кайыш"). Психологические детали становятся важным средством характеристики и Окавий, другого главного персонажа рассказа. Чавайн так передает внутреннее состояние героини: "вся вдруг *побелела*, узнав о ранении Акпаша в голову" ("Акпашын вуйжо шельын" манмым кольо да шкежат *ошемын кайыш"*), "Окавий смотрит на Акпаша, *сердце ее бьется часто-часто*" ("Окавий Акпашым онча, *шӱмжӧ чӱчкыдын-чӱчкыдын пыртка"*), "Окавий *белеет, краснеет*, потом опять *белеет*, а *глаза начинают слезиться*" (*"Окавий ошемеш, чевера, адак ошем кая, шинчавудшат чыл-чыл-чыл коеш"*). Такой прием уже имел место в дореволюционном рассказе Чавайна "Йыланда", правда, писатель использовал его только один раз, в эпизоде, показывающем неожиданное появление в доме Йыланды солдат Калима: *"Йыландан молыр коваштыже копыж кушкедлен кайыш..."* (в приблизительном переводе на русский язык это звучит так: "Йыланда вздрогнул, как будто вмиг содрали с него кожу..."). Но в этом произведении названная деталь важна не столько как средство психологизации образа, сколько как попытка драматизации повествования. В произведениях Чавайна 20-х годов "внутренние жесты" становятся одним из основных средств углубленной характеристики героя. Таким образом, писатель постепенно отходит от слепого подражания фольклорным принципам построения образов, начинает активное освоение собственно литературных форм. Вместо образов-символов, образов-масок появляются живые образы-характеры.

Демиургом в литературно-художественном творчестве является автор, художественная индивидуальность, чего нет в фольклоре,

коллективном творчестве народа. Авторское мировосприятие, отношение его к героям и событиям в прозе Чавайна 20-х годов выражаются по-разному. Наиболее распространенным приемом является авторское отступление, которое чаще всего дается в форме обращения к кому-либо. Эту форму авторского самовыражения К.Васин связывает с "открытой публицистичностью" (2, с.184), называя последнее характерным признаком произведений писателя, написанных в 20-е годы. Нам кажется, эти отступления-обращения следует рассматривать не столько как факт вторжения в художественный текст открытой публицистики, сколько как проявление лиризма, столь свойственного Чавайну. С его именем обычно и связывается формирование лирической тенденции в марийской прозе.

Характер авторских реплик, отступлений в прозе Чавайна 20-х годов, по сравнению с предшествующим периодом, заметно меняется. В ранних рассказах ("В лесу", "Йыланда") писатель часто обращался к своим героям, при этом ощутима не только лирическая окрашенность его речи, но и излишняя порой сентиментальность, чувствительность ("всхлипывания", эмоционально окрашенные междометия — *ой, эх, ах*). В рассказе "Окавий" повествование объективизированное, и хотя присутствие автора ощущается, но характер его иной. Например: "Марийцы говорят по-разному.

— Эрмак скрылся, помутив наши глаза, — говорит один.

— Нет, убежал, превратившись в волка, — добавил другой.

— Скажешь тоже! — говорит третий. — Волка пристрелили бы солдаты. Эрмак птицей улетел.

— Как скрылся, не наше дело, — *говорим мы... Скажем только:* теперь илетьская дорога стала свободной, пусть уж не будет слышно об ограблении проезжих" (5, с. 192).

Очень распространенной в новеллистике Чавайна 20-х годов является и форма обращения автора к своим читателям. Именно так передается его восхищение глазами Окавий: "Правда ведь, читатели, когда-то и вы видели такие глаза?.. И я тоже до сих пор не могу забыть одни такие глаза. Какие глаза!.." (5, с.188).

Созданию взволнованно-лирической интонации, которая сохраняется в рассказе "Окавий", способствуют тропы, словесные образы, создаваемые автором, как и прежде, по типу фольклорных. Но если в дореволюционных произведениях они использовались писателем главным образом в пейзажных зарисовках, то в 20-е годы начинают распространяться и на описания внешности героев, их внутренних движений: "глаза черные, *как смородина*" ("шинчаже *шоптыр гае* шеме"), "глаза Окавий *небесного* цвета..." (*"Окавийын шара, пылпомыш*

тӱсан шинчаже", "глаза (Эрмака — *Р.К.*) *сверкнули, как молния*" ("шинчаже *волгенчыла волгалте*"), "Селмей, *как заяц*, скрылся в кустах" ("Селмей чашкерлашке *мераҥла чымалте*"). Иногда сравнения, эпитеты Чавайна воспринимаются как однотипные, повторяющиеся. Это результат того, что многие из них заимствуются из народной поэзии. Таков же и характер метафор: "у Илети, в глухом лесу, в интересном месте, Эрмак-разбойник *свил себе гнездо*" ("Элнет воктене, пич чодыраште, онгай вереш Эрмак-разбойник *пыжашым ыштен*").

Особенностью фольклорно-мифологического сознания является единство природного и духовного, живого и неживого. Ранняя марийская проза, своими истоками связанная с этим сознанием, доносит до марийского читателя извечную мечту человека о жизни в единстве с природой, где все устроено удивительно гармонично, где есть своя иерархия, своя душа, где все необходимо и нет ничего лишнего. Именно поэтому Чавайн так часто обращается к миру природы. Она для него и предмет изображения, непосредственное содержание целого ряда его рассказов (см. цикл рассказов из "Третьей марийской книги"), и реальный фон событийного действия. Рассказ "Окавий" прежде всего свидетельствует о том, что в прозе 20-х годов расширяются художественные функции пейзажа. Описания природы выступают уже эмоциональным фоном, оттеняющим настроения героев, средством передачи их внутреннего состояния. К примеру, отмечается полное соответствие между замедленным, спокойным течением действия, "речью про себя" Эрмака, задумавшегося о своей прошлой жизни, своей судьбе, и картиной притихшего осеннего леса, затишья перед закатом солнца. Картина грозы, которая навевает на читателя тревожные предчувствия, играет в произведении важную сюжетно-композиционную роль, настраивает на новые повороты событий. В рассказе "Окавий" имеется пейзажное кольцевое обрамление. Произведение начинается с описания опустевшего, тихого осеннего леса и заканчивается картиной леса, пробуждающегося после оживительного дождя. ("Солнце вновь начинает греть. Земля радуется, легко дышит, омытая дождем. Зашелестели листья на деревьях, радостно зашептали друг с другом. Удивительно пахнут цветы, красные, синие. На них шмель и пчелы собирают вкусный мед. И птицы тоже радуются жизни" — 5, с. 197). Во-первых, такой прием придает повествованию композиционную цельность и законченность. Во-вторых, обрамляющие пейзажные зарисовки помогают писателю заострить внимание на вечных вопросах, связанных с природой и жизнью человека в ней. Природа многообразна и бесконечна, в ней вечная смена явлений, так и человеческая жизнь — это цепь сменяющих друг друга явлений, среди

которых есть и серьезные испытания, но она продолжается, движется своим ходом, как и жизнь вечной природы. Через небольшую заключительную пейзажную картинку, оформленную простыми, незатейливыми фразами, Чавайн доносит до нас то особенное, что всегда отличало философию марийского народа, — оптимизм, надежду и веру. Это особенное ощущается и в фольклорно-мифологическом материале, и в литературных произведениях, питаемых им, несмотря на сильную драматизацию сюжета.

Важным фольклорным источником творчества Чавайна первой трети 20 века явилась и народная песня. Тексты народных песен автор "вплетает" в сюжетную канву своих произведений. Их обилием отмечен и рассказ "Окавий". Но в нем есть и песни, сочиненные самим Чавайном, знатоком и тонким ценителем народной поэзии. Среди песен, используемых в рассказе, встречаются уже звучавшие в предыдущих произведениях или кажущиеся знакомыми вследствие переклички содержания или отдельных строчек. Например, совпадают строчки песни ("Березы дальней веточка..." — *"Мӱндыр куэн укшыжо..."*), которую поют Чачавий ("Йыланда") и Окавий, — это совпадение обусловлено самой ситуацией исполнения: Чачавий разлучена с другом, который у ненавистного хана, а Окавий обеспокоена тем, что ее возлюбленный Акнаш очень скоро уйдет к своим родителям, в дальнюю деревню. Отсюда и выбор песни с образом дальней березы, наиболее точно передающим грустное настроение героинь, их жалобу на судьбу:

Недруг злой меня похитил,
Милый друг, а где же ты?..
Боже, боже! Неужели
Мне лишь горе суждено?.. (6, с.27)

Осал тангжат воктенем,
Поро тангжат ала-кушто?
Ой, юмыжат, пӱрышыжат,
Орлыклан гына пӱрен дыр?
("Йыланда")

Размышления Эрмака сопровождает песня Акпарса (это народная песня "На дальней-дальней дороге..." — *"Кужу-кужу корнет воктене...")* — она без изменений включена в произведение — (7, с. 209-210). Содержание ее как нельзя лучше соответствует жизненному положению героя, его внутренним переживаниям. Эрмака мучают мысли о том, что у него нет семьи, родного дома, нет родового знака ("тамга"), по которому можно было бы сразу узнать своих родственников. Тот же мотив родного дома, отца, матери звучит и в песнях Окавий. Героиня обеспокоена мыслью об ожидающем ее расставании с родительским миром.

Анализ малой эпической прозы С.Чавайна 20-х годов, в част-

ности, его рассказа "Окавий", позволяет сделать вывод о направленности ее на народного читателя. Завоевать его писателю помогла ориентация на марийский фольклорно-мифологический материал (мифы, легенды, предания, народные песни), на фольклорную поэтику. Опираясь на богатый духовно-эстетический опыт своего народа, он закладывает основы литературно-художественного творчества, письменной марийской культуры. На примере прозы Чавайна можно проследить, как фольклорные способы видения мира дополняются собственно литературными формами освоения жизни (психологизацией повествования, лиризмом, образами-характерами и т.д.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Сост. В.А.Акцорин. Йошкар-Ола, 1991.

2. *Васин К.* Просветительство и реализм. Йошкар-Ола, 1975.

3. Мифы народов мира: Энциклопедия. Т.2. М., 1988.

4. *Асылбаев А.* С.Чавайн: Очерк жизни и творчества. Йошкар-Ола. 1963.

5. *Чавайн С.Г.* Собрание сочинений. Т.1. Йошкар-Ола, 1980.

6. Солнце над лесами: Антология марийской прозы. Йошкар-Ола, 1974.

7. Марий калык муро. Марийские народные песни. М.-Л., 1951.

R.A.Kudryavtseva

"OKAVIY" BY S.CHAVAIN (ON THE PROBLEM OF INTERACTION BETWEEN THE FOLKLORE MYTHOLOGICAL AND THE LITERARY FICTIONAL IN THE STRUCTURE OF THE EPIC GENRES OF THE MARI LITERATURE OF THE TWENTIES)

Early at the beginning of the 20th century the artistic thought of the Mari people was based on mythology and folklore. From the point of view of the writer's usage of the folklore mythological material as well as the interaction between the folklore poetic forms and literary fictional poetics the epic prose of the twenties, the story "Okaviy" by S.Chavain in particular, is of great interest. The connection with the folklore mythological tradition can be seen in this story due to the following facts: the story has a composition similar to that of a myth or a tale, it contains the old views of the people on the origin of nature and man, there are some folk songs, folklore verbal forms in the text, etc. Besides, the author's interpretation of the folklore mythological character of shemech-kuva, psychologism of the narration, the character images used instead of the symbolic images, the lyricism of the story — all these testify to the enrichment of the epic prose with the proper literary forms of the reflection of life.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1

Маргарита Кузнецова
Йошкар-Ола

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Названия домашних животных в марийском языке составляют в основе своей заимствованную лексику. Источники заимствования в научной литературе указываются разные, но в целом подразделяются на индоиранские и тюркские.

К тюркским заимствованиям относятся следующие зоонимы: *сӧсна* 'свинья', *тага* 'баран', *шорык* 'овца', *пача* 'ягненок', *туна* 'телка', *презе* 'теленок' и собирательное название *вольык* 'домашний скот', в то время как *ушкал* 'корова' и *ушкыж* 'бык' возводятся к иранским источникам.

История развития скотоводства у финно-угорских народов, в особенности у народов Среднего Поволжья и Предуралья, археологические данные позволяют не соглашаться с существующими мнениями о происхождении отдельных названий домашних животных.

Данные истории и археологии свидетельствуют о том, что первые домашние животные на территории Поволжья были заимствованы в одомашненном состоянии еще в 6-5 тысячелетии до н.э. К ним относится крупный рогатый скот.Массовое содержание домашних животных начинается на рубеже конца III — начала II тыс. до н.э. В то время в районе Средней Волги и Прикамья распространилась волосовская культура. Волосовцы приобрели навыки в разведении ряда мясных домашних животных и, прежде всего, свиней, крупного и мелкого рогатого скота. Но домашнее животноводство становится производящим видом хозяйства под влиянием пришлых земледельческо-скотоводческих племен, а именно: балановских, абашевских и срубных. Они явились носителями индоевропейских (балановцы) и индоиранских (абашевцы и срубники) языков. Среди археологов

существует и такое мнение, что местное население Среднего Поволжья научилось основам земледельческо-скотоводческого хозяйства у балановских племен (предков балтских народов), которым были известны все виды домашних животных (1, с.128).

Несомненно одно, что животноводство у поволжских финно-угров было на довольно высоком уровне развития еще до прихода тюркоязычных племен на территорию Средней Волги. Поэтому есть все основания полагать, что большинство названий домашних животных в марийском языке относится к древнейшему индоиранскому или индоевропейскому наследию.

Зооним *презе ~ презы* 'теленок' возводится к чувашскому *p ə̂ ru, pru* < др. - чув. **bira γu* < **biza γu~buza γu* 'теленок до года' ~ монг. *bira γu.*

Вызывает сомнение передача др. -тюрк. *у* через мар. *е*, т.к. слов с подобным звукосоответствием не имеется. Поэтому М.Рясянен сравнивал мар. *презе* с чув. *пру* только под знаком вопроса. И *-зе* предположительно связывал с притяжательным суффиксом 3 л. ед. ч. (2, с. 178).

Б.Серебренников предложил в свое время сравнивать мар. *презе* с лит. *veršis* 'теленок-бычок, бык' (3,с.37).

Я полагаю, что корень слова *презе* можно связать с и.-е. основой **per* 'рождать, производить', ср. авест. *pṛthuka* 'вол, теленок', где *thu* — частица, арм. *ort* 'теленок', греч. *πορis* 'теленок, телка', чеш. *s-pratek* 'недоношенный теленок' < **porthu* (4, с. 59), а *-зе* — рассматривать как словообразовательный суффикс имен существительных от именных и глагольных основ, как *кычызы* 'нищий' от *кычаш* 'попрошайничать', *ыргызы* 'портной' от *ыргаш* 'шить' и т.д. Первоначальное значение слова *презе* было бы тогда 'родившийся'.

Слово *тага ~ тага* 'баран' < чув. *тага, така* 'баран', в остальных тюркских языках значение зоонима 'козел, взрослый козел-производитель', в монгольском — 'горный козел'.

А.Щербак пишет, что только в поволжских тюркских языках слово обозначает барана-производителя и козла. Первое значение появилось недавно и представляет результат переосмысления первоначального содержания (козла) (5, с. 112).

В связи с этим небезынтересно проследить за фонетически и семантически близким словом в балтийских языках, см. лит. *ėkis* 'баран', лтш. *ķekulis, ķeķis* 'баран, баран-вожак', которые возводят к глаголу *keketi* 'бежать, течь' (6, с. 1076).

Заимствованием из балтийских является, по мнению А.Сааресте, общеэстонское *tākk* 'жеребенок-жеребец'. Первоначальное значение слова — 'животное-самец, производитель' (7, с. 47).

Для сравнения приведу др. -инд. *čhāga* 'коза', осет. *sæg, sædæ* 'коза' (8, с. 58). В.Абаев высказывает мнение, что широкое бытование слова позволяет говорить о древнем культурном термине, распространившемся по всему ностратическому ареалу.

Я полагаю, что марийцы со словом *тага* 'баран' могли быть знакомы еще до прихода тюркоязычных народов на территорию Средней Волги, и что татарский и чувашский языки расширили семантику лексемы *така, тāкā* под влиянием соседних финно-угорских народов.

Зооним *патя-пача* 'ягненок' также считается заимствованием чувашского слова *путек* 'ягненок', см. казах. *бойдак* 'холостой', *бойдак мал* 'яловый скот', кирг. *бойдок* 'молодой баран' (9, с. 169).

Чувашский и остальные тюркские слова семантически далеки друг от друга. Более близким по значению является, вероятно, тат. *bäti, bätej* 'ягненок'.

Д.Казанцев высказывает мнение об иранском происхождении данного слова, но конкретный источник не указывает.

Я предлагаю связывать марийское и чувашское названия ягненка с и.-е. корнем **pī̆*, от которого произошли слова со значением: лит. *paĩ̆ (k)štis* 'птица, домашняя птица; детеныш животного, ребенок, сын; птш. *putns*' 'яйцо', лат., *puer* 'ребенок, мальчик', *putus* 'дитя', др. -инд. *pṓta* 'детеныш животного' (6, с. 554; 10, с. 10; 11, с. 398).

Вольык 'домашний скот, скотина'.

По мнению большинства исследователей, лексема *вольык* 'скот' является булгарским заимствованием, ср. др.-чув. *выльăх* 'скот, скотина'. Но остальным тюркским языкам термин неизвестен, поэтому среди тюркологов нет единого мнения о происхождении чув. *выльăх* 'скот' (9, с. 58). Последовательного взгляда на чувашское происхождение марийского слова придерживается М.Федотов. Он считает, что чувашский зооним образован с помощью общетюркского аффикса *-лык* от корня *вăй* 'сила', и что нет смысла искать для марийского слова другой источник (12, с. 15). Б.Серебренников в свое время предложил сопоставить чув. *выльăх* с элементом *bleg* в албанском слове *blegtor* 'скотовод' (3, с. 37). К разным источникам возводит данную лексему Ф.Гордеев. В одной из своих работ он приводит для нее параллели из осет. *мулк* 'имущество', талж. *мулк, молу, амвол* 'богатство, имущество', ягн. *mol* 'богатство; овцы, козлы', шугн. *mool* 'мелкий рогатый скот; имущество' (13, с. 198). В "Этимологическом словаре марийского языка" *вольык* считается им булгаризмом, восходящим, в свою очередь, к древнерусскому источнику (14, с.137). Совершенно иной является его последняя трактовка происхождения данного слова,

где оно квалифицируется как балтизм. Подчеркивая то, что в лексике тюркских языков термин *вӓльӓх* 'скот' занимает одинокую позицию, и что у тюрков скот обозначается словом *мал* (соответствующее ему чув. *мул* имеет значение 'имущество, добро, богатство'), Ф.Гордеев заключает, что булгары сами восприняли его из марийского языка. Общемар. *волык* < **волек* он сопоставляет с исчезнувшим балтским словом *givulė̃k* 'скот', 'скотина', образованным на ономатопоэтической основе в добалтское время, ср. русск. *блекотать* 'блеять', ст. слав. *блекати* 'тж', сербохорв. *блек* 'блеяние', слов. *blekati, bleketati* 'тж' (15, с. 114). Данную версию поддерживает И.Галкин (16, с. 45); об этом см. (17, с.303).

Я считаю, что ономатопоэтический путь происхождения слова, обозначающего скот, маловероятен. Понятие скот этимологически связано с понятием 'деньги, имущество, богатство'. Скот служил средством обмена и был главным достоянием человека (скот - имущество). Домашние животные были первой частной собственностью человека и явились главной причиной возникновения имущественного неравенства. Известно, что у многих народов до появления в роли денег благородных металлов эквивалентными единицами были быки. Древнефризское *skel*, например, означает 'скот, деньги', лат. *pecu* 'скот', *pecunia* 'деньги, имущество', др.-анг. *feoh* 'скот, имущество, добыча', тюрк. *мал* 'имущество, богатство, добро, деньги, товар, скот' и т.д.

В балтийских языках, см. лит. *gyvulis, gyvulūs, gyvulio*, мн. ч.: *gyvuliaĩ* 'живое существо, зверь, домашнее животное', лтш. *dzîvnieks, dzîvuonis* 'тж' связываются с глаголом *gyti* 'жить, быть здоровым', восходящим к др.-инд. *jīva*— др.-перс. *jīva*, лат. *vivus* 'живой', ср. также др.-инд *gáva* 'дом, двор', авест. *gay* 'жить', др.-перс. *gaiva* 'живое существо; хозяйство, владение, имение' < и.-гер. **gu(i)iō̯, *gu(i)i̯ā* греч. *βίος*, авест. *jiātu*, лат. *vita* 'жизнь' (6, с.154), ср. тат. *терлек* 'скот, скотина' < др.-тюрк. *tirig* 'живой', *tiriglik* 'жизнь'.

Я склонна рассматривать мар. *волык* 'скот, скотина' как балтийское заимствование, точнее,как индоиранское наследие с суффиксом *-ык*. Первоначальное значение слова, по всей вероятности, было 'живой, одушевленный' и наряду с человеком относилось вначале ко всем живым существам, после чего перешло на домашний скот, в дальнейшем семантика слова расширилась до значения 'имение, имущество, богатство, деньги'. Суффикс *-ык* в марийском языке образует имена существительные от глагольных и именных основ, см. *тым* 'спокойствие' — *тымык* 'тишина', *вож, важ* 'корень, разветвление' — *важык* 'сажень, развилина', *кумда* 'широкий' — *кумдык* 'ширина' и т.д.

Не исключена возможность, что в процессе исторического развития слово могло подвергнуться и тюркскому влиянию, см. тат., турк. *улак*, *улыч* 'любое домашнее животное, используемое для транспортировки', с которыми Н.Золотницкий и М.Рясянен (2, с. 123) сравнивали чув. *выльăх*.

К индоиранским и индоевропейским источникам восходят также слова *ушкал* 'корова' *ушкыж* 'бык', *сосна* 'свинья', *ври* 'овца', *туна* 'телка', *ожо* 'жеребец', *вуль* 'кобыла', *талгыде* 'жеребенок-стригунок', *чома* 'жеребенок' (18, с. 113-126; 19, с. 55-62).

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что большинство названий домашних животных связаны с индоиранским и индоевропейским источниками. Об этом свидетельствуют как археологические, так и языковые данные. Исключение составляют только зоонимы *имне* 'лошадь', *алаша* 'мерин' (явление кастрации животных стало известно марийцам только с приходом тюркских народов в междуречье Волги-Камы) и *шорык* 'овца' (этимология его окончательно не выяснена).

Сокращения языков: *авест.* — авестийский, *арм.* — армянский, *греч.* — греческий, *др.-анг.* — древнеанглийский, *др.-инд.* — древнеиндийский, *др.-перс.* — древнеперсидский, *др.-тюрк.* — древнетюркский, *др.-чув.* — древнечувашский, *и.-гер.* — индогерманские, *и.-е.* — индоевропейский язык-основа, *казах.* — казахский, *кирг.* — киргизский, *лат.* — латинский, *лит.* — литовский, *латш.* — латышский, *мар.* — марийский, *монг.* — монгольский, *общемар.* — общемарийский, *осет.* — осетинский, *русск.* — русский, *сербохорв.* — сербохорватский, *слов.* — словенский, *ст.-слав.* — старославянский, *тадж.* — таджикский, *тат.* — татарский, *турк.* — туркменский, *тюрк.* — тюркские, *чеш.* — чешский, *чув.* — чувашский, *шугн.* — шугнанский, *яп.* — японский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Третьяков П.Г.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л., 1966.

2. *Räsänen M.* Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen MSFOu XLVIII, 1920.

3. *Серебренников Б.А.* Происхождение чуваш по данным языка// О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957.

4. *Туманян Э.Г.* Морфологический анализ индоевропейских терминов, обозначающих животных, в армянском языке // В Я, 1968,

№ 5.

5. *Щербак А.М.* Названия диких и домашних животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

6. *Fraenkel E.* Litauiches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg Göttingen, 1962, 1965. 1-2.

7. *Gaareste A.* Leksikaalseist wahekordadest cesti murretes. Fartu, 1924. Eesti Wabariigi Fartu Ulikooli Toimetused. Asta et commentationes Universitatis Dorpatensis. B.Humaniora VI, Tartu, 1925.

8. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь северо-осетинского языка .Т. II-IV. Л., 1973, 1979, 1989.

9. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1964.

10. *Трубачев О.Н.* Реконструкция слов и их значений. //ВЯ. 1980, № 3.

11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М. 1986-1987.

12. *Федотов М.Р.* О некоторых тюркских заимствованиях в марийском языке // СТ. 1985, № 4.

13. *Гордеев Ф.И.* Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

14. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. В-Д. Йошкар-Ола, 1983.

15. *Гордеев Ф.И.* Историческое развитие лексики марийского языка. Йошкар-Ола, 1985.

16. *Галкин И.С.* Марий исторический лексикологий. Йошкар-Ола, 1986.

17. *Федотов М.Р.* Рец.: Галкин И.С. "Марий исторический лексикологий". Йошкар-Ола, 1986 // СФУ, 1987, № 4.

18. *Кузнецова М.Н.* О названиях домашних животных в марийском языке // Fenno-ugristica. In memoriam Paul Ariste. 17. Tartu, 1990.

19. *Кузнецова М.Н.* Этимологические заметки о некоторых названиях домашних животных // Вопросы марийской ономастики. Вып. 8. Йошкар-Ола 1993.

M.N.Kuznetsova

ON THE ORIGIN OF THE NAMES OF SOME DOMESTIC ANIMALS IN THE MARI LANGUAGE

The names of domestic animals in the Mari language are mostly borrowed words. Scientific literature points out different sources of borrowings, but on the whole these borrowing are subdivided into Indo-Iranian and Turkic.

Having done a special research we can also conclude that most of the names of domestic animals are connected with the Indo-Iranian and Indo-European sources. This fact is proved by both archaeological and linguistic data. However, there are some exceptions, these being zoonyms: *imne* 'a horse', *alasha* 'a gelding' (the Mari hadn't had such a notion as *gelding* before the Turks came to the territory between the Volga and Kama rivers) and *shoryk* 'a sheep' (its etimology is not quite clear yet).

«Финно-угроведение», 1994 г., №1

Обзоры и рецензии

Василий Ванюшев
Ижевск

МЫ – ФИННО-УГРЫ

О книгах Петера Домокоша "История удмуртской литературы" (Ижевск: Удмуртия, 1993. — 446 с.) и "Формирование литератур малых уральских народов" (Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1993.— 287 с.)

Один из известнейших финно-угроведов в мире, венгерский ученый Пал Петер Домокош неоднократно сетовал на то, что многие его труды, как и других его коллег, написанные на родном языке и выпущенные у него на родине, остаются незатребованными и не вовлеченными в научный и общекультурный оборот в России, хотя эти работы, как правило, касаются нас, российских финно-угроведов. Мешает незнание венгерского языка нашими специалистами. Такие сетования справедливы. Лишь единицы российских финно-угроведов могут читать на венгерском языке. Огорчение ученого тем более понятно, что он издал в Будапеште две основательнейшие монографии — "История удмуртской литературы" (1975) и "Формирование литератур малых уральских народов" (1985), в которых в преломлении путей становления и развития словесной культуры финно-угорских народов (главным образом российских) рассматриваются такие важнейшие вопросы, как возможности их выживания и их вклад в мировую культуру. Первый из этих трудов был защищен автором в качестве кандидатской диссертации в 1973 году, второй — в качестве докторской в 1984 году. Ученым подняты огромнейшие пласты художественного творчества писателей финно-угорских народов и исследований о них, накопившиеся в мировой науке ко времени создания этих трудов. Обе книги по заказу Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (нынешнее название) были переведены преподавателем Ужгородского университета Верой Васовчик на русский язык и в нескольких

машинописных экземплярах находились в фондах библиотеки института. Ими пользовались и преподаватели, и студенты Удмуртского университета, нередко ссылались на них литературоведы Удмуртии, порою споря между собою и дискутируя с венгерским коллегой. Тем не менее монографии Петера Домокоша для российских исследователей, не говоря уже о массовых читателях, оставались "вещью в себе". И вот покров нежелательной "таинственности" снят: обе они в 1993 году (одна в Ижевске, другая в Йошкар-Оле) вышли на русском языке.

Эти две книги (как, впрочем, и все, что написал П.Домокош) составляют неделимые части единого и цельного исследования, нашедшего наиболее обобщающее выражение во второй из них. Автор указывает, что она явилась результатом более чем двадцатилетней работы. Повествуя о ходе изучения им литератур уральских (финно-угорских и самодийских) народов, он пишет: "В соответствии с моими планами и представлениями я намеревался в одной большой работе осветить сначала литературу какого-либо одного малого уральского народа... и это осуществил в моей кандидатской диссертации по удмуртской литературе". Он отмечает, что книгу "История удмуртской литературы" можно считать одной из возможных моделей разработки материала при исследовании литератур малых народов, неизвестных общемировой науке. Сущность этой "модели" он изложил в заключительной главе ("Младописьменная литература и мировая литература. Перспективы") первой монографии: быть замеченной и войти в мировую науку, в общечеловеческую культуру каждая из литератур малых народов может лишь как часть единой системы, в данном случае — словесной культуры финно-угорского мира. Этой основной мысли подчинено главное содержание и второй монографии.

Научная концепция, к которой пришел Петер Домокош, — результат его упорных поисков в течение долгих лет. Еще будучи студентом, в 60-е годы он опубликовал свою первую научную работу — статью "Современная удмуртская литература". С тех пор его творческие интересы были связаны с литературой финно-угорского мира.

После успешного завершения филологического факультета Будапештского университета Петер Домокош был направлен на работу в СССР: преподавал венгерский язык и литературу на кафедре финно-угроведения Ленинградского университета. Целенаправленно и плодотворно использовал он это время для осуществления своих далеко идущих замыслов. Он понимал, что выполнить задуманное в пределах Венгрии невозможно: уральские литературы в библиотечных фондах представлены довольно скудно. "Пять лет я работал в Ленинграде (1965-1970) в качестве приглашенного преподавателя, — пишет он по этому

поводу, — ездил в Сыктывкар, Йошкар-Олу, Петрозаводск, Тарту и другие места; ко мне приезжали и жили у меня многочисленные писатели и филологи — представители родственных по языку народов. И всегда я просил у них только одно — книги и информацию. Так продолжается до сих пор. Именно этим я "славился и славлюсь" среди коллег и друзей: П.Д. опять просит книг". И в другом месте: "Материал, легший в основу данной книги, собирался мною во время пятилетнего пребывания в СССР... брался в финских библиотеках во время моих командировок в Финляндию в 1978 и в 1979 годах, но наибольшую часть данных я получил от тех поэтов, писателей, филологов малых родственных народов, с которыми в течение этих лет удалось установить хорошие личные контакты". В личных беседах он не без гордости говорит, что в его домашней библиотеке накопилось столько материала по финно-угроведению, сколько не содержит, пожалуй, ни одна библиотека в мире. И этот бесценный дар дал свои плоды: Петер Домокош стал не просто литературоведом, а весьма эрудированным и опытным финно-угроведом в широком смысле этого слова.

П.Домокош называет ряд своих работ, которые помогли ему прийти к своему обобщающему труду — ко второй из монографий. Среди них богато иллюстрированный переводами художественных произведений на венгерский язык обзор уральских литератур, появившийся в журнале в 1972 году. В 1975 году вышла близкая к тому обзору, но более обширная по объему (примерно 1000 страниц), антология "Медвеэнек" ("Медвежья песня"), в подзаголовке которой значится "Зеркальце литературы восточных уральских народов" и в которую вошли произведения фольклора и профессиональной литературы манси, хантов, ненцев, саамов, коми, удмуртов, марийцев, мордвы. Кроме общего введения, к произведениям каждой национальной литературы представлена вступительная статья. В 1982 году увидел свет подобный сборник избранных произведений поэзии уральских народов "Сила песни" на французском языке, составленный совместно с финно-угроведом и поэтом из Парижа Жаном-Люком Моро. Вместе с венгерским лингвистом Петером Хайду написан и издан в 1978 году учебник для высших учебных заведений "Наши уральские родственники по языку", где обрисована история развития всех (за исключением венгерской) финно-угорских литератур. В своей книге "Пособие по уральской литературе", выпущенной в 1982 году на немецком языке, в ряду всех уральских литератур он рассматривает и венгерскую. Несколько статей общего, сравнительного характера составили его книгу "О литературе восточных финно-угорских народов", выпущенную в 1983 году на финском языке.

К сожалению, многие из этих работ до сих пор еще не вовлечены в активный оборот российского финно-угроведения.

Значение факта издания книги венгерского ученого об удмуртской литературе в Будапеште выходило за пределы литературоведения. Цели и задачи своего исследования автор определил сам: изучение и популяризация произведений удмуртской художественной литературы за пределами нашей страны, на Западе. А литература, как известно, является полпредом народа. П.Домокош представлял Западу удмуртский народ, его литературу, культуру.

Автор обращается в первую очередь к венгерскому читателю. Этим объясняется и структура труда. Ученый заостряет внимание и на том, что нам кажется само собой разумеющимся, и на таких сторонах истории, которые мы непосредственно не относим к литературе. Это оправдано в книге, предназначенной для тех, кто мало знает об удмуртах.

Книга состоит из введения и шести глав: "История удмуртов"; "Удмуртский фольклор"; "К вопросу об удмуртском литературном языке и удмуртской письменности"; "История удмуртской литературы"; "Общая характеристика удмуртской литературы, структура ее жанров"; "Младописьменная литература и мировая литература. Перспективы". Каждая из глав делится на разделы и подразделы. В главе, непосредственно излагающей историю литературы, обзорные параграфы, характеризующие динамику литературного процесса того или иного периода, перемежаются монографическим описанием и литературоведческим анализом творчества наиболее выдающихся писателей: Г.Верещагина, Кедра Митрея, Ашальчи Оки, Г.Медведева, М. Коновалова и т.д.

Добротное исследование П.Домокоша отчасти является как бы и хрестоматией: в книге широко представлены произведения фольклора и писателей в художественных переводах лучших венгерских поэтов и самого автора труда.

Интересные, новые материалы подняты П.Домокошом по удмуртскому эпосу, народной песне. Он значительно расширил представление о письменных истоках удмуртской художественной литературы, восходящих к середине XVIII века.

Привлекает внимание стремление автора проследить развитие традиций литературы, рассмотреть ее историю как процесс, где одно явление порождено другим, предшествующим. Отсюда идет смелое сопоставление творчества более поздних писателей с произведениями более ранними, с фольклором. Примечательна широта охвата источников об удмуртской литературе. Венгерский ученый использует и такие книги, статьи, которые удмуртское литературоведение до него не вводило в широкий научный оборот. Работа П.Домокоша в общем

доброжелательна по отношению к писателям и ко всей удмуртской литературе. В творчестве каждого прозаика, поэта автор отмечает добрые начала, свидетельствующие о развитии нации. Импонирует его умение связывать биографические данные писателей с особенностями их творчества, проникать во внутреннюю структуру произведений.

Книга П.Домокоша полемична по своей направленности, отчего она и сама вызвала полемические отзывы и в Удмуртии, и в Москве, особенно на первых порах после ее появления. Известный финно-угровед из Парижа Ж.-Л.Моро в рецензии, опубликованной в США, писал, что "История удмуртской литературы" П.Домокоша представляет собой решительный пересмотр всех ценностей, утвержденных в сталинскую эпоху. Этому утверждению нельзя отказать в значительной доле справедливости.

Неприятие работы П.Домокоша официальными органами Удмуртии, скажем, в 1978 году, когда она обсуждалась на совместном расширенном заседании ученого совета УдНИИ и правления Союза писателей Удмуртии (о чем упоминает П.Домокош в разделе "От автора" второй монографии) усиливалось тем, что в нем высказаны нелицеприятные суждения о творчестве некоторых писателей, имевших еще тогда сильную поддержку и доверие "наверху".

Осознание непреходящей ценности работы П.Домокоша, несмотря на некоторые неточности и спорные моменты в ней, приходило постепенно. Показательна эволюция отношения к ней со стороны литературоведа А.Шкляева. На совместном заседании, о котором говорилось выше, он главным образом критиковал венгерского ученого за идеологические просчеты. В статье, напечатанной в журнале СП Удмуртии "Молот" в начале 80-х годов, он хотя и полемизирует с автором монографии, но видит в ней и литературоведческие достоинства. В статье "Петер Домокош об удмуртской литературе", напечатанной в сборнике "Венгерские ученые и пермская филология" (УдНИИ, 1987), А.Шкляев даже пытается расчленить автора монографии на три ипостаси и защищать его от самого себя. "Домокош-критик, Домокош-писатель (?) нередко оказывается выше Домокоша-теоретика, — пишет он. — Домокош сам опровергает свои логические построения и дает неопровержимые доказательства в защиту развития удмуртской литературы по пути синтеза национального и интернационального". В послесловии к изданию этого труда на русском языке (1993) А.Шкляев уже делает вид, что он никогда не разоблачал П.Домокоша в идейно-теоретических грехах и пытается обвинить кого-то в том, что эта книга так задержалась с выходом в Ижевске.

Уже в первой монографии П.Домокош предпринял усилия для

сопоставления удмуртской литературы с другими, как бы делая заявку на свой обобщающий труд "Формирование литератур малых уральских народов", который вышел в Будапеште в 1985 году. Он представляет собою сравнительно-типологическое изучение литератур финно-угорских и самодийских народов.

В основе отбора исследуемых литератур в работе П.Домокоша находится генетическое родство народов, их культур. Автор выделяет семь типологических групп, при этом сознательно отказываясь от подробного рассмотрения в этой книге таких литератур, как венгерская (первая группа), финская и эстонская (вторая группа), имея в виду, что они наиболее изучены. Свое пристальное внимание ученый уделяет третьей (мордовская, марийская, удмуртская, коми, коми-пермяцкая литературы), четвертой (мансийская, хантыйская, ненецкая, селькупская литературы), пятой (карельская), шестой (саамская) и седьмой (ижорская, вепсская, водская и ливская) группам литератур, считая, что каждая из них заслуживает такого же внимательного изучения, как и венгерская, финская и эстонская.

Автор работы справедливо указывает, что предмет его исследования относится, с одной стороны, к такой комплексной науке, как уралистика в целом, с другой — ко всеобщему литературоведению. Он не ограничивает себя чисто литературоведческим материалом, связывает его с языкознанием, фольклористикой, открывая при этом богатые возможности выявления общего и особенного в исследуемых литературах, их тесных связей с историей, культурой народов в широком смысле слова.

С активной наступательностью П.Домокош утверждает систему новой дисциплины — уралистского литературоведения. "Самой молодой отраслью уралистики является исследование литературы, — пишет он во "Введении" второй монографии. —...История этих литератур как научная дисциплина возникла только в 1960 году во время работы I Международного конгресса финно-угроведов..., до 1968 года медленно догоняла традиционную уралистику, стремясь отыскать свое место во всеобщем литературоведении..., а затем все более и более развиваясь...". Трудности утверждения литературоведения в уралистике заключались прежде всего в необходимости преодоления инерции монополии языкознания, издавна установившейся в этой отрасли науки.

Свои трудности утверждения уралистского литературоведения во всемирной науке о литературе. "Составлять труд по предмету уральских литератур, — пишет П.Домокош, — неблагодарная задача. Большинство литературоведов с недоверием смотрит на уральские (м.б. вернее: "на уралистские"? — В.В.) темы, и лишь немногие включают литературы уральских народов, особенно малых, в состав мировой

литературы". Он указывает и причину такого предвзятого отношения. Это прежде всего — незнание фактов. "Рассуждения о литературах уральских, равно тюркоязычных, в которых коллега иногда не знает даже названия отдельного народа или возмутительным образом перевирает его и путает, оставляют неприятный осадок", — пишет ученый. Он адресуется прежде всего к коллегам из своей страны: "Венгерский ученый, не могущий отличить остяков от вотяков, выглядит дилетантом точно так же, как любой западный коллега, не ориентирующийся в восточно-европейских языках, народах и городах, выглядит подобным же образом для нас".

Вторую монографию П.Домокоша можно назвать сугубо теоретической. Здесь в редких случаях находится место для анализа каких-либо конкретных произведений. В работе идут поиски в более глобальных масштабах: в рамках национальной литературы; одной из семи выделенных групп; всего финно-угорского мира; общечеловеческой культуры. Поэтому в качестве примеров ученый нередко ссылается на анализ конкретных литературных явлений, содержащихся в своих предыдущих трудах. Наибольшее количество ссылок падает, пожалуй, на "Историю удмуртской литературы", особенно когда речь идет о третьей (удмуртская, марийская, мордовская, коми, коми-пермяцкая) и седьмой (карельская) группах литератур, имеющих немало типологически общих черт.

Структура книги подчинена двум главным устремлениям автора: определению места литературоведения в уралистике; поискам путей утверждения литературы уральских народов в мировой культуре.

Решая первую из этих главных задач, автор труда делает краткий обзор исследования уральских литератур до него, рассматривает связь литературоведения с языкознанием, фольклористикой, вопросы диалектов и разговорной речи, литературного языка и языка литературы, билингвизма и национальной письменности... Определяя место литературы в культуре малых уральских народов, он обращается к некоторым вопросам социологического характера — книгоиздания (тиража и читаемости), значения учебников и школ, прессы, театра, состояния национальной науки для развития общей культуры народов и такой значительной части ее, как художественная литература. При этом справедливо и с искренним сожалением отмечает, что даже в среде интеллигенции этим вопросам уделяется незаслуженно мало внимания.

В рамках решения второй из названных главных задач ученый рассматривает такие вопросы, как место исследования уральских литератур в мировом литературоведении, взаимосвязи уральских литератур (с привлечением венгерских, финских, эстонских данных) между собой, практика взаимного перевода с родственных языков и лите-

ратур, развитие национального и общечеловеческого в уральских литературах и их место в мировой культуре...

Центральное место в книге занимает обзор литератур малых уральских народов, внутри которого наиважнейшей проблемой встает, пожалуй, определение типов литератур, систематизация их по группам на основе сходных и отличительных черт на путях их развития. Здесь, как и в других разделах, приводится множество имен писателей и ученых, называются произведения, ставшие классическими в рамках не только отдельных наций, но и всей финно-угорской семьи народов. В отдельном параграфе рассматривается творческий путь некоторых выдающихся личностей, их роль в формировании характерных черт литературы. "К сожалению, я не имею ни возможности, ни места для подробного, в оттенках воспроизведения их творческого пути (ведь большинство из них заслуживает отдельных диссертаций)", — справедливо пишет исследователь. Пусть читатель извинит за вынужденную "обойму", но хотя бы в перечислении хочется назвать эти имена. К наиболее выдающимся личностям мордовской культуры П.Домокош относит таких деятелей, как М.Евсевьев, З.Дорофеев, Д.Морской, П.Кириллов, К.Радеев, К.Абрамов; марийской — В.Васильев, С.Чавайн, М.Шкетан, Олык Ипай, В.Колумб, М.Казаков, К.Васин; удмуртской — Г.Верещагин, Кедра Митрей, Кузебай Герд, Ашальчи Оки, М.Петров, Г.Красильников, Ф.Васильев; коми — И.Куратов,Г.Лыткин, К.Жаков, В.Савин, В.Чисталев, В.Лыткин, В.Юхнин, Г.Юшков; коми-пермяцкой — М.Лихачев, С.Караваев, И.Минин; мансийской — П.Еврин, Ю.Шесталов; хантыйской — Г.Лазарев, В.Волгин, Е.Айпин; ненецкой — Т.Вылка, А.Пырерка, И.Истомин; селькупской — Т.Пыршина; карельской — Я.Виртанен, Хело Леа, Н.Яккола, А.Тимонен, Я.Ругоев, Т.Сумманен; саамской — Й.Гури, П.Утси, К.Палтто. Из творцов литературы седьмой группы П.Домокош называет лишь одного К.Сталтэ. Среди всех названных выше личностей он особо выделяет трех — Ивана Куратова (1839-1875), Кузебая Герда (1898-1937) и Ювана Шесталова (1937), считая их представителями малых уральских литератур в мировой литературе.

Подчеркивая сравнительно-типологический метод исследования в своей книге, ученый пишет, что включить литературы уральских народов в систему всемирной литературы возможно лишь при условии, если их рассматривать в сравнении не только между собой, но и с соседними восточно-европейскими, прибалтийскими и сибирскими литературами, сформировавшимися в одинаковых или сходных исторических и культурных условиях, так как ясно, что "наряду с субъективными особенностями (традиции, язык, сознание, творческие индивидуальности), они определены и своей географическо-экономической

и политической "зоной". Так, например, — пишет венгерский ученый, — может быть объяснена и истолкована чувашским и татарским окружением марийская культура, в свою очередь ненецкую помогает понять палео-сибирский ареал. Кроме того, в отношении их всех нельзя не принимать во внимание связь с русской культурой,имеющую глубокие корни".

Создав систему изучения литературы уральских народов, .Домокош внес свой вклад в мировое литературоведение, открыв для него новую область исследования — проблемы развития уральских литератур. С другой стороны, изучение истории каждой национальной литературы в таком широком диапазоне типологических связей является новым словом в науке о каждой из них.

Все пятнадцать литератур уральских народов (кроме саамской, представляющей особое исключение), которым венгерский ученый уделяет свое основное внимание, входят в состав российской многонациональной литературы. Работы Н.Черапкина, А.Пошатаевой, Н.Басселя, К.Васина, Е.Владимирова, Ф.Ермакова, М.Пахомовой, В.Демина, автора этих строк и других исследователей, хотя и касаются типологии российских уральских литератур и в совокупности составляют общую картину их развития во взаимных связях, в творческих контактах с русской и другими национальными литературами, ни один из этих исследователей еще не охватил всей системы литератур уральских народов, живущих в России. Значит, и в этом случае работа П.Домокоша является новым шагом в литературоведении. Она побуждает переосмыслить ряд положений по истории отдельных национальных литератур, а также учебные программы по литературе для университетов и других учебных заведений, усиливая в них моменты сравнительно-типологического рассмотрения генетически родственных литератур.

Монография отличается поисковым характером. Неудивительно, что имея дело с таким огромным фактическим материалом, автор часто признается, что в нем еще не разобрался, каких-то данных ему не удалось добыть, какие-то вопросы еще не изучены местными исследователями. Он ставит множество задач для себя и для других исследователей, настоятельная необходимость решения которых обусловлена самой логикой развития уральского литературоведения.

С болью в сердце пишет П.Домокош о нерешенных вопросах в жизни российских уральских народов, многие из которых в сегодняшних условиях неумолимо идут к ассимиляции, к этническому вымиранию. Вся книга в этом плане является как бы криком души, призывающим к усилению национального самосознания, к сплоченности и совместной целенаправленной деятельности во благо своих

народов и всего финно-угорского мира.

Можно бы отметить и отдельные неточности и упущения как автора, так и издателей этой книги. Однако не хочется их выпячивать и ослаблять общий положительный тон оценки труда. Тем более, что о некоторых из них в разделе "От автора" русского издания П.Домокош пишет и сам. "И все-таки я надеюсь, — продолжает он, — что книга, несмотря на пробелы и недостатки, независимо от не ценящей литературу и науку эпохи, является актуальной и кое-что может значить для малых уральских народов. Может быть, читатели почувствуют глубокую, искреннюю привязанность автора к народам суровой судьбы, его желание более основательно узнать их и познакомить их культуру "с общественностью", стремление поднять эти народы из неизвестности в круг известных языков и этникумов Земного шара. Как члены уральской (финно-угорской) языковой группы, они должны почувствовать, что они не одиноки, и нужно только верить в себя и поддерживать связь друг с другом".

Думается, что П.Домокош во многом добился задуманного. И эти его книги являются значительным вкладом в копилку такого содружества и взаимопомощи.

V.Vanyushev

WE ARE FINNO-UGRIANS

In 1993 two books by P.Domokos, a Hungarian researcher, were published in the Russian language, those being "The History of the Udmurt Literature" which appeared in Izhevsk and "The Formation of Literatures of the Uralic National Minorities" published in Yoshkar-Ola.

In these books the author gives the analysis of fifteen literatures of the Uralic nations except that of the Saamis. The publication of these books has marked a new step in literary criticism as the preceding papers by N.Cherapkin, A.Poshatayeva, N.Bassel, K.Vasin, Y.Vladimirov, F. Yermakov, M.Pakhomova, V.Pakhorukova, V.Dyomin and others, though dealing with the typology of the Uralic literatures and giving a general idea of their development due to the mutual ties and creative contacts with the Russian and other national literatures, don't embrace the whole system of literatures of the Uralic nations living in Russia. The books by P.Domokos make it possible to shed a clear light upon some propositions in the history of national literatures.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Рец.: *Современные мордовские языки. Фонетика (Сост. и общая ред.: Л.В.Бондарко, О.Е.Полякова. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1992. 208 с.)*

Ордена "Знак Почета" научно-исследовательский институт языка, литературы, истории при Правительстве Мордовской ССР планирует издание научной работы "Современные мордовские языки" в четырех частях: 1. Фонетика. 2. Лексика. 3. Морфология. 4. Синтаксис. Указанные работы готовятся сотрудниками сектора мордовского языкознания МордНИИЯЛИЭ, членами кафедр мокшанского и эрзянского языков МордГУ им. Н.П.Огарева, кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им.М.Е.Евсевьева, кафедры фонетики Санкт-Петербургского государственного университета, а также сотрудниками Института языкознания Российской Академии наук.

Вышедшая в свет первая часть из этой серии работ, как указано в краткой аннотации, является итогом того, что сделано в области описательной фонетики мордовских языков в последние годы. Она на основе экспериментальных данных дает подробное описание звуковой системы мокшанского и эрзянского литературных языков и предназначается для ученых-лингвистов, студентов вузов, учителей мокшанского и эрзянского языков, а также журналистов, писателей и специалистов по уральским языкам. Введение в ней относится ко всем четырем частям работы "Современные мордовские языки" ("Фонетике", "Лексике", "Морфологии", "Синтаксису") (с. 207). Следует при этом отметить, что оно написано канд. филол.наук А.П.Феоктистовым. Раздел "Фонетика", включающий рубрики "Фонетика как наука о звуковой системе языка. Предмет фонетики", написан проф. Санкт-Петербургского университета Л.В.Бондарко, подрубрики "Фонетическое членение речи", "Фонетическая транскрипция" — канд. филол. наук. В.Д.Объедкиным и О.Е.Поляковым, рубрика "Система фонем в мордовских языках. Гласные. Согласные" — О.Е.Поляковым, рубрика "Акустические характеристики гласных и согласных" — Л.В.Бондарко и канд. филол. наук О.М.Киушкиной, "Орфоэпия" — М.Т.Бибиным и В.Д.Объедкиным.

Экспериментальные материалы подготовлены в фонетической лаборатории им. Л.В.Щербы Санкт-Петербургского университета под руководством Л.В.Бондарко и обработаны О.М.Киушкиной с записей, сделанных на студии звукозаписи Государственной телерадиовещательной компании "Мордовия".

Авторский коллектив благодарит рецензентов Д.Т.Надькина и Д.В.Цыганкина за высказанные замечания, которые способствовали доработке книги (с.3).

Во введении (с.4-54) рассматривается территория распространения мордовских языков (указывается место локализации древнемордовских племен — прямых и непосредственных предков современных мокшан и эрзян. Их поселения располагались главным образом поблизости правых притоков Волги и Оки, в бассейнах рек Цна — Мокша, Сура — Алатырь), приводятся статистические данные о численности носителей мордовских языков (по переписи 1989 года она составила 1 153 987 человек; судя по данным переписи 1979 года, когда родным был назван один из мордовских языков 77,6% мордовского населения страны, 22,4% мордвы вообще не владеет своим родным языком — положение крайне тревожное). Вместе с тем очерчивается современная территория расселения мордвы и показываются ареалы, где проживает мордовское население, оказавшееся после миграции с первоначальной этнической территории. Выясняются исторические источники, содержащие разрозненные сведения о названиях мордовских языков. На основании обзора материала об уральских языках проиллюстрирована мордовская ветвь в этой большой языковой семье.

На конкретных материалах анализируются фонетические сдвиги в области гласных и согласных звуков, приведшие к радикальным преобразованиям фонологические системы мордовских языков. Продемонстрированы инновации в морфологии мордовских языков. По мнению А.П.Феоктистова, аналитический способ выражения грамматических отношений в сфере имени и глагола в большинстве случаев является общемордовским новообразованием, проявления же флективной морфологии (обычно в виде регулярных морфонологических изменений на морфемном шве) относится к еще более поздним инновациям. К новшествам в морфологии мордовских языков, как утверждает А.П.Феоктистов, следует отнести образование форм указательного склонения (грамматической категории определенности) с функциями индоевропейского артикля (с. 19-20). Характеризуя обновление глагольных парадигм на материалах эрзянских и мокшанских диалектов, он отмечает, что "в безобъектном и объектном спряжении глаголов в общемордовский период получили развитие формы семи наклонений — индикатива, императива, кондиционалиса, конъюнкти-

ва, конъюнктива-кондиционалиса, дезидератива и оптатива"(с.24-25). Следует при этом отметить, что к употреблению латинских терминов, не уяснив все их нюансы, следует, видимо, отнестись очень осторожно. Так, термин *дезидератив* в пособии функционирует со значением "желательное наклонение" (с. 27). На самом же деле лексема *дезидераты* (< лат. desiderata 'желаемое') в современном русском языке выступает в двух значениях: 1)уст. пожелания, требования; 2) предметы, книги, необходимые для пополнения какой-либо коллекции (музея, библиотеки и т.п.) (Сл. иностр. слов. М., 1987. С. 149; Энциклопед. Сл. М., 1987. С. 368). Для обозначения желательного наклонения, как правило, употребляется термин *оптатив* (< лат. optativus 'желательный') — грам. желательное наклонение (Сл. иностр. слов. М., 1987. С.348). Если выразиться доступными для широкого круга читателей терминами, то названия семи наклонений мордовских языков звучат следующим образом: изъявительное, повелительное, побудительное, сослагательное, условное, условно-сослагательное и желательное (Грам. морд. яз. Фонет., граф., орфограф., морфол. Саранск, 1980. С. 293-294).

Любопытно, что во многих диалектах эрзянского языка значение желательного наклонения передается описательно с использованием русского вспомогательного глагола *хотел*, видоизменившегося на почве отдельных диалектов в *котел: мон хотел тумо* 'я хотел(а) уйти'; *мон котел морамо* 'я хотел(а) петь' (с. 27-28).

Проницаемыми оказались и некоторые грамматические категории мордовских языков. Так, под непосредственным и интенсивным влиянием русского языка в мокшанском языке сложилась новая модель сослагательного наклонения с русской частицей *бы* (мокш. *ба*), например:

тонафне-лень ба 'я бы учился'
тонафне-леть ба 'ты бы учился'
тонафне-ль ба 'он бы учился'
и т.д. (с. 25)

По такой же модели с участием частицы *бу* 'бы' образуется конъюнктив во многих эрзянских диалектах, ср. эрз. (диал.) *эжи-виль бу* 'он согрелся бы', *оза-влинь бу* 'я сел бы' и др. (с. 26).

Кроме того, как отмечает А.П.Феоктистов, наблюдается перестройка деривационно-парадигматического рисунка неопределенных местоимений и обстоятельственных наречий по моделям русского языка. Материальной основой таких изменений являются деривационные элементы русских местоимений и наречий (с.30).

На лингвистической карте эрзянского языка А.П.Феоктистовым отмечены пять диалектных типов: центральный, западный, северо-западный, юго-восточный и шокшинский, который в разных

источниках именуется по-разному: смешанный, изолированный, тень-гушевский; мокшанского языка — три группы говоров: центральная, западная и юго-восточная (с.32-40). Кроме того, им зафиксирован четвертый тип мокшанских диалектов, который охарактеризован как переходный диалект (переходные говоры). Разновидности говоров смешанного (мокшанско-эрзянского или эрзянско-мокшанского) типа отмечены за пределами современной территории Мордовии (в Нижегородской, Пензенской, Саратовской и некоторых других областях Российской Федерации) (с. 40-41).

Касаясь вопроса возникновения мордовской письменности, автор "Введения" подчеркивает, что "мордовская письменность возникла и складывалась на завершающей стадии христианизации мордовского населения Российской империи в ходе борьбы православной церкви с остатками язычества у отдельных групп мокши и эрзи. Первые мордовские письменные тексты появились в XVIII веке. Лексика же фиксируется в печати с XVII века" (с. 43).

Во введении дается также периодизация истории мордовских литературных языков: дореволюционный, или дооктябрьский; послереволюционный, или послеоктябрьский; современный. Первые два периода разделены на этапы: 1) этап зарождения, 2) этап становления, 3)этап формирования и 4) этап кодификации литературных норм.

Кроме того, во введении даются краткие сведения об истории изучения мордовских языков. Особый интерес представляют подрубрики, посвященные изучению словарного состава, фонетики, грамматики и диалектов (с. 43-54).

Главу "Фонетика" (с. 55-172) открывает рубрика "Фонетика как наука о звуковой системе языка. Предмет фонетики" (с. 55-83). Здесь подчеркивается, что звуковые средства языка (все, что образуется в процессе речевой деятельности говорящего человека в результате работы его произносительного аппарата и что воспринимается слуховой системой слушающего человека и используется в данном языке для образования и различения значимых единиц) изучает специальный раздел языкознания — фонетика (с. 55).

Для передачи сегментных единиц — фонем, реализующихся в речи в виде звуков, в работе использована фонематическая транскрипция, заключающая фонему в косые скобки. Следует при этом отметить, что наиболее распространенным знаком для обозначения фонемы являются ломаные (угловые) скобки; фонетическая транскрипция, как правило, пишется в квадратных скобках. Что касается одной косой линии, то этот знак в большинстве случаев применяется для обозначения фонетических и лексических соответствий в родственных говорах, диалектах, языках; две параллельные косые линии — для обозначения

чередования фонем в пределах одного говора, диалекта, языка, межъязыковой общности, а также для обозначения параллельного употребления отдельных слов.

Излагая вопросы частной фонетики, т.е. описывая фонетику мордовских языков в синхроническом плане с применением экспериментальных данных, авторы пытались ознакомить читателей и с общими вопросами,связанными со звуковой стороной языка, и проиллюстрировать условия образования звуков, закономерности их сочетания и изменения. Между тем, освещая предмет фонетики, они не указали ни на одну из задач, стоящих перед фонетикой. В связи со сказанным можно было отметить, что частная фонетика, фонетика отдельного конкретного языка, звуковую сторону языка может изучать как в плане синхронии, так и в плане диахронии. Исследование фонетических явлений в плане синхронии — это изучение фонетики мордовских языков в данный момент их существования как сложившейся системы взаимообусловленных и взаимосвязанных элементов. Изучение фонетики мордовских языков в плане диахронии — это исследование их звукового строя во времени, при котором эволюция фонетических явлений излагается от древнейшего их состояния.

Рубрика "Система фонем в мордовских языках. Гласные. Согласные" (с. 83-134) расчленяется на ряд подрубрик. Так, названия подрубрик в отношении гласных обусловлены классификацией их по ряду (гласные переднего ряда и непереднего ряда), сочетаемостью гласных. Отдельная подрубрика посвящена фонетическим явлениям в области гласных, выпадению и вставке (с.92-93). Кроме того, в области вокализма рассматриваются такие звуковые явления, как чередование гласных, гармония гласных (с.93-95).

Названия подразделов в области консонантизма обусловлены классификацией согласных по месту и способу образований, по работе голосовых связок и положению средней части спинки языка по отношению к твердому нёбу (с. 95-116). Вместе с тем сочтено целесообразным включить в эту часть работы такие участки, в которых анализируются основные особенности употребления согласных, позиционные изменения согласных, рассматриваются ассимиляция, аффрикатизация, лабиализация, диэреза согласных, сочетаемость согласных в мордовских языках (с.116-131).

Частотность употребления фонем в мордовских языках демонстрируется статистическими данными. Как явствуют экспериментальные материалы, из мокшанских гласных самыми употребительными являются *ь*, *а* — на 8500 фонем текста *ь* встречается 1181 раз (13,1%); *а* — 979 раз (11%). Наибольшей частотностью среди эрзянских гласных характеризуются гласные *а* — на 9000 фонем текста встречается 1285

раз (14,1%); э — встречается 1205 раз (13,2%) (с. 132).

Из мокшанских согласных наиболее употребительным является заднеязычный глухой к — в анализируемом тексте из 8500 фонем встречался 578 раз (6,4%) (с. 133). В эрзянском тексте большую частотность имеют согласные: палатализованный носовой *н'* и глухой заднеязычный *к*: на 9000 фонем *н'* встречался 600 раз (6,6%), *к* — 500 раз (5,5%) (с.134).

Что касается количественного состава фонем, то авторами подмечено следующее: "В мокшанском литературном языке 7 гласных: *а, о, у, ь, и, э, а* и 33 согласных: *б, п, в, ф, д, д', т, т', з, з', с, с', ж, ш, ц, ц', ч, г, к, х, м, н, н', л, л', Л, Л', р, р', Р, Р', й, Й*;в эрзянском литературном языке 5 гласных: *а, о, у, и, э* и 28 согласных: *б, п, в, ф, д, д', т, т', з, з', с, с', ж, ш, ц, ц', ч, г, к, х, м, н, н', л, л', р, р', й*" (с. 84). Как свидетельствуют сравнительные данные, фонемный инвентарь мокшанского языка значительно богаче фонемного состава эрзянского литературного языка в отношении широкого переднерядного *а*, непереднерядного *ь*, а также двухфокусных глухих сонорных Л, Л', Й, Р, Р'.

Сопоставляя номенклатуру фонем мордовских языков с фонемным составом русского языка, авторы главы подчеркивают, что фонемный инвентарь русского языка состоит из 6 гласных и 35 согласных (с. 84). При этом следует отметить, что в отношении количественного состава русских согласных фонем существуют разноречивые мнения: одни лингвисты выделяют в русском языке 33 согласные фонемы (Козырев И.С., Демиденко Л.П. Совр. рус. яз.: Фонетика. Орфоэпия. Минск, 1981. С. 54; Совр. рус. лит. яз: Учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2116 "Рус. яз. и лит. в нац. шк." (Н.М.Шанский, А.Н. Тихонов и др. Л., 1988. С. 138; Совр. рус. яз.: Учеб. пособ. для студ. пед. ин-тов иностр. яз. и фак-та иностр. яз.) Д.С.Светлышев, А.А.Брагина, Ж.В.Ганиев и др. М., 1986. С. 86). Они не включают в систему гласных фонем <*г'*, *к'*, *х'*, *ж'*>. Другие, опираясь на позицию максимальной дифференциации (для согласных фонем положение перед гласными), выделяют 34 согласные фонемы (Совр.рус. яз.: Учеб. для филол. спец. вузов (Н.С.Валгина, Д.Э.Розенталь, М.И.Фомина. М., 1987. С. 90). Ими не включаются в номенклатуру фонем заднеязычные <*г'*, *к'*, *х'*>. 35 фонем выделяет Л.Л.Буланин. В разряд фонем он не включает фрикативные <*ш'*, *ж'*> (Фонетика совр. рус. яз. М., 1970. С. 51). В последнее время стали вести речь о 37 согласных фонемах русского языка (Матусевич М.И. Совр. рус. яз. Фонетика. Учеб. пособ. для пед. ин-тов по специальн. "Рус. яз. и лит." — М., 1976. С. 161; Рус. яз. Учеб. для студ. пед. ин-тов по спец. № 2121 "Педагогика и метод. нач. обуч." В 2-х ч. Ч. 1. Введен. в науку о яз.

Фонетика. Графика и орфогр. (Л.Л.Касаткин, Л.П.Крысин и др. М., 1989. С. 221).

В главе "Акустические характеристики гласных и согласных" (с.134-172) анализируется относительная длительность звуков, характеризуется их частота, рассматриваются фонетические явления в потоке речи, ударение и интонация.

Что касается подрубрики "Ударение" (с. 142-143), то из нее можно получить лишь фрагментарные сведения о словесном ударении. Опираясь на изложенный материал, можно представить, что слог в мордовских языках выделяется долготой произношения. Следовательно, ударение мордовских языков является долготным, количественным, или квантитативным. Подчеркивается, что в мокшанском языке ударение падает, как правило, на первый слог — место ударения определено, зафиксировано. Однако фиксированность часто нарушается качеством широкого гласного *а*, который перетягивает на себя ударение. В эрзянском языке ударение нефиксированное, т.е. не закрепленное за определенным местом в слове. Нефиксированное ударение бывает подвижным и неподвижным. Подвижное ударение — то, которое меняет свое место при изменении грамматической формы одного и того же слова; неподвижное — то, которое не меняет свое место от изменения формы слова.

Какой тип ударения является продуктивным в мордовских языках? Синтезируя указанные позиции данной подрубрики, трудно представить, все ли слова мордовских языков несут на себе ударение, имеются ли проклитики и энклитики?

В главе "Графика" (с. 173-176) анализируются основы мордовского письма, рассматриваются фрагменты истории развития мордовской графики. При этом подчеркивается, что в дореволюционный период для передачи специфических явлений мордовских языков в мокшанский алфавит были введены дополнительные графемы для обозначения палатального *а* (графема я), редуцированного гласного *ъ* (графема ы). Однако в первые годы послереволюционного периода из графической системы мордовских языков были изъяты все дополнительные знаки. К концу 20-х годов мордовская графика по количеству знаков и по их начертанию полностью совпала с графикой русского языка.

Мокшанский и эрзянский алфавиты, созданные на базе русского, состоят из 33 букв, которые обозначают 7 гласных и 33 согласных в мокшанском языке, 5 гласных и 28 согласных — в эрзянском (с. 174).

В главе "Орфография" (с. 177-182) дается понятие об орфографии, анализируются фонетический и морфологический принципы напи-

сания. Об особенностях дифференцирующих написаний отмечено, что к ним относятся такие случаи, когда два одинаково звучащих, но разных по значению слова пишутся по-разному: *морга* 'сук' и *Морга* — название села, *сятко* 'искра' и *Сятко* — название журнала (с. 179).

Кроме того, в этой главе рассматриваются вопросы раздельного, дефисного и слитного написания; правописания русизмов; делается краткий экскурс в историю мордовской орфографии.

На основе фрагментарных сведений составлена глава "Орфоэпия" (с. 183-190), где отрывочные сведения даются о произношении гласных и согласных, в форме тезисов излагаются правила произношения ауслаута мордовской основы слова при словоизменении, обращается определенное внимание и на произношение заимствованных слов.

Книгу завершают сноски и примечания. Введение состоит из 141 сноски (с. 191-200), глава "Фонетика" охватывает 17 сносок и примечаний, глава "Графика" — две, "Орфография" — одну (с. 200).

Завершая анализ глав, следует отметить и некоторые неточности, упущения, имеющиеся в книге "Современные мордовские языки. Фонстика".

Так, рассматривая аллофоны *<а>*, авторы отмечают следующее: "... в словах *сада* и *с'ада* выступают два различных комбинаторных аллофона фонемы *(а)*: один может быть обозначен как *(а)*, другой — как *(·а)*, артикуляция которого близка к среднеязычному" (с. 58). Нетрудно заметить, что речь идет о среднерядном аллофоне, ибо гласные парадигматически характеризуются тремя дифференциальными признаками: подъемом (положением спинки языка по отношению к нёбу), рядом (положением кончика языка относительно зубов) и лабиальностью (участием губ в артикуляции).

Имеются случаи неотточенностей отдельных выражений и мыслей в плане стилистическом. Показательным в этом отношении является предложение: "Несмотря на то, что каждый литературный язык существует в двух видах — в устной и письменной форме, — именно устная форма существования является основной, исходной" (с. 55), которое стало бы предельно ясным после соответствующей редакторской правки: "Несмотря на то, что каждый литературный язык существует в двух формах — устной и письменной — именно устная является исходной и основной формой существования языка" и др.

Греческое слово *phōnē* 'звук' видоизменено в *phonē* (с. 55).

Изредка встречаются пунктуационные погрешности (с. 9, 107).

Выявляется и то, что авторы иногда ограничиваются описанием фактов звуковых явлений, не прибегая при этом к глубоким анализам и теоретическим обобщениям.

В целом книга производит хорошее впечатление и критические замечания рецензента ни в коей мере не умаляют ее значения.

В заключение следует отметить, что рецензируемое издание представляет собой серьезное научное исследование и заинтересует специалистов по уральским языкам.

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

MODERN MORDOVIAN LANGUAGES. PHONETICS. SCIENTIFIC-RESEARCH INSTITUTE OF LANGUAGE, LITERATURE, HISTORY AND ECONOMICS ATTACHED TO THE GOVERNMENT OF THE MORDOVIAN SSR; WRITTEN AND EDITED BY L.V.BONDARKO, O.Y.POLYAKOVA. – SARANSK: THE MORDOVIAN PUBLISHING HOUSE, 1992, P.208 REV. OF A.KUKLIN

The Badge of Honour Scientific-research Institute of Language, Literature, History and Economics attached to the Government of the Mordovian Republic is going to publish a scientific work titled "Modern Mordovian Languages" consisting of four books: 1. Phonetics. 2. Lexis. 3. Morphology. 4. Sintax. The above-mentioned works are being prepared by the scientists and researchers of different scientific establishments, such as: the Mordovian Linguistics Department of the Mordovian Scientific-research Institute of Language, Literature, History and Economics, the Chairs of the Moksha and Erzya Languages of the Mordovian State University name after N.P.Ogaryov, the Chair of the Mordovian Languages of the Mordovian State Teachers' Training Institute named after M.Y.Yevsevyev, the Chair of Phonetics of the St.Petersburg State University, the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

The first book of the work planned — "Phonetics" — has already been published. It is a profound scientific research though some of its points can be criticised. For instance, the authors of the book sometimes confine themselves to the description of phonetic penomena without a thorough analysis and general theoretical conclusions.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Рец.: *Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 216 с.*

В наше сложное время, когда, с одной стороны, резко возрос интерес народов России к своей истории, а с другой стороны — самобытная культура и языки этих народов, в особенности малочисленных, переживают весьма трудный период, появление новых научно-популярных книг, посвященных культурно-исторической проблематике, представляется весьма желанным и своевременным. Это тем более важно, что такие книги, будучи написаны ведущими специалистами в своей области, представляют собой, как правило, и чисто научную ценность — как обобщение новейших достижений науки, "пробный шар" для предложения новых концепций, взглядов и исследовательских подходов. Именно такими книгами являются вышедшие в России труды по языкам, истории и культуре финно-угорских народов, принадлежащие перу лингвистов (П.Хайду, Д.Е.Казанцев, Е.А.Хелимский и др.), этнографов (С.А.Токарев, К.И.Козлова, Г.А.Сепеев и др.) и археологов (А.П.Смирнов, П.Н.Третьяков, В.Н.Чернецов, А.Х.Халиков и др.).

Появившаяся недавно книга доктора исторических наук, профессора Марийского университета В.С.Патрушева "Финно-угры России" не является, таким образом, единственной в ряду этих изданий, но могла бы стать продолжением доброй традиции и сослужить хорошую службу как для развития самой науки, так и для удовлетворения интереса широких слоев читающей публики. При этом книга должна бы удовлетворять минимальным требованиям, а именно: отражать современные, новейшие достижения, гипотезы и дискуссии той науки, от лица которой она выступает (в данном случае — археология); в ней необходимо обратиться к смежным дисциплинам (возможно, прибегнув к комментариям специалистов, как это сделано в русском издании книги П.Хайду), материал которых должен быть изложен ясно, достоверно и выверенно, столь же ясными и выверенными должны быть стиль, язык и композиция работы, а иллюстрации — если предполагаются — качественными.

Однако с первых страниц рецензируемой книги становится ясно,

что этим требованиям она не соответствует. Точнее — ясно это становится уже по самому названию, которое не соответствует содержанию книги — "Финно-угры России", в то время как об угорских народах в тексте речи нет; имеется, правда, оговорка (с.4) о том, что автор рассматривает только Европейскую Россию, но суть дела это не меняет: название книги должно соответствовать ее содержанию. Впрочем, угры на первых страницах все-таки упомянуты — наряду с самодийцами, причем именно к уграм и самодийцам автор относит саамов (с.4). Это, по всей вероятности, не случайная неточность, так как в книге, рассматривающей этническую историю финно-пермских народов России, происхождению саамов, попадающих, казалось бы, в число этих народов, не уделено ни единой строчки. Производимая автором перекройка уральской семьи этим не исчерпывается: из числа уральских народов устраняются ненцы (с.4), что тоже не случайность, ибо перечисляя уральские народы во второй раз и не забывая упомянуть водь и ливов (кстати, последние, по его данным, живут в России), В.С.Патрушев вновь не упоминает ненцев (с. 5).

Оригинален и подход автора к этнонимии. Чего стоят, например, приводимые им "различные" самоназвания карел — "карьялани" и "карьялайзет" (с.8) (из которых второе является, естественно, формой множественного числа от первого) или коми — "коми морт", "коми йоз", "коми войтыр" (с. 8). Почему бы, в таком случае, не дать несколько самоназваний марийцев типа марий ен, марий влак, марий калык? Новостью для лингвистов и этнологов станет и приводимое в книге самоназвание води — "vetjaleiset" (с. 174), на самом же деле — vatjalaiset. Не лучше обстоит дело и со старыми названиями. Так, вепсов до революции называли все-таки не "чудью" (с.8), а чухарями; слово "вотяк" — русское название удмуртов, а не самоназвание их, как это следует из текста (с.8); летописная русская "карела" — не синоним современного слова "карелы", поэтому говорить, например, о "карельском эпосе" (имея в виду карело-финский эпос) и т.п. (с. 173-176) неграмотно. Впрочем, это не единственный пример "знания" автором вопросов этнонимии и истории слов. Так, на с. 181 Патрушев всерьез объясняет этноним "чудь" как "чужой, чудак", а слово "поганый" (т.е. просто "язычник") в отношении ижорского старейшины Пелгусия в русской летописи вызывает у него бурю негодований (с.178). На этом фоне уже не удивительно упоминание в книге "Финно-угров юго-западных районов России" (с. 51).

Вообще с терминологией у В.С.Патрушева большие трудности. Он не различает понятий "металлургия" и "металлообработка" (с.18, 28); называет сейминско-турбинскую культуру турбинской (с. 11), а коми-пермяков и коми-зырян двумя этнографическими группами

народа коми (с.8); использует наименование "финно-пермские" (т.е. на самом деле — финно-угорские народы от саамов до коми) в значении "пермские" народы (с. 53, 126, название главы 10); пишет грациальный, говоря о северном грацильном одонтологическом типе (с. 7); употребляет термин типа "экзогамно-эндогамные брачные связи" (с. 62), которого нет ни в одном словаре этнографических терминов и понятий. Непонятно, кто подразумевается под "фенноскандскими финнами" (еще один неологизм автора) — то ли финны-суоми, то ли все финно-угры Фенноскандии (с. 53); двойную загадку представляет собой выражение "финноязычный (?) супер-этнос" (с. 53). Автор пишет о культурах "развитой бронзы" (с.38), между тем в археологии лесной полосы Восточной Европы такой период выделять не принято. Наконец, для текстильной (ложнотекстильной, сетчатой) керамики Патрушевым изобретен совершенно неприемлемый термин — "ниточно-рябчатая". Что сие должно означать, неизвестно: слова "рябчатый" не удалось обнаружитв ни в одном словаре русского языка.

Неудачны попытки использования в книге данных физической антропологии. В.С.Патрушев фактически объединяет лапоноидный и субуральский типы; не видит разницы между понятиями "лапоноидность" и "монголоидность", считая лапоноидный тип плодом смешения монголоидных и европеоидных популяций; следует только старым работам (например, К.Марк), совершенно не учитывая сложность проблематики и дискуссионность обсуждаемых вопросов (с. 6, 7). Патрушеву остались неизвестны работы В.В.Бунака, Г.М.Давыдовой, А.Г.Козинцева и др., новые исследования по палеоантропологии ананьинской культуры (В.П.Алексеев). Неубедительны рассуждения об особой физиономической (?!) близости марийцев с финнами, сохраняющейся, по автору, со времени их контактов в VIII-VI вв. до н.э. (?!).

Казалось бы, статистические данные — материал на редкость однозначный и понятный, но и здесь В.С.Патрушев сумел сказать "новое"слово: по его мнению, родным языком владеют свободно лишь 3,4% марийцев, 7,4% мордвы, 5,4% удмуртов, 7,4% коми и 13, 6% карел (с. 189). На самом же деле эти цифры есть доля лиц среди всего населения данной национальности, владеющих данными языками, но указавших в качестве родного другой язык. Возможно, впрочем, что это просто ошибка автора, однако, учитывая "идеологизированность" заключительных глав книги (см. ниже), читатель может придать этим цифрам совсем иное значение.

Впрочем, труд В.С.Патрушева по сути археологический, поэтому недостаточная компетентность в вопросах этнологии, языкознания и антропологии, хотя и удручает, могла бы быть простительной: этим

наукам в книге уделено не так много места. Однако рассматривая археологическую — основную часть данного сочинения, поражаешься непоследовательности автора в изложении материала. В книге практически отсутствует археология всего Севера и Северо-Запада (для бронзового и раннего железного веков) Европейской России, а также Предуралья. Часто выпадают целые блоки культур. Так, в описании археологических культур постаньинского времени в Прикамье вообще не упомянуты гляденовская, караабызская, осинская и др. (гл. 10). Не ясен и подход Патрушева к порядку изложения: почему, например, между волосовской и гаринской культурами следуют фатьяновская, балановская, сейминско-турбинская, абашевская (с. 18-22)? Материал вообще излагается весьма неравномерно: очень подробно описан погребальный обряд Ст.Ахмыловского могильника, но ничего не сказано о таковом, например, у волосовцев Волго-Окского междуречья; дана подробная, по А.Х.Халикову, периодизация балановской культуры, но отсутствует периодизация фатьяновской.

Порою создается впечатление, что автор переписывает (без ссылки на источник) работы коллег-археологов: на с. 113-114 угадываются места из автореферата И.С.Манюхина "Позднекаргопольская культура", в главах о средневековой археологии — страницы из монографии "Финно-угры и балты лесной полосы СССР в эпоху средневековья". При характеристике ананьинской культуры Патрушев опирается только на давние работы А.В.Збруевой и А.Х.Халикова, не считая нужным привлечь новые материалы Г.Р.Ишмуратовой, Л.И.Ашихминой, В.А.Иванова, В.Н.Маркова (с. 49-51). Едва ли в научно-популярной книге необходимо столь подробное и специальное описание керамики, не во всем понятное и специалистам (с. 9, 20, 22 и др.)

Книга содержит огромное количество ошибок и неточностей. Укажем лишь на некоторые из них. Так, фатьяновская культура по новейшим данным датируется второй половиной III-серединой II тыс. до н.э., а не первой половиной II тыс. до н.э., как то у В.С.Патрушева (с. 16). В качестве балановских упоминаются поселения Буй I и II (вслед за А.Х.Халиковым), но авторы раскопок В.П.Денисов и М.И.Трефц сближают их с фатьяновскими древностями; Галанкина Гора — не ранний балановский, а симбиозный балановско-волосовский памятник; при этом не упомянуты классические балановские памятники — Козловский и Балановские могильники (с. 19), которые определили названия этапов этой культуры. Балановцы вряд ли могли перенять у поздняковцев элементы орнамента (с. 18), так как поздняковская культура в целом позже балановской. Каменных топоров в балановских памятниках не "много" (с. 18, 19), а мало; все

они, как правило, случайные находки. На рис. 6:6, 12 даны фатьяновские вещи в качестве балановских, на рис. 6:11 — плоскодонный сосуд вместо круглодонных, якобы характерных для чирковской культуры (с. 19) (на самом деле круглодонная посуда в чирковских памятниках встречается лишь в смешанных волосово-балановских слоях и не является собственно чирковской). На рис.7:6 изображен кельт с невозможным для данного типа орудий сечением. Вообще, все рисунки крайне низкого качества и неинформативны.

Новомордовский могильник никак не может считаться абашевским (с. 20). А.Х.Халиков относит его к кругу памятников покровского типа. Могильник Дикариха — скорее не поздняковской культуры (с. 25), как считает Т.Б.Попова, а позднебронзовой культуры "текстильной" керамики (А.Л.Никитин). В качестве "северных" памятников поздняковской культуры указаны могильники Фефелов Бор, Борисоглебский, поселение Подборновское (с. 26). Все они, на самом деле, расположены на Оке, на юге поздняковского ареала. Поселение Галово принадлежит не лебяжской культуре, а близкой к гаринской. Металлические изделия эпохи бронзы из Канинской пещеры — не лебяжские, а сейминско-турбинские. Вообще лебяжская культура относится преимущественно не к бронзовому (с. 28), а к раннему железному веку (Л.И.Ашихмина, В.Н.Марков). Бабий Бугор и жертвенное место на городище Шолом — памятники не городецкой культуры (Патрушев судит о них по работам тридцатилетней давности А.П.Смирнова, А.М.Ефимовой и Н.В.Трубниковой) (с. 110), а именьковской, как это показал еще в 60-е годы П.Н.Старостин.

Примеры такого рода можно продолжить. Число ошибок несколько уменьшается разве что в главах, посвященных средневековой археологии, которые, как уже отмечалось, являются компиляцией тома "Археологии СССР". В других же случаях автор обнаруживает явное незнание новой (а порою и не очень новой) литературы. Так, судьба балановской культуры (с. 19) дается без учета последних работ Б.С.Соловьева, который подверг ревизии известную схему О.Н. Бадера — А.Х.Халикова. В описании культур "энеолитического" круга (волосовская, юртиковская, гаринская, новоильинская) Патрушев использует соответствующий том "Археологии СССР", не учитывая не столь уж новые работы В.В.Никитина, Р.С.Габяшева, А.А.Выборнова, Л.А.Наговицына, А.Ф.Мельничука. Им не упомянута, в частности, борская культура, которая предшествовала гаринской на Средней Каме (с. 22).

Очень слабо освещена археология эпохи раннего металла северо-востока Европейской России (с. 23): отсутствует анализ даже старых работ Г.М.Бурова, В.И.Канивца, В.С. Стоколоса. Автор датирует конец

срубной культуры рубежом II-I тыс. до н.э. (с. 26), тогда как в огромном количестве работ (А.Д.Пряхин, И.Б.Васильев, С.А.Агапов, Н.М.Малов, Ю.А.Колев и др.) давно показано, что финал этой культуры относится ко времени не позднее XIII в. до н.э.

В.С.Патрушев, считающийся специалистом по раннему железному веку, характеризуя ананьинские древности, не счел нужным обратиться к таковым в бассейнах Вычегды, Мезени и Пинеги (с.43). Его представления об Уфимском могильнике как ананьинском (с. 52) тридцатилетней давности, в то время как А.Х.Пшеничнюк давно доказал, что это памятник караабызской культуры. В словаре в конце книги ананьинская культура датируется VII-III вв. до н.э., хотя А.Х.Халиков доказал, что она сформировалась в VIII в. до н.э. Приведенная в словаре версия происхождения этой культуры не отражает современное состояние данной проблемы. Ананьинская (постмаклашеевская, по В.Н.Маркову) культура сформировалась на Нижней Каме и Средней Волге на базе маклашеевских групп населения (А.Х.Халиков, Л.И.Ашихмина, В.Н.Марков); другое дело, если бы речь шла о "классических" ананьинских древностях — шнуровых и гребенчато-шнуровых (постлебяжских), но оговорки такого рода в работе нет.

Вообще этот словарь столь часто "грешит" неточностями, ошибками, что использование его не может быть рекомендовано не только специалистам-археологам, но и аспирантам и студентам. Так, культура рязанских могильников была выделена не В.А.Городцовым, а П.П.Ефименко в 20-е гг.; новоильинская — не Л.А.Наговицыным, а О.Н.Бадером как культура "флажковой" керамики; сейминско-турбинские бронзы распространены не от Урала, а от Алтая; караабызская культура названа так не А.Х.Пшеничнюком, а А.В.Шмидтом еще в 30-е гг., и не по могильнику, а по поселению Кара-Абыз и т.д.

Особое место уделено в книге так называемой ахмыловской культуре (главы 6-7), носители которой, видимо, и были тем самым загадочным "финноязычным суперэтносом", упомянутым нами выше. На самом деле речь идет о группе средневолжских памятников VIII-VI вв. до н.э., в культуре которых отразились интенсивные взаимоконтакты и взаимосмешение населения ананьинской (постмаклашеевской) культуры и "текстильной"; определенную роль в этих процессах несколько позднее стали играть носители таежного шнурового и гребенчато-шнурового ананьина (постлебяжская культура).

В.С.Патрушев не замечает (или не хочет замечать) того обстоятельства, что даже центральный памятник выделенной им культуры — Старший Ахмыловский могильник — не монокультурный. В нем нет никаких специфических культурных черт, которые бы противопоставляли "ахмыловскую" культуру упомянутым ананьинской и "текс-

тильной". Этот памятник так же, как и Акозинский, Козьмодемьянский и др., есть отражение сложных этно- и культурогенетических процессов, но они не тождественны понятию "ахмыловская" культура (в трактовке В.С.Патрушева). Нельзя, например, не заметить, что в Ахмылове орудия, характерные для "текстильной" культуры (акозинско-меларские кельты) и ананьинских (кельты ананьинского типа с овальным и шестигранным устьем втулки) имеют различную локализацию, как это показали С.В.Кузьминых и К.Ф.Мейнандер. Вряд ли этот факт свидетельствует об единокультурности населения, оставившего Старший Ахмыловский могильник.

Напрасно В.С.Патрушев приписывает одному из авторов мнение об едином происхождении металла ананьинских и акозинско-меларских кельтов (с. 51). И те и другие орудия действительно отлиты из оловянных и оловянно-мышьяковых бронз, но С.В.Кузьминых недвусмысленно показал различия в традициях металлообработки носителей ананьинских и акозинско-меларских кельтов, что нашло отражение в химическом составе металла этих орудий. Представляется, что Патрушев противоречит самому себе: желая показать особую связь между акозинско-меларскими кельтами и "ахмыловской" культурой, он пишет, что их встречается в материале "много" — и указывает число 224, а ананьинских кельтов — "небольшое количество" — 248 (!) (с. 69).

Показательна глава 7, из которой, несмотря на пространные описания, совершенно не ясно, в чем же специфика "ахмыловского" погребального обряда, чем он отличается от обряда "текстильной" и ананьинской культур? Видя эту специфику в т.н. "домах мертвых", как объяснить наличие точно таких же "домов" в ананьинских могильниках Пермского Прикамья (Оханский, раскопки С.Н.Коренюка) и юга Среднего Поволжья (Тетюшский)? Последний памятник, правда, именно благодаря "домам мертвых", причисляется к "ахмыловской" культуре; с таким же успехом его можно отнести к "киммерийской", "скифской" и др., если иметь в виду какую-то одну категорию материалов. И уже совсем невозможно отнесение к "ахмыловской" культуре Оханского могильника. Во всяком случае вряд ли с этим согласится С.Н.Коренюк. Кроме того, этнографические аналоги "домам мертвых" известны чрезвычайно широко. Важно отметить и то, что в Ахмылове в "домах мертвых" преобладают именно кельты ананьинского типа.

Поскольку специфичность "ахмыловских" культурных признаков проблематична, фантазии о "финноязычном суперэтносе" В.С.Патрушев подкрепляет следующими рассуждениями: "ахмыловским" можно объявить любой памятник "текстильной" культуры, например, Убеевский могильник (с. 67), или ананьинской, в частности, Пустоморква-

шинский и Тетюшский (с. 67). В этой связи особо следует отметить материалы Копаньского городища и поселения Малахай (с. 54, 56), которые так до сих пор и не опубликованы и, по-видимому, не случайно, так как они ясно указывают на ананьинскую культурную принадлежность этих памятников.

Чтобы создать впечатление о мнимом величии ахмыловского "суперэтноса", все средства хороши: к этой культуре можно отнести совершенно разнокультурные Кошибеевский (первые века н.э.) и Младший Волосовский (VIII-VI вв. до н.э.) могильники (с. 119); можно писать об интенсивном сельском хозяйстве в лесной зоне Восточной Европы в середине I тыс. до н.э. (с. 115) при редких находках зерна и пыльцы культурных злаков в палинологических образцах в слоях поселений этого времени; можно утверждать, что в Марийском Поволжье было в ту эпоху максимальное число поселений (с. 118), в то время как количество ананьинских городищ и селищ на Каме гораздо больше и т.д.

Приходится констатировать, что в тех частях книги, где В.С. Патрушев выходит за рамки чистой компиляции, содержатся почти исключительно спорные и сомнительные суждения. Многие построения автора базируются, как правило, на ошибочных или устаревших данных, либо на умолчании или искажении не устраивающих его фактов. Квинтэссенцией небрежности являются имеющиеся в книге карты. Прежде всего, они изобилуют сугубо археологическими ошибками и неточностями: территория фатьяновской культуры доходит до Ладоги, а балановской — совпадает с реальной фатьяновской, в то время как собственно балановская территория в нижегородском Поволжье в ареал этой культуры не попала (рис. 3); культура "текстильной" керамики в эпоху финальной бронзы охватывает, по Патрушеву, Швецию, Норвегию (а судя по карте, достигала, возможно, и Исландии) и донскую лесостепь, а приказанская культура раскинулась от Костромы до Саратова (рис.8). Но еще более показательна география карт: на рис. 3 река Вятка выше Чепцы отсутствует, а слово "Вятка" почему-то написано латиницей на Чепце; на рис. 8 нет уже Оки, на ее месте — фантастическая река, текущая от Мурома к Коломне, а затем по руслу р.Москвы и по каналу Москва-Волга (все против реального течения рек); там же Днестр течет из северных районов Польши, рассекая Карпаты, а Черное море и Ботнический залив не имеют берегов — и т.д.

Низкий научный уровень книги автор совмещает с идеологической патетикой, суть которой состоит в том, что "о былом величии финно-угорских народов говорят лишь многочисленные археологические находки и географические названия" (с.3); в средние века "фин-

ноязычные народы стояли на пороге наивысшего могущества и расцвета культуры. Однако дальнейшее развитие народов Поволжья было остановлено русской колонизацией. Она была страшной трагедией для всех финно-угров. „Следы ее оставили глубокий след во всей дальнейшей истории финноязычных народов Поволжья" (с. 160); в результате "русской колонизации территории финно-угров исчезли многие народы" (с. 9), "долгие века длилось сокращение численности финно-угорских народов России" (с. 11); "в XVI-XVIII вв. еле-еле выживали оставшиеся группы финно-угров, рассеянных по всей территории Прибалтики, Поволжья, Приуралья, Сибири и Севера и загнанных на худшие земли, на которых везде настигали сборщики налогов русского царя, православная церковь" (с. 181); русские колонизаторы уничтожали даже саму землю, на которой обитало коренное население: "к волжским финнам относились также исчезнувшие в ходе русской колонизации территории финноязычных народов меря, мурома и мещера" (с.3).

Не хочется морализировать, но просто поражает в этих пассажах удивительная некорректность автора в отношении русских (характерно, что говоря об ассимиляции ливов латышами, Патрушев не использует столь сильное выражение, как "истребление" или "уничтожение", а пишет о "смешении их с балтами" — (с. 174), незнание им реальной истории взаимоотношений русских и финно-угров, очевидное непонимание сущности происходивших в средние века и новое время на территории Восточной Европы этнических процессов.

Итогом размышлений автора является заявление: "русскоязычное население в основном проживает в городах. Они составляют преобладающее большинство во всех организациях, учреждениях, предприятиях, вузах, взаимно поддерживают друг друга, выдвигают на руководящие должности, предоставляют льготы, находятся в гораздо лучшем положении, чем представители коренной национальности" (с. 189).

"Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно". В общем-то удивляться здесь нечему: научная некомпетентность и недобросовестность по необходимости компенсируются идеологизацией и политизацией науки, которая благодаря этому вовсе перестает нуждаться хоть в какой-нибудь компетентности и добросовестности. Все это в истории нашей страны мы уже проходили, но история повторяется и в данном случае — как раз в виде фарса.

В наше время издается много литературы сомнительного качества. Приходится сожалеть, что в этом ряду и книга В.С.Патрушева. Возможно, проф. А.Н.Кирпичников, благословивший ее в свет, иного мнения. Приходится также сожалеть и о том, что В.С.Патрушев не

обсудил рукопись среди специалистов-финно-угроведов. Вероятно, тогда бы мы имели дело совсем с иной книгой. Остается надеяться, что читательский спрос на научно-популярную литературу по истории и культуре финно-угорских народов России будет удовлетворяться, но работами уже совсем иного уровня и содержания.

Сергей Кузьминых *(Москва)*
Владимир Напольских *(Ижевск)*

V.S. Patrushev

THE FINNO-UGRIANS OF RUSSIA YOSHKAR-OLA 1993. REV. OF S.V.KUZMINYKH, V.V.NAPOLSKIKH

The book written as a popular-scientific one does not satisfy the main purposes: it contains a lot of mistakes both in adjacent sciences and especially in the author's discipline — archaeology; it has many omissions and misinterpretations, it does not reflect modern views and hypotheses (and very often the old ones — when they do not coincide with the author's opinion). It is utterly unacceptable as a popular book, it is neither a scientific monograph nor even a simple compilation. The scientific incompetence is combined in the book with political anti-Russian declarations which also show the author's ignorance in the Finno-Ugric history. The book is so bad that there is no need to debate with the author.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1.

Х р о н и к а

Хроника научной и культурной жизни финно-угорского мира (1989 – 1993 гг.)

1989 год

22-27 мая
Йошкар-Ола

Первая международная встреча финно-угорских писателей. Создание Международной Ассоциации писателей финно-угорских народов. Задачи Ассоциации: участие в публикации произведений на финно-угорских языках, защита авторских прав, профессиональных и социальных интересов членов Ассоциации, проведение семинаров, консультаций, содействие в подготовке переводчиков, стажировке по изучению языков финно-угорских народов. Принято Обращение к Главам правительств Венгерской Народной Республики, Советского Союза, Финляндской Республики, где подчеркнута "важность гарантированной реализации конституционного права в национальном самоопределении."

1990 год

22 января
г. Хельсинки
(Финляндия)

Создание Общества М.А.Кастрена. Цель Общества: способствовать становлению и развитию взаимоотношений между финнами и восточно-европейскими и сибирскими народами, говорящими на уральских языках, оказывать поддержку их культурным устремлениям.

Июнь
г.Йошкар-Ола

Первая встреча молодежи финно-угорских народов "Молодежь и культура". Создание Молодежной Ассоциации финно-угорских народов.

Первый международный фестиваль фольклора финно-угорских народов.

27 августа — 2 сентября
г.Дебрецен
(Венгрия)

VII Всемирный конгресс финно-угроведов.

6 октября
Йошкар-Ола

Учредительная конференция Фонда развития культур финно-угорских народов.Учредителями явились 32 государственных учреждения и общественные организации Карельской, Коми, Марийской, Мордовской, Удмуртской, Эстонской республик, Коми-Пермяцкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Цели Фонда: сохранение и приумножение культурного наследия, богатств языка, сближение финно-угорских народов, информирование мировой общественности о проблемах родственных этносов.

1991 год

23-28 марта
г.Нарва

Фестиваль сказок финно-угорских народов.

19-22 апреля *г.Ижевск*	Праздник танца финно-угорских народов.
26-28 апреля *г.Йошкар-Ола*	Встреча журналистов финно-угорских территорий.
10-14 августа *г.Эспоо* *(Финляндия)*	Вторая международная встреча финно-угорских писателей под девизом "Родной язык — моя Родина". Выставка-конкурс детского рисунка по произведениям финно-угорских писателей.
15-25 августа *Республика Марий Эл*	Лагерная смена детей финно-угорских народов.
17-21 августа *г.Сыктывкар*	Второй международный фестиваль фольклора финно-угорских народов.
14-20 октября *г.Йошкар-Ола*	Первый международный фестиваль телевизионных фильмов и программ "Культура, нравственность, духовность и национальное возрождение".
18-25 октября *г.Таллинн*	Дни библиотек "Финно-угорская культура и библиотека".
18-21 ноября *г.Йошкар-Ола*	Международная научно-практическая конференция "Этнокультура и образование финно-угорских народов". Участники конференции обратились к научной, творческой национальной интеллигенции с призывом объединить усилия для воспитания в людях сознания национальной идентичности (этнического самосознания), их приобщения к культурно-историческим достижениям родственных финно-угорских народов.
15-20 октября *г.Таллинн*	Научная конференция по разработке долговременной программы Фонда развития культур финно-угорских народов.

1992 год

27 марта — 2 апреля *г. Ижевск*	Фестиваль национальных театров финно-угорских народов.
15 мая *г. Ижевск*	Съезд финно-угорских народов России и создание Всероссийской Ассоциации финно-угорских народов.
14-18 июня *г. Саранск*	Третий международный фестиваль фольклора финно-угорских народов. Симпозиум фольклористов "Экология традиционной культуры".
Июнь *г. Ленинград*	Выставка произведений художников финно-угорских народов.
20 июня *Ленинградская область*	Праздник финно-угорских народов, не имеющих государственности, "Древо жизни".
Июнь *г. Таллинн*	Спортивные игры финно-угорской молодежи.
11-14 сентября *г. Каустинен (Финляндия)*	Международная финно-угорская конференция народных исцелителей.
10-11 сентября *г. Йошкар-Ола*	Международная конференция "Культура, язык и верования финно-угорских народов: проблемы и перспективы изучения", посвященная 110-летию со дня рождения финского ученого-религиоведа Уно Холмберга (Харва).
17-18 октября *г. Сомбатхей* (Венгрия)	Международная научная конференция "Пути уральских народов к политическому, культурному и языковому самоопределению".

Октябрь *г. Сыктывкар*	Второй фестиваль телефильмов и программ "Финно-угорский мир".
Ноябрь *г. Санкт-Петербург*	Возобновление работы Ассоциации финно-угроведов.
19-20 ноября *г. Петрозаводск*	Первый национальный конгресс карел, финнов, вепсов.
1-3 декабря *г. Сыктывкар*	Всемирный конгресс финно-угорских народов "Финно-угорский мир: реальность и перспективы". Создание международного консультативного комитета финно-угорских народов. Встреча делегаций парламентов и правительств финно-угорских государств, представительных и исполнительных органов власти республик Российской Федерации.
	Впервые проведена телепередача на языках ханты и манси.
	Впервые издан первый номер журнала "Югра".
	Создано Общество А.Регули (Венгрия).

1993 год

9-11 мая *г. Йошкар-Ола*	Симпозиум "Этногенез финноязычных народов".
25-27 мая *г. Хельсинки* *(Финляндия)*	Дни марийской культуры.
22 июня - 1 июля	Официальный визит Президента Венгерской Республики Арпада Генца в Республику Марий Эл, Коми, Удмуртскую Республику, Мордовскую республику, Ханты-Мансийский автономный округ.

Июнь-июль *.г.Ханты-Мансийск*	Четвертый международный финно-угорский фольклорный фестиваль. В рамках фестиваля проведена научно-практическая конференция "Поиск форм самоуправления аборигенных народов округа", международная ярмарка "Югорские россыпи".
14-18 июня *г.Оулу* *(Финляндия)*	Международная научная конференция "История Финно-Угрии".
10-14 июня *г.Йошкар-Ола*	Первый международный студенческий фестиваль финно-угорских народов.
30 июня *г.Йошкар-Ола*	Завершение формирования и утверждение Программы "Финно-угры Поволжья и Приуралья". Начало выполнения Программы.
19-30 июля *Удмуртия*	Международная лагерная смена детских творческих коллективов.
Август *Республика Марий Эл*	Экологическая лагерная смена детей финно-угорских народов.
23-28 августа *Эгер* *(Венгрия)*	Третья международная встреча финно-угорских писателей "Роль родного языка и национальной культуры в возрождении финно-угорских народов".
Сентябрь *г.Ижевск*	Третий международный фестиваль кино-видеофильмов и телепрограмм "Финно-угорский мир".
14-16 октября *г.Сомбатхей* *(Венгрия)*	Международная научная конференция "Праистория уральских народов".
26-27 октября *г.Ижевск*	Международный семинар по проблемам государственности, конституции и функ-

ционирования языков в финно-угорских регионах Российской Федерации. На семинаре рассмотрены вопросы реализации основных принципов национальной государственности коренных народов, национально-культурной автономии; о коренных народах и международном праве, практике применения государственных языков в зарубежных странах, билингвизме в республиках Российской Федерации.

Октябрь
г.Тарту

Международная научная конференция "Финно-угорские народы в меняющемся мире".

28-31 октября
г.Ижевск

Международная конференция молодежных организаций финно-угорских народов "Финно-угорский мир: перспективы и проблемы". Второй съезд Молодежной Ассоциации финно-угорских народов.

Составил
Игорь Садовин, *Йошкар-Ола*

Памяти
Альфреда Хасановича Халикова

24 июля 1994 года после тяжелой продолжительной болезни скончался А.Х.Халиков — известный археолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан.

Он родился в д.Курманаево Нурлат-Октябрьского района Татарстана 30 мая 1929 года в семье учителей. В 1947 году после окончания средней школы А.Х.Халиков поступил на исторический факультет Казанского университета, который окончил с отличием в 1952 году. С 1948 года начал активно участвовать в археологических экспедициях под руководством известного историка и археолога Н.Ф.Калинина (1888-1959гг.), сыгравшего большую роль в формировании исследователя. В 1951 году в Ученых записках Казанского университета (том III, кн. 10) вышла первая научная статья А.Х.Халикова, посвященная проблемам древнейшей истории Татарстана и отмеченная I Премией Министерства высшего образования СССР.

В 1951 году он был принят на работу лаборантом в группу археологии сектора истории Института языка, литературы и истории им Г.Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, в котором трудился до последних дней. В этом коллективе А.Х.Халиков стал известным ученым, доктором наук, профессором. В разные годы А.Х.Халиков

был ученым секретарем, заместителем директора, заведующим отделом. В 1956 г. защитил кандидатскую, а в 1966 году докторскую диссертации. Долгие годы А.Х.Халиков читал лекции по археологии и по проблемам этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете.

Альфреда Хасановича знают как талантливого исследователя-полевика. Под его руководством в Татарстане завершено сплошное обследование территории республики в археологическом отношении. В результате этого в середине семидесятых годов завершена археологическая карта республики (ныне опубликовано шесть книг, в которые включены материалы по 4358 памятникам). В 1950-1955 гг. А.Х.Халиков принимал активное участие в работах Куйбышевской археологической экспедиции, руководимой А.П.Смирновым и нацеленной на изучение памятников в зоне водохранилища гидроузла. В 1956-1960 гг. под руководством А.Х.Халикова проводилась Марийская археологическая экспедиция, организованная МарНИИ (г.Йошкар-Ола). До начала этих работ на территории Республики Марий Эл были известны лишь единичные археологические памятники. Материалы экспедиции позволили определить основные этапы развития древней истории марийского народа. В результате работ Марийской археологической экспедиции тех лет были выявлены и подвергнуты раскопкам памятники палеолита, мезолита, энеолита, эпохи бронзы и раннего железного века. В начале шестидесятых годов под руководством А.Х.Халикова на территории Республики Марий Эл начаты раскопки уникального Старшего Ахмыловского могильника раннего железного века.

В начале шестидесятых годов А.Х.Халиков организовал исследования памятников в зоне водохранилища Куйбышевской ГЭС. Эти работы продолжаются и поныне. Экспедиции в зоне рукотворного Куйбышевского моря дали возможность выявить и изучить сотни памятников, научную значимость которых трудно переоценить (например, Ново-Мордовский могильник II со стелами раннего железного века, могильники азелинской и именьковской культур, поселения волжских булгар-ремесленников и др.). Опыт работ казанских археологов на памятниках в зонах водохранилищ с успехом стал использоваться в других регионах.

В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов научные интересы А.Х.Халикова стали постепенно склоняться к Волжской Булгарии. Вместе с В.Ф.Генингом он принимал участие в раскопках Большетарханского могильника, а затем уникального Танкеевского могильника булгар IX-X вв. В середине шестидесятых годов А.Х.Халиков приступил к изучению Билярского городища.

Коллеги помнят А.Х.Халикова как талантливого археолога-разведчика. Полевые исследования он стремился дополнить данными палеоботаников, палеозоологов, антропологов; впервые в нашем регионе активно начал использовать аэрофотосъемку. В последний год жизни Альфред Хасанович прилагал много сил с целью открытия лаборатории по датировке на C^{14}.

Вместе с полевыми работами А.Х.Халиков активно готовил публикации материалов, статьи и монографии. Основная часть работ пятидесятых и шестидесятых годов ученого связана с проблемами первобытности. Материалы по первобытности были опубликованы в трудах Куйбышевской и Марийской экспедиций, ученых записках, журналах. Но наиболее полно они обобщены в монографии "Древняя история Среднего Поволжья" (М., «Наука», 1969). Впервые на новом богатом материале автор дал характеристику эпохи неолита, энеолита, раннего металла и эпохи бронзы. В работе предпринята попытка осветить и социальные отношения. Многие узловые положения этой книги поныне не утратили научной значимости. Материалы по раннему железному веку были обобщены в капитальной монографии "Волго-Камье в начале раннего железного века" (М., «Наука», 1977).

Другое направление научных поисков Альфреда Хасановича связано с этногенезом народов Среднего Поволжья и Приуралья. Особенно значительными эти работы исследователя оказались в последние годы, когда интерес к истории формирования народов невероятно возрос. А.Х.Халиков принимал активное участие во всех научных конференциях по проблемам этногенеза, проводившихся в Поволжско-Уральском регионе. Во многих работах А.Х.Халикова освещается этногенез древних венгров, марийцев, удмуртов, коми, мордвы, татар, башкир, чувашей, буртасов. Наиболее обобщенно взгляды исследователя изложены в работе «Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья», первая часть которой, посвященная финно-угорским народам, опубликована (Казань, 1991). К сожалению, вторая книга по этногенезу тюркоязычных народов задерживается в печати. По этногенезу татарского народа опубликованы «Происхождение татарского народа» (Казань, 1978), «Татарский народ и его предки» (Казань, 1989), «Кто мы — булгары или татары?» (Казань, 1992).

Третье направление научной деятельности Альфреда Хасановича связано с историей Волжской Булгарии. Еще в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов им совместно с В.Ф.Генингом, Е.А.Халиковой, Е.П.Казаковым выявлен и изучен ряд могильников ранних булгар на Нижней Каме. Материалы этих могильников позволили убедительно говорить о появлении булгар в Нижнем Прикамье в середине VIII столетия. Кроме того, было доказано, что процесс фор-

мирования волжских булгар был сложным. В нем основную роль играли тюркоязычные булгары. Другим ведущим компонентом были угорские, а также поволжско-финские группы.

Под руководством А.Х.Халикова около 25 лет велись систематические раскопки Билярского городища — остатки одного из крупнейших средневековых городов Восточной Европы. Экспедициями изучены центры ремесленного производства (железоделательного, кузнечного, гончарного, стеклоделательного и других). Работами выявлены разнообразные жилищные постройки, исследованы остатки общественных зданий (мечети, бань), кладбища, оборонительные сооружения.

А.Х.Халиковым изучались проблемы духовной культуры Волжской Булгарии, ее социально-экономические отношения, связи не только с соседними областями, но и отдаленными территориями. В последние годы его интересовали торговые пути Киева и Булгара. Совместно с А.П.Моцей (г.Киев) подготовлена и находится в производстве монография «Булгар— Киев. Пути, города, судьбы».

Перу Альфреда Хасановича принадлежит более пятисот работ, в том числе свыше тридцати книг. Он был участником многих научных конференций, симпозиумов, конгрессов. Его выступления помнят аудитории Болгарии, Венгрии, Финляндии, Польши, Чехии, Италии, Японии, Англии, Турции и других стран. Не все положения исследователя встречали поддержку и одобрение. По многим шли острые дискуссии (например, о тюркизации Среднего Поволжья и Приуралья, о времени возникновения г.Казани, о столицах Волжской Булгарии). Но А.Х.Халиков не боялся дискуссий. Он часто любил повторять, что дискуссии нацеливают на научный поиск, помогают отыскать отправные точки для дальнейших работ.

А.Х.Халиков был почетным членом Венгерского общества историков и археологов, иностранным членом Финно-угорского общества в Финляндии. Им подготовлены десятки аспирантов, ставших не только кандидатами, но и докторами наук, развивавших его идеи.

Альфред Хасанович сыграл большую роль в сохранении культурных ценностей, создании новых музеев, заповедников. Он был активным пропагандистом археологической и исторической науки, часто выступал с лекциями перед населением города Казани и Республики Татарстан, а также по радио и телевидению и в периодической печати. Память о выдающемся ученом навсегда сохранится в наших сердцах.

Петр Старостин, Рустем Габяшев, Евгений Казаков

г.Казань

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сануков Ксенофонт Никанорович — заведующий кафедрой региональной истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала "Финно-угроведение". Занимается изучением истории и культуры марийского народа. В сферу его интересов входит исследование современных этнических процессов у финно-угорских этносов.

Пустаи Янош — ректор педагогического института им. Берженьи в г.Сомбатхей (Венгрия). Специалист в области финно-угорских и самодийских языков.

Поляков Осип Егорович — заведующий отделом мордовских языков Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия, кандидат филологических наук. Занимается исследованием вопросов мордовских языков.

Клементьев Евгений Иванович — старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН, кандидат исторических наук. Специалист в области этносоциологии.

Могильников Владимир Александрович — ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, доктор исторических наук. Исследует проблемы археологии угорских народов Зауралья и Сибири.

Иванов Ананий Герасимович — старший научный сотрудник Марийского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент. Занимается изучением истории марийцев дореволюционного периода.

Лехтинен Ильдико — научный сотрудник Национального музея Финляндии, доктор философии. Занимается изучением материальной культуры финно-угорских народов.

Молотова Тамара Лаврентьевна — старший научный сотрудник отдела этнографии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева, кандидат исторических наук. Исследует проблемы материальной культуры марийцев.

Уваров Анатолий Николаевич — старший научный сотрудник Удмуртского института усовершенствования учителей, кандидат филологических наук. Занимается проблемами удмуртской литературы.

Сергеев Олег Александрович — преподаватель кафедры марийской и финно-угорской филологии Марийского государственного универси-

тета, кандидат филологических наук. Специалист в области марийской лексикографии.

Кудрявцева Раисия Алексеевна — заведующая Марийским филиалом Института национальных проблем образования Министерства образования Российской Федерации, кандидат филологических наук. Занимается проблемами русской и марийской литературы.

Кузнецова Маргарита Нифонтовна — преподаватель кафедры марийской и финно-угорской филологии Марийского государственного университета, магистр философии. Специалист по марийской лексикографии.

Куклин Анатолий Николаевич — старший научный сотрудник Марийского государственного педагогического института им.Н.К.Крупской, кандидат филологических наук, доцент. Занимается проблемами марийской фонетики и топонимики.

Ванюшев Василий Михайлович — старший научный сотрудник Удмуртского научно-исследовательского института языка, литературы и истории УрО РАН, кандидат филологических наук. Специалист в области удмуртской литературы.

Кузьминых Сергей Владимирович — старший научный сотрудник Института археологии РАН, кандидат исторических наук. Изучает раннежелезный век лесной полосы Восточной Европы.

Напольских Владимир Владимирович — ведущий научный сотрудник Удмуртского НИИ языка, литературы и истории УрО РАН, доктор исторических наук. Исследует проблемы мифологии финно-угорских народов.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Журнал "Финно-угроведение" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, критические статьи и рецензии на новые книги по циклу гуманитарных наук, изучающих финно-угорские этносы.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать 18-20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые могут быть напечатаны на машинке, должны быть написаны в тексте от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в

единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы надо подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора-два раза больше размера иллюстрации в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций.

Следует максимально сокращать пояснения на рисунках, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов, пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т.д. Наклеивать фотографии на бумагу и картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать "верх" или "низ".

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

5. Таблицы, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Текст заголовков в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в заголовке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены заголовка при переходе на следующую строку).

6. Текстовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1,2, ...

7. Пронумерованный список используемой литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84 "Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления". Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изданиях (типа КСИА, ТОДРЛ, ИСОАН) фамилии и

инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номер описи, дела). Источником библиографического описания является титульный лист издания.

В тексте и в скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: (5, с. 80). Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языке: т., рис., табл., с.

В тексте и в списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

8. Ссылки на оригинальные работы древних авторов даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

9.К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5-1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа; б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

10. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

11. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные после указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

12. Книги, журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

«Финно-угроведение», 1994 г., №1
Научный журнал
основан в феврале 1994 г.
Свидетельство о регистрации №012258

Адрес редакции: 424036, г.Йошкар-Ола,
ул Красноармейская,44.
Тел.:5-37-34

Редактор *Т.А.Товашова*
Обложка художника *Ю.П.Клюкина*
Английский текст *Л.В.Куликовой*

Оригинал-макет подготовлен фирмой «Раде»
Компьютерный набор и верстка *В.В.Безденежных*

Формат 60 × 84 $^{1}/_{16}$ Объем 10,5
Тираж 1000 экз Бумага офсетная Заказ №288
Отпечатано в фирме «Раде», бул. Свердлова, 5

Читайте
в следующем номере:

Виктор Балашов,
Валерий Юрченков. Западноевропейские традиции в изучении истории и культуры мордовского народа.

Юрий Шабаев. Этноязыковые процессы у коми-пермяков.

Наталья Глухова. Экспрессивность марийских языческих молитв.

Олег Данилов,
Татьяна Золотова. Зимний календарь русских и марийцев Среднего Поволжья.

Юрий Воробьев. Из истории деловой письменности на эрзянском и мокшанском языках.

и другие материалы по финно-угроведению.